

НЕ ПОДАЕТСЯ

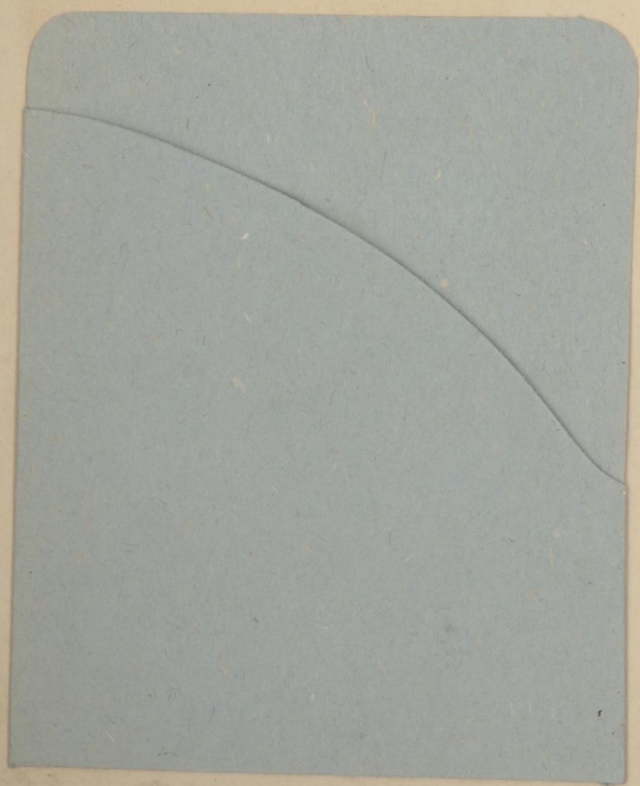
K-7892.2
466318
~~44.793~~

V.N. Karazin Kharkiv National University

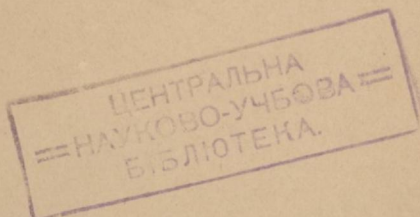
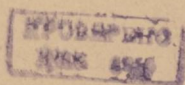

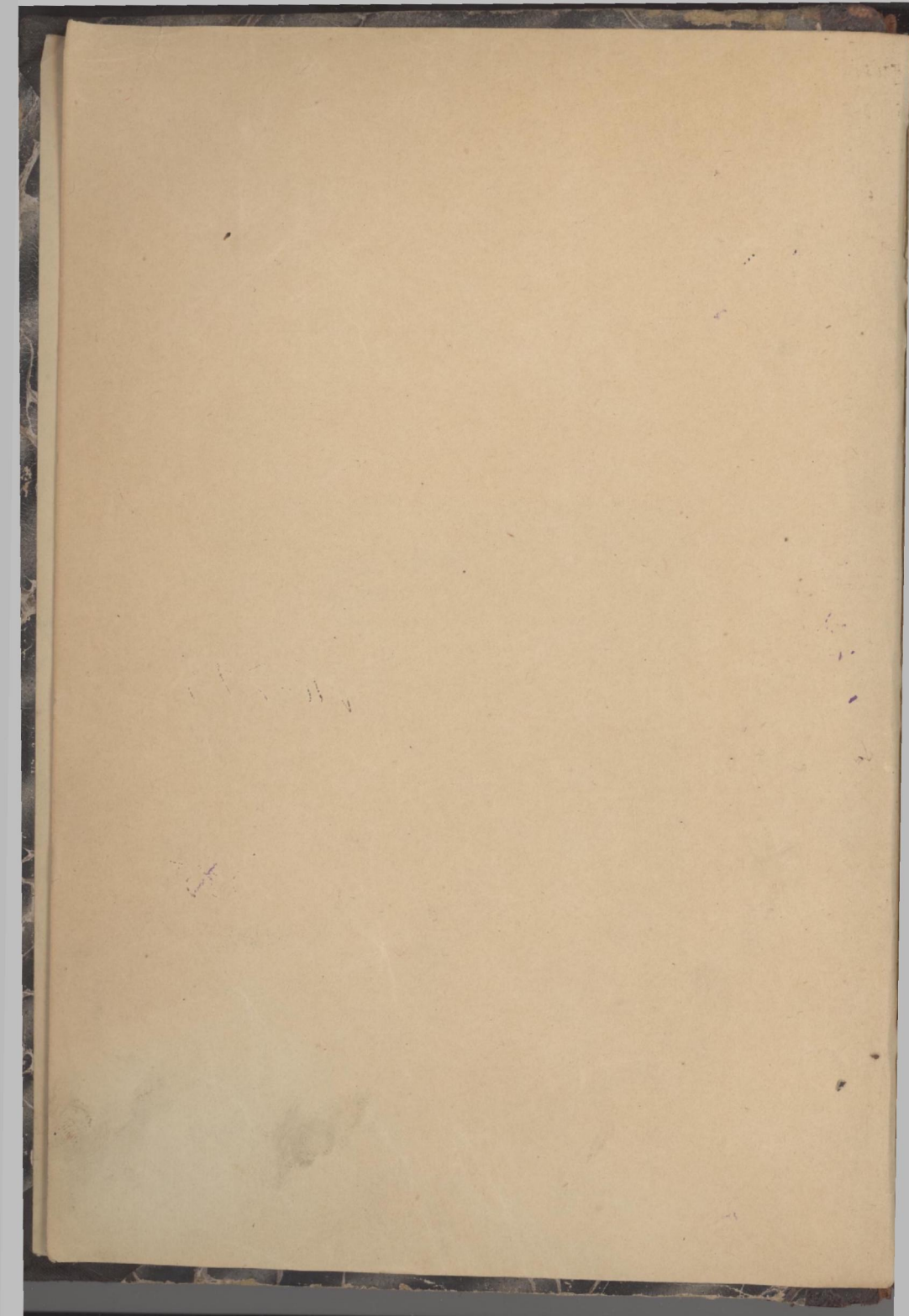
00620421

7

9

К-789-ч.г.

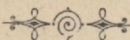
ЧЕРНЫЙ ДЕНЬ.

ПОВѢСТЬ

И. КРАШЕВСКАГО.

466318

М-793

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. С. Балашевъ и Ко, Фонтанка 95.
1899.

8

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 іюля 1899 г.

Часть первая.

ПРОЛОГЪ.

Wer Tunken sät, der erntet Tlammen.

(Поговорка).

Маленькая помѣщицья усадьба, на которой не было уже ни одного крестьянина—примыкающая къ западной границѣ королевства *), когда-то центръ значительныхъ владѣній, теперь же только домъ и хозяйственные постройки—принадлежала пану Григорію Любаховскому, герба Любичъ... Этотъ клочекъ земли, неудобный для хозяйства, тревожимый пограничной стражей, открытый для нападенія авантюристовъ, занимающихся переправою черезъ границу разныхъ товаровъ, достался пану Григорію по наслѣдству отъ бездѣтнаго дяди.

Дареному коню въ зубы не смотрять... Панъ Григорій, которому было очень хорошо на мѣстѣ управляющаго въ имѣніяхъ князя Л., который жилъ себѣ спокойно, какъ у Христа за пазухой,—когда узналъ, что ему достался этотъ клочекъ земли, почувствовалъ такую любовь къ нему, такое желаніе хозяйничать на своемъ, что, несмотря на разсудительные совѣты продать это наслѣдство и остаться на мѣстѣ, бросилъ ради доставшагося ему достоянія все.

Онъ самъ не могъ себѣ объяснить того чувства, которое имъ овладѣло. Съ того времени, какъ ему сказали, что тамъ гдѣ-то въ глуши есть фольварокъ **), принадлежащій ему, онъ не имѣлъ ни минуты покоя...

*) Королевство—губернія Царства Польскаго.

**) Маленькая усадьба.

Разсудокъ указывалъ опытному человѣку, что подъ старость идти хозяйничать въ неизвѣстный край, при условіяхъ, съ которыми надо было еще освоиваться, изучать ихъ, подъ другимъ правленіемъ и законами—это было очень опасно. Но панъ Григорій никогда во всю свою жизнь не имѣлъ ни клочка своей земли и сдѣлаться такъ внезапно обладателемъ двухсотъ морговъ вмѣстѣ со всѣми постройками, не заплативъ ничего, — казалось ему великимъ счастьемъ. Онъ не рассчитывалъ, впрочемъ, на прибыль,—но это былъ свой собственный... клочекъ земли. Сердце привязалось къ нему заочно.

Чтобы понять и оцѣнить то, что бросилъ Любаховскій, надо знать, каково было его положеніе у князей. Онъ служилъ имъ съ дѣтства съ полнымъ самоотверженіемъ и самопожертвованіемъ. Имѣнія, довѣренныя ему, были не особенно значительны и приносили небольшой доходъ, такъ что ему приходилось довольствоваться незначительнымъ жалованьемъ; но зато онъ пользовался неограниченнымъ довѣріемъ и любовью князей, его звали другомъ, не слугой. Когда, послѣ смерти жены, Любаховскому пришлось позаботиться о воспитаніи своей единственной дочери, княгиня взяла маленькую Марынку и, пока она не выросла, держала при себѣ, воспитывая вмѣстѣ со своей собственной дочерью, почти ровесницей сироты. Панъ Григорій имѣлъ то утѣшеніе, что ребенокъ вышелъ изъ-подъ этой опеки, какъ цвѣтокъ, свѣжій, красивый, неиспорченный никакимъ вреднымъ дыханіемъ.

Молоденькая еще, всего шестнадцатилѣтняя Марынка вернулась къ отцу хозяйничать, утѣшать его и оживлять пустой домъ.

Имъ такъ было хорошо другъ съ другомъ и съ окружающими людьми, какъ вдругъ умеръ, почти неизвѣстный пану Григорію, старый Янъ Непомуценъ, какой-то его дядя... и ему досталась въ наслѣдство Любахувка... Люди, знающіе мѣстные отношенія, совѣтовали ему продать все и остаться на мѣстѣ. Князь самъ написалъ ему, умоляя остаться. Мучился панъ Григорій; но какъ было отдать въ чужія руки послѣдній клочекъ земли, огромныя пространства которой принадлежали когда-то ихъ роду? Воспоминанія и могилы привлекали къ себѣ; Любаховскій считалъ своимъ долгомъ взять себѣ бѣдный фольварокъ.

Покойный хозяинъ Янъ Непомуценъ былъ чудакъ, вовсе не умѣвшій хозяйничать, вѣчно сидѣлъ по уши въ долгахъ, велъ тяжбы съ сосѣдями и, умирая, оставилъ Любахувку въ такомъ состояніи, что она непремѣнно должна была пойти съ молотка.

Панъ Григорій, отблагодаривъ князя, къ которому ѣздилъ прощаться вмѣстѣ съ дочерью, поплакавши на разставаніи, взялъ все свое имущество и переѣхалъ въ Любахувку. Его и дочь это наслѣдство, эта собственность приводила въ восторгъ.

Они знали, что въ запущенной усадьбѣ было много работы, но не рассчитали всей потери, которая обрушилась на нихъ. Любахувка представляла видъ страшнаго запустѣнія. Домъ чуть не свалился подпертый, какъ калѣка на костыляхъ. Клочекъ лѣса состоялъ изъ пней и кустовъ, луга заросли и были залиты водой, поля запущены... Нигдѣ даже не нашелъ Любаховскій цѣльнаго плетня.

Среди такого опустошенія попадались остатки старины, доказывавшіе, что когда-то усадьба эта была въ лучшемъ положеніи и постепенно дошла до разоренія. Такъ, подъ разваливающимся домомъ были погреба, довольно обширные, хорошіе и сухіе; въ саду росли старыя груши и всевозможные виды плодовыхъ деревьевъ, но уже одичавшіе. Сарай, уцѣлѣвшій отъ старины, построенный изъ отличнаго дерева, выглядѣлъ величественно среди позднѣйшихъ построекъ.

Панъ Григорій, пріѣхавъ съ деньгами въ карманѣ, съ многолѣтнимъ опытомъ и знаніемъ сельскаго хозяйства, сразу хотѣлъ поставить Любахувку на образцовую ногу.

Онъ не жалѣлъ денегъ, въ томъ убѣжденіи, что то, что вкладывается въ землю, непремѣнно должно вернуться. Но тутъ примѣненіе самыхъ полезныхъ теорій разбивалось о тысячи трудностей. Завистливые сосѣди мѣшали ему, чѣмъ только могли.

Однако, панъ Григорій выстроилъ себѣ домикъ скромный, но уютный, устроилъ огородъ и садъ, почистилъ поля, осушилъ луга, купилъ лошадей, нанялъ работниковъ и началъ хозяйничать.

Быть можетъ, онъ и вышелъ бы побѣдителемъ изъ этой

борьбы, если бы онъ былъ у себя дома господиномъ. Любахувка лежала на самой границѣ, такъ что пограничная линія шла черезъ лугъ, къ ней принадлежавшій.

Довольно отдаленная отъ другихъ поселеній, она упиралась этимъ лугомъ въ густой садъ. Контрабандисты избрали себѣ это мѣсто, а въ особенности одну тропинку, названную, неизвѣстно почему, «заячьимъ трактомъ»—и прокрадывались здѣсь не только пѣшкомъ или верхомъ, но даже съ цѣлыми возами, если знали навѣрное, что пограничная стража отвлечена въ другую сторону.

Это воровское ремесло контрабандиста имѣло здѣсь свои традиции, свои средства, приспособленныя къ мѣстности, множество помощниковъ и расположеніе населенія отчасти изъ страха, отчасти въ надеждѣ выгоды. Хотѣли сразу привлечь на свою сторону и пана Григорія или, сдѣлавъ его дѣятельнымъ сообщникомъ, добиться того, чтобы онъ смотрѣлъ сквозь пальцы на все, что будетъ происходить.

Онъ откровенно отвѣтилъ:

— Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, но ни къ какому воровству причастнымъ быть не желаю и заранѣе объявляю, что буду искоренять контрабанду, скорѣе ужъ помогу пограничной стражѣ.

Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, начали ему грозить и дѣлать всякія непріятности. Потравляли луга и поля, поджигали нѣсколько разъ лѣсъ, подкрадывались къ дому... Ни днемъ, ни ночью не было покоя.

Врывалась пограничная стража, идя по ложному пути, и ночью дѣлали обыскъ въ имѣніи.

Хватали у него работниковъ и водили по судамъ свидѣтелями.

Нельзя было купить себѣ свободу иначе, какъ закрывая глаза, а этого именно панъ Григорій и не хотѣлъ дѣлать.

Такимъ образомъ, идеальная жизнь въ Любахувкѣ сдѣлалась чистымъ мученьемъ. Къ этому присоединялись еще слѣдствія несчастной борьбы двухъ народностей, двухъ племенъ, изъ которыхъ одно цѣлые вѣка владѣло этой землей, а другое врывалось сюда насильно, поддерживаемое государственной властью.

Вначалѣ, послѣ занятія Польши, послѣ введенія новыхъ учреждений и законовъ, ничто не указывало на то, что правительство желаетъ онѣмечить эту провинцію, которой торжественно присягало сохранить ея религію, обычаи и языкъ.

Незамѣтно, исподволь приползали сюда нѣмецкіе владѣльцы, пользуясь польской безпечностью, и только уже когда почувствовали себя сильными по своей численности,—подали сигналъ къ бою. Бой этотъ, однако, ограничивался только легальными средствами.

Но съ теченіемъ времени, вмѣсто естественнаго присоединенія націи при посредствѣ уравнинія правъ и избѣгая всего, что могло раздражать народъ и вызывать реакцію,—открыто бросили перчатку, объявивъ, что законъ знать не хочетъ правъ чужой націи.

Панъ Григорій Любаховскій, прибывшій сюда съ совершенно другими понятіями, думавшій, что, въ крайнемъ случаѣ, если бы даже пришлось двумъ племенамъ жить рядомъ на одной землѣ, прямой обязанностью каждаго было водворять между ними согласіе, миръ, развивать въ нихъ взаимное уваженіе,—ужаснулся, увидѣвъ, что объявлена настоящая война и что приходится поневолѣ защищать все свое.

Какъ разъ въ то время, когда эта война только еще начинала обрисовываться, Любаховскій съ дочерью едва успѣлъ устроиться на своемъ новомъ хозяйствѣ. До сихъ поръ у пана Григорія, занятаго приведеніемъ въ порядокъ запущенной Любахувки, не было времени, чтобы сблизиться съ кѣмъ-либо изъ сосѣдей, показать имъ себя или разузнать что-либо о нихъ.

Въ костелѣ онъ встрѣчалъ, правда, крестьянъ и нѣкоторыхъ сосѣдей, но избѣгалъ знакомствъ. Съ крестьянами, къ которымъ онъ всегда былъ крайне расположенъ, панъ Григорій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ и они первые начали распространять славу объ его умѣ и добротѣ сердца.

Рядомъ съ Любахувкой находилось большое имѣніе Любокау (къ чему прибавлялось всегда «deutsch») принадлежавшее нѣкому Крейцеру, который энергично взялся за образцовое хозяйство, ни въ чемъ не зная мѣры, и до такой степени ра-

зорился на машинахъ, грандіозныхъ постройкахъ и всевозможныхъ улучшеніяхъ, что долженъ былъ продать «Deutsche Lubosau».

Но вслѣдствіе очень дорогой цѣны, назначенной Крейцеромъ, онъ не могъ найти покупателя и имѣніе пошло съ молотка. Никто изъ поляковъ не явился на торги и Любокау, съ большой потерей для довѣрчивыхъ кредиторовъ Крейцера, перешло въ руки другого нѣмца, коммерціи совѣтника герра Саломона Треубернера, котораго никто здѣсь не зналъ.

Извѣстно было только, что Треубернеръ явился изъ Берлина, гдѣ долго жилъ, уѣхавъ изъ Гамбурга, и что, должно быть, былъ очень богатъ, если не боялся въ незнакомомъ краѣ покупать землю за такую дорогую цѣну.

Его будто бы привлекали пивоваренный и кирпичный заводы, производство драпицы, отлично устроенное хозяйство. Коммерціи совѣтникъ, происходившій, повидимому, изъ купеческаго сословія, надѣялся, должно быть, что изъ столькихъ отраслей производства хотя одно можетъ развиваться.

Послѣ покупки «Deutsche Lubosau», каждый день начали доходить въ Любахувку вѣсти о томъ, что тамъ дѣлается, какъ Треубернеры, отецъ съ сыномъ, устраиваютъ свою новую резиденцію. Отецъ отдавалъ ее сыну, который долженъ былъ здѣсь поселиться. Люди эти были, какъ оказывалось, болѣе чѣмъ со средствами—богатые. Судя по тому приему, какой имъ оказали мѣстные чиновники, панъ Григорій предполагалъ, что у нихъ, повидимому, была сильная протекція въ верхнихъ слояхъ. Молодой Треубернеръ, какъ говорили, былъ уже на службѣ и даже имѣлъ какой-то чинъ. Что касается до его переѣзда въ Любокау, то ничего еще не было достовѣрно извѣстно; однако, старый домъ дѣлали жилымъ.

Тамъ шла такая возня, что это отразилось даже на владѣльцѣ Любахувки, такъ какъ работники вздорожали и труднѣе стало ихъ найти.

Это немножко огорчало пана Григорія; другой на его мѣстѣ сталъ бы проклинать нѣмца и сердиться, а онъ принималъ это съ кротостью и смиреніемъ.

Въ характерѣ Любоховскаго было, что, разъ уже усвоивъ себѣ извѣстные взгляды, извѣстныя убѣжденія, онъ неизмѣнно

примѣнялъ ихъ въ жизни, хотя иногда это было крайне для него невыгодно.

Одинъ изъ его принциповъ, о которыхъ онъ часто говорилъ, былъ тотъ, что всѣ люди—братья; всѣ націи, многочисленные и малыя, имѣютъ одни права; что ненависть и преслѣдованіе вредны и опасны для тѣхъ, къ нимъ прибѣгаютъ.

Такимъ образомъ, здѣсь, гдѣ взаимная ненависть двухъ издавна враждебныхъ народовъ, постоянно разжигаемая, росла съ каждымъ годомъ, онъ былъ, быть можетъ, единственный человѣкъ, который не питалъ ее въ сердцахъ и доказывалъ, что ее всѣми силами должно искоренять.

Тѣ, которыхъ долгая жизнь сдѣлала уже осторожными и научила, какъ надо жить, вмѣняли пану Григорію въ вину то, что онъ братался съ нѣмцами, не сторонился отъ нихъ, даже отворялъ имъ двери своего дома и проповѣдывалъ согласіе.

Его упрекали въ отсутствіи горячей привязанности къ своей землѣ; но каждый разъ, когда требовалось доказать, что онъ сознаетъ свои обязанности и исполняетъ ихъ, онъ самъ первый готовъ былъ пожертвовать всѣмъ.

— Станный человѣкъ,—говорили про него,—какъ будто очень ярый и честный патріотъ, а самъ чувствуетъ слабость къ нѣмцамъ, просто ищетъ ихъ.

Случалось, что гдѣ-нибудь по сосѣдству нѣмцы дозволяли себѣ злоупотребленія, будучи увѣрены въ покровительство высшей власти, что явно нарушали право въ интересъ своей націи; это возмущало и пана Григорія, но когда дѣло доходило до мщенія, онъ не соглашался.

— Это еще не резонъ, если кто-нибудь позволилъ себѣ злоупотребленіе, чтобы я непременно долженъ былъ подражать ему. Это все равно, какъ если бы я сталъ подражать вору и воровалъ бы потому, что меня обокрали!—Съ полнымъ спокойствіемъ и хладнокровіемъ выслушивалъ панъ Григорій упреки, молчалъ, но не измѣнялъ своего образа дѣйствій.

Когда Треубернеры купили Любокау, они обращались за разными мелкими услугами къ пану Григорію, который никогда не отказывалъ и, по польскому обычаю, когда дѣло

шло о мелочахъ, не считался и не хотѣлъ ничего брать. Поэтому молодой Робертъ Августъ Треубернеръ, референдаръ, въ одинъ прекрасный день въ маленькомъ экипажѣ на парѣ роскошныхъ лошадей, важно и съ шикомъ подѣхалъ къ крыльцу Любахувки съ первымъ визитомъ для заведенія знакомства.

Панъ Григорій, отвыкшій здѣсь отъ барской роскоши, такъ какъ сосѣди были все больше бѣдные, удивился экипажу Треубернера, но еще большее удивленіе пробудилъ въ немъ самъ Робертъ Августъ.

Блондинъ, высокаго роста, стройный, съ очень красивымъ и симпатичнымъ лицомъ, онъ имѣлъ въ себѣ, правда, что-то военное, какъ всѣ пруссаки, былъ немножко натянутъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ такъ предупредительно вѣжливъ, такъ деликатенъ въ обращеніи, что съ первой же встрѣчи завладѣлъ сердцемъ Любаховскаго. Домикъ въ Любахувкѣ хотя и былъ маленький и простенькій, однако, замѣтно было, что Марынка провела всю свою молодость въ барскомъ домѣ и имѣла много вкуса. Отецъ позволилъ ей здѣсь устроить себѣ гнѣздышко, какъ она хотѣла, такъ что здѣсь было очень красиво, хотя безъ всякихъ признаковъ роскоши и блеска. Князь подарилъ Марынкѣ чудную старинную мебель, княжна множество фарфоровыхъ чашекъ; у отца были роскошные восточные ковры. А такъ какъ Марынка очень любила цвѣты, то все это вмѣстѣ дѣлало домикъ красивымъ и изящнымъ, какъ игрушка.

Марынка отлично играла на фортепіано, и отецъ купилъ ей рояль самой лучшей вѣнской фабрики.

Все это указывало на то, что хозяева дома принадлежали къ самому образованному обществу. А такъ какъ Роберту, по всей вѣроятности, описали жителей Познанскаго княжества людьми полудикими, то видно было, какимъ пріятнымъ сюрпризомъ была для гостя Любахувка.

Навѣрное, немало помогли впечатлѣнію и стройная фигурка, и очаровательное личико Марынки. Въ свою очередь, Робертъ Августъ пробудилъ въ обитателяхъ Любахувки удивленіе и симпатію. Онъ просто не могъ нарадоваться тому, что нашелъ здѣсь у Марынки произведенія и бюстъ Шиллера, что она играла ему нѣмецкую музыку и съ увлеченіемъ говорила о Бетховенѣ и Веберѣ. Визитъ, который предполагался

сначала чисто формальнымъ, сразу завязалъ самыя дружескія отношенія. Старый панъ Григорій, правда, мерзко говорилъ по-нѣмецки и часто ошибался, въ особенности въ обозначеніи родовъ, такъ что дочь постоянно его поправляла, но онъ до такой степени старался быть вѣжливымъ, такъ былъ гостепріименъ и радушенъ, что референдаръ долженъ былъ простить ему грамматическія ошибки.

Зато Марынка говорила бойко, а такъ какъ притомъ очень любила нѣмецкихъ поэтовъ, то могла свободно цитировать ихъ въ разговорѣ, что приводило молодого нѣмца въ восторгъ.

Когда, просидѣвъ здѣсь два часа, Робертъ уѣхалъ въ Любокау, старикъ просто не могъ нахвалиться.

— Вотъ такихъ людей, пускай, сюда присылають, — говорилъ онъ дочери, — тогда мы будемъ жить спокойно. Нашъ молодой сосѣдъ очень милый и симпатичный.

Марынка тоже хвалила его, находя очень хорошо воспитаннымъ.

На третій день и Григорій въ своей обыкновенной упряжи, даже не принарядившись, поѣхалъ отдать визитъ сосѣдямъ и вернулся оттуда изумленный.

Онъ нашелъ Любокау болѣе чѣмъ мрачнымъ, такъ какъ оказалось, что никто не собирался здѣсь жить. Прислуги было мало, показался одинъ человекъ и пропалъ, а кофе подавала дѣвушка въ бѣломъ гамбургскомъ чепчикѣ.

На всемъ лежалъ отпечатокъ пользы, ничего не было сдѣлано ради красоты или изящества.

Молодой хозяинъ жаловался, что нашелъ имѣнье не раціонально поставленнымъ, а администрацію слишкомъ дорогой и сложной. Единственной роскошью, бросившейся въ глаза Любоховскому, были книжки; но и тѣ, какъ онъ увидалъ потомъ, оказались по большей части хозяйственными или относящимися къ разнымъ отраслямъ промышленности, находящимся въ связи съ сельскимъ хозяйствомъ.

И онъ, и дочь не могли надивиться, что такой образованный юноша ничего не дѣлалъ для своего удовольствія, ради развлечения. Даже садъ былъ запущенъ, и референдаръ замѣтилъ, что въ этихъ краяхъ фруктовый садъ не принесъ бы прибыли.

— Да какъ же ты хочешь,—объяснялъ Любаховскій дочери,—имѣнье они купили дорого, немало денегъ еще придется вложить въ него, гдѣ же тутъ думать объ удовольствіяхъ и о садѣ?

Молодой Треубернеръ, упомянувъ о своей службѣ, заявилъ, что онъ взялъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ, которые собирался посвятить устройству этого имѣнья.

— Стоитъ только разъ пустить въ ходъ машину,—говорилъ онъ,—и поставить къ ней внимательныхъ людей, и она пойдеть ужъ дальше сама.

О Робертѣ говорили, что онъ очень усердно работалъ съ утра до ночи. А такъ какъ онъ долженъ былъ скучать въ одиночествѣ и нуждался въ развлеченіи, то воспользовался любезнымъ приглашеніемъ пана Григорія и навѣщалъ его по вечерамъ. Они проводили эти вечера очень пріятно, такъ какъ оказалось, что референдаръ хорошо игралъ на фортепіано и любилъ играть въ четыре руки.

Кромѣ того, онъ былъ очень начитанный, милый, много могъ поразсказать о столицѣ и ея знаменитостяхъ; знаменитые писатели и поэты были ему лично знакомы, по крайней мѣрѣ, онъ отзывался о нихъ такъ, какъ будто онъ привыкъ вращаться въ ихъ обществѣ.

У пана Григорія и дочери его осталось отъ старыхъ привычекъ то, что ихъ особенно занимала оппозиція и люди, старающіеся ввести въ жизнь идеалы. Въ Германіи раздавались тогда пѣсни Берне, Гейне, Фрейлиграта и многихъ другихъ, но референдаръ не признавалъ ихъ поэтами и ругалъ ихъ немилосердно. Марынка не разъ подговаривалась, чтобы онъ помогъ ей раздобыть ту или другую запрещенную книгу, но Робертъ отказывался наотрѣзъ. Наконецъ, всемъ стало ясно, что онъ принадлежитъ къ числу самыхъ строгихъ консерваторовъ, но панъ Григорій не могъ ему этого ставить въ вину, такъ какъ онъ былъ на службѣ.

Изъ мелькомъ схваченныхъ фразъ можно было даже заключить, что онъ бывалъ при дворѣ.

При такихъ отношеніяхъ два мѣсяца прошли такъ быстро, что старый, честный, никогда не видящій ничего дурного Любаховскій и не замѣтилъ, какъ между референдаремъ и Ма-

рынкой завязались слишком тѣсныя отношенія, слишком тѣсная дружба. Постоянно обмѣнивались нотами и книжками, писались письма, — Робертъ прїѣзжалъ почти каждый день и по цѣлымъ часамъ просиживалъ въ саду наединѣ съ Марынкой.

Послѣ слишкомъ долгой слѣпоты, старый отецъ вдругъ былъ пораженъ однажды видомъ этой пары, прогуливающейся по саду. То, о чемъ онъ никогда до сихъ поръ не думалъ, встало вдругъ передъ его глазами. Онъ поблѣднѣлъ, потомъ покраснѣлъ, сложилъ руки и рѣшилъ поступить энергично.

Послѣ отбѣзда Роберта, когда дочь пришла проститься съ нимъ передъ сномъ, панъ Григорій поцѣловалъ ее въ лобъ и удержалъ.

— Марынка! — сказалъ онъ, — я далъ тебѣ полную свободу, потому что знаю, что ты не злоупотребишь ею. Я вижу, что этотъ молодой, славный нѣмецъ слишкомъ что-то ухаживаетъ за тобой, что ты оказываешь ему расположеніе и дружбу. Марынка, дорогая моя, я долженъ напомнить тебѣ, что онъ не нашъ, чужой, что ты не можешь выйти за него замужъ, а онъ не можетъ на тебѣ жениться.

Марынка слушала, вся раскраснѣвшись, дрожа; слезы блеснули на ея глазахъ.

— Отецъ мой! — отвѣчала она, — твое предостереженіе уже слишкомъ поздно! Прости меня! Онъ любить меня, я люблю его — выйду за него, или ни за кого.

И она скрыла свою голову въ объятіяхъ отца.

— Мы бѣдны — онъ богатъ, дитя мое; отецъ будетъ противиться этому браку, а для тебя, для меня — что за будущность? Ты должна будешь отречься отъ меня, отъ родины, языка — я даже боюсь за твою вѣру; ты должна будешь изъ-за него сдѣлаться нѣмкой! Можешь ли ты въ этой попыткѣ найти счастье?

— Робертъ не требуетъ отъ меня, — живо и горячо начала она, — чтобы я отъ чего-либо отрекалась. Я могу примѣниться къ нему, но въ душѣ останусь твоей Марынкой. Безъ него я не была бы счастлива. Ты еще его не знаешь — это великій умъ и великое сердце — человѣкъ, который имѣетъ передъ собой блестящую будущность... Быть его подругой, помощницей, работать съ нимъ — можетъ ли быть на свѣтѣ высшее счастье?

— Дитя мое, дидя мое!—замѣтилъ Любаховскій,—ты говоришь объ этомъ, какъ-будто была уже увѣрена въ согласіи его отца.

— Онъ добьется его,—прервала Марынка,—онъ далъ мнѣ слово, а я обѣщалась ему упросить тебя, отецъ мой.

Любаховскій началъ плакать, какъ ребенокъ. До сихъ поръ онъ могъ только подозрѣвать, теперь же онъ имѣлъ на лицо всѣ послѣдствія своей неосмотрительности: одиночество въ старости, сиротство...

Марынка могла превратиться въ жену нѣмца; но онъ! онъ! Не разъ уже они сталкивались съ Робертомъ въ своемъ разговорѣ и обнаруживали столь противорѣчація мнѣнія, что не могло быть и рѣчи о соглашеніи. Нѣмецъ вовсе не понималъ этой любви къ родинѣ, которую встрѣчалъ въ старикѣ, не понималъ отстаиванія націи, которая въ его глазахъ была слабой, безжизненной...

Паномъ Григоріемъ овладѣло такое безпокойство, такое волненіе, что на другой день, не посылая за докторомъ, по старой методѣ, онъ дважды велѣлъ цирюльнику пустить кровь. Ходилъ, какъ убитый... Когда вечеромъ пріѣхалъ Робертъ, Любаховскій, встрѣтивъ его, шепнулъ, что желаетъ поговорить съ нимъ наединѣ.

— Все это складывается какъ нельзя лучше, — отвѣчалъ Робертъ,—потому что и я собирався просить васъ выслушать меня.

Марынка вышла, стараясь казаться беззаботной, но на самомъ дѣлѣ сильно смущенная и блѣдная.

Они остались одни въ кабинетѣ пана Григорія. Референдаръ всталъ и торжественно произнесъ:

— Я долженъ былъ уже раньше объявить вамъ, что прошу руки вашей дочери; это вина молодости и неопытности, что я говорю объ этомъ такъ поздно. Я люблю панну Маріанну и умоляю васъ—не противьтесь нашему счастью, не отказывайте мнѣ въ ея рукѣ.

Онъ говорилъ это съ чувствомъ, съ покорностью и расстрогалъ честнаго Любаховскаго, который бросился ему въ объятія.

— Поклянись мнѣ, что ты сдѣлаешь ее счастливой. Я

готовъ самъ сдѣлаться твоимъ рабомъ. Ты говоришь о бракѣ, дорогой Робертъ, но отецъ твой, несомнѣнно, будетъ этому противиться. Что же ты сдѣлаешь, если онъ будетъ настаивать на своемъ?

— Я совершеннолѣтній, имѣю капиталъ отъ матери, служу, — хватить для насъ съ женой, хотя бы даже отецъ разсердился и лишилъ наслѣдства. Я предвижу съ его стороны сопротивленіе, — съ энергіей заключилъ онъ, — но прежде, чѣмъ начать борьбу съ нимъ, мнѣ необходимо было заручиться вашимъ согласіемъ. Скажу ему, что связанъ словомъ, а ни одинъ Треубернеръ никогда не нарушилъ даннаго слова.

Все это упало, какъ снѣгъ, на голову бѣднаго пана Григорія, такъ какъ онъ никогда ничего подобнаго не могъ ожидать и предвидѣть. Онъ ходилъ безпокойный, грустный.

Черезъ два дня послѣ этого, простившись съ плачущей Марынкой, обнявъ молча стараго отца, Робертъ уѣхалъ въ Берлинъ.

Нѣсколько дней съ тревогой ожидали его письма; но прошла недѣля, а о немъ не было ни слуху ни духу.

— Тяжело ему, видно, справиться съ отцомъ, — говорилъ, вздыхая, панъ Григорій, — но онъ ничего не пишетъ, значитъ, еще не отчаялся.

Марынка ходила какъ-бы въ горячкѣ.

Нетерпѣливо ожидаемое письмо, наконецъ, пришло и было адресовано самому Любаховскому. Робертъ доносилъ ему, что до сихъ поръ еще не можетъ поладить съ отцомъ, но надѣется, тѣмъ не менѣе, сломить его упорство. Марынкѣ посылалось только нѣжное привѣтствіе и просьба, чтобы не теряла вѣры въ него.

Ни старый отецъ, ни она не знали коммерціи совѣтника, отца Роберта, не имѣли представленія о его характерѣ и образѣ мыслей. Изъ того, что о немъ говорилъ иногда сынъ, Любаховскій заключилъ, что онъ долженъ былъ быть человѣкомъ желѣзной воли, энергичнымъ; но и у сына не было недостатка въ этихъ качествахъ.

Марынка съ сухими глазами увѣряла отца, что согласна ждать хоть десять лѣтъ и такъ увѣрена въ любви Роберта, что считала для себя грѣхомъ сомнѣваться въ ней.

У Любаховскаго было мало родныхъ; однако, уважая самыя дальнія родственныя связи, панъ Григорій поддерживалъ со

вѣми переписку и заставляя Марынку писать къ нимъ. Между ними особенно интересовалась судьбой дѣвушки какая-то троюродная или четвероюродная тетка, нѣмая пани Зомбковская, помѣщица изъ Плоцка, которая знала Марынку и очень ее любила. А двоюродный братъ Любаховскаго, Савичъ, отставной военный, бывавшій когда-то у нихъ въ домѣ, любилъ ее, какъ свою родную дочь. Судьба Марынки сильно занимала ихъ обоихъ. Зомбковская же не только терпѣть не могла нѣмцевъ, но даже считала преступленіемъ всякую связь съ ними. Савичъ тоже питалъ къ нимъ органическое отвращеніе и вражду. Марынка съ отцомъ съ тревогой думали о томъ, какъ они сообщать этимъ родственникамъ о предстоящемъ бракѣ. Она просила отца выручить ее, а тотъ утверждалъ, что она лучше сумѣетъ все устроить.

Они еще продолжали спорить, когда отъ Савича пришло письмо, поразившее ихъ, какъ громомъ. Онъ узналъ со стороны о ихъ сношеніяхъ съ Треубернерами и считалъ клеветой все, что ему рассказывали о молодой парѣ.

— Я не вѣрю, не хочу вѣрить, не могу вѣрить, а если бы повѣрилъ, что ты выдаешь свою Марынку за лютеранина, за нѣмца, то взбѣсился бы и проклялъ тебя. Вы такъ меня напугали, что я даже постарался навести справки въ Берлинѣ, что за люди эти Треубернеры. Старикъ былъ купцомъ, но уже давно пересталъ имъ быть и служить политикѣ, исполняя какія-то тайнственныя работы. Сынъ на службѣ и хотя занимаетъ невысокое мѣсто, но значеніе имѣетъ большое. Люди богатые, но какъ они этого достигли, объ этомъ хроника умалчиваетъ.

Вскорѣ потомъ пришло письмо отъ столь же пораженной Зомбковской, которая объявляла о своемъ пріѣздѣ... Чтобы составить себѣ представленіе о чувствѣ, которымъ было проникнуто ея письмо, довольно привести слѣдующій отрывокъ: «Я желала бы лучше видѣть тебя въ гробу, чѣмъ у алтаря съ этимъ женихомъ, который не можетъ даже поклясться тебѣ въ любви и вѣрности по-польски».

Не только родные, но и князья, у которыхъ Любаховскій служилъ когда-то и которые его очень любили, написали ему отчаянное письмо, полное упрековъ, узнавъ о предстоящемъ

бракъ Марынки съ нѣмцемъ. Всѣ эти письма прочитывала Марынка, но они ея не трогали.

— Они его не знаютъ,—говорила она,—стоитъ ему только показаться имъ и они перестанутъ удивляться.

Любаховскій, съ самаго дня объясненія съ Робертомъ, ходилъ осовѣлый, задумчивый, худой, желтый; казалось, онъ вдругъ постарѣлъ и ослабъ. Въ особенности угнетала его та мысль, что, благодаря этому браку, послѣдній клочекъ земли, наслѣдіе предковъ, перейдетъ въ чужія руки и Любахувка исчезнетъ, соединившись съ «Deutsch Lubokau».

Это святотатство, какъ онъ выражался, поражаю его прямо въ сердце.

Марынка перенесла все это съ замѣчательной стойкостью духа; но отецъ съ удивленіемъ видѣлъ, что любовь къ Роберту влияла на ея понятія, ея чувства, на все, во что она прежде вѣрила и что любила.

466318
Даже въ дѣлахъ религіи, о которой отецъ такъ часто говорилъ, Марынка начала уже высказывать такія мысли, что, если бы и она пошла съ мужемъ въ его церковь, гдѣ также чтутъ Христа, то это не было бы грѣхомъ. То же самое было и во всѣхъ другихъ затруднительныхъ вопросахъ, которые она разрѣшала съ полнымъ самопожертвованіемъ, а Любаховскій, слушая ее, плакалъ и цѣловалъ ее въ голову,

Потомъ стали приходиться письма Роберта къ невѣстѣ, полныя обѣщаній, но не излагающія никакихъ подробностей. Любаховскій беспокоился, Робертъ все обѣщалъ самъ пріѣхать, но не могъ.

Это положеніе неизвѣстности продолжалось нѣсколько мѣсяцевъ; наконецъ, референдаръ пріѣхалъ въ Любокау вмѣстѣ съ отцомъ, и на другой же день оба явились въ Любахувку.

Марынка надѣялась смягчить его покорностью, но видъ этого старца, сухого какъ щепка, гордаго, съ самой вульгарной наружностью, дѣлающей его похожимъ на работника, лишилъ ее силъ и храбрости. Въ очень краткихъ, холодныхъ выраженіяхъ, точно по принужденію, сердитый коммерціи совѣтникъ попросилъ у Любаховскаго руки дочери и сейчасъ же, подъ предлогомъ очень важныхъ дѣлъ, отправился въ Берлинъ, откуда собирался тотчасъ же ѣхать въ Испанію, такъ какъ онъ

стоялъ во главѣ общества, которое приобрѣтало тамъ рудники.

Свадьба должна была свершиться вскорѣ, послѣ чего молодые собирались немедленно ѣхать въ столицу, гдѣ молодой референдаръ, теперь уже совѣтникъ, занималъ важный постъ, о характеръ котораго ничего не говорилъ.

Марынка принимала все это съ той слѣпой вѣрой первой любви, которая не сомнѣвается въ томъ, что ей удастся перелѣзать весь свѣтъ и людей и все побѣдить. Робертъ, казалось, дѣйствительно былъ влюбленъ въ нее, былъ кротокъ и послушенъ.

Любаховскій, котораго на самомъ дѣлѣ страшило предстоящее одиночество, чтобы не пугать дочери и не отравлять ей счастья, только и говорилъ о томъ, какъ онъ будетъ работать, чтобы сдѣлать изъ Любахувки игрушку, и оставить ее внукамъ.

Съ быстротою молніи совершались всѣ свадебныя приготовления, но Робертъ предупредилъ заранѣе, что они въ тотъ же день уѣдутъ въ Берлинъ.

Когда экипажъ, увозившій Марынку, отъѣхалъ отъ крыльца, старикъ долго молился, а потомъ такъ ослабѣлъ, что старому слугѣ пришлось приводить его въ чувство и онъ не скоро пришелъ въ себя.

Одиночество подъ старость—страшное горе! Нужно большую силу воли, чтобы жить съ нимъ и, нося его въ груди, не пасть подъ тяжестью. Любовь къ дочери, о судьбѣ которой онъ такъ беспокоился, поддерживала старика при жизни.

Съ необычайной энергіей началъ онъ работать, и письма Марынки, которая сначала аккуратно доносила обо всемъ отцу, поддерживали его и подкрѣпляли.

По нимъ Любаховскій ясно видѣлъ, какъ быстро шелъ процессъ превращенія Марынки въ совершенно другое существо. Но при всемъ томъ она была счастлива, восхищалась добротой мужа, жизнью съ нимъ, озаренной лучами любви. Только теперь ее ничто уже не интересовало, кромѣ того, что входило въ узкій кругъ ихъ общихъ съ мужемъ чувствъ. Съ каждымъ днемъ она становилась все болѣе чуждой гнѣзду, изъ котораго улетѣла.

Если бы кто увидѣлъ Любахувку послѣ двадцатилѣтняго хозяйничанья Любаховскаго, тотъ, навѣрно, не узналъ бы ее: такъ старикъ передѣлалъ ее своими трудами на образецъ самыхъ лучшихъ имѣній.

Метаморфоза эта была тѣмъ удивительна, что Любаховскій не вкладывалъ въ имѣніе большихъ суммъ, а сдѣлалъ все это медленно, постояннымъ, ни передъ чѣмъ не отступающимъ трудомъ.

Сейчасъ же послѣ разлуки съ дочерью, роскошный портретъ которой, исполненный кистью д' Анжели, украшалъ кабинетъ пана Григорія и блескомъ своей рамы рѣзко выдѣлялся на общемъ скромномъ фонѣ обстановки, — Любаховскій отыскалъ бѣднаго юношу, сироту, изъ родни покойной жены, и взялъ его себѣ въ помощники.

Онъ чувствовалъ, что полное одиночество убило бы его. Въ выборѣ воспитанника старику посчастливилось. Дыданъ Шурковскій, кромѣ некрасиваго имени, не имѣлъ за собой ничего, чѣмъ бы его можно было упрекнуть.

Онъ окончилъ съ медалью гимназію въ Варшавѣ, но идти въ университетъ было не на что. Тогда-то панъ Григорій написалъ, чтобы его прислали къ нему, и уговорилъ юношу, чтобы тотъ, продолжая работать надъ книгами, которыя онъ обѣщалъ ему доставить, помогъ ему вмѣстѣ съ тѣмъ въ хозяйствѣ.

Дыдасъ, добрый малый, съ перваго же дня привязался къ старику и отдался ему душой и тѣломъ. Панъ Григорій тоже уступилъ ему пустое мѣсто, которое осталось у него въ сердцѣ послѣ дочери.

И началось пересозданіе Любахувки по образцу лучшихъ имѣній. Все надо было передѣлать, и Любаховскій съ Дыданомъ стали передѣлывать. Не было угла, въ который бы они не заглянули. У нихъ не было порядочнаго плана фольварка — Дыдасъ превратился въ землемѣра и снялъ планъ.

На границѣ, гдѣ такъ надоѣдали контрабандисты и имѣли тамъ свой заячій трактъ, Дыданъ придумалъ цѣлую систему препятствій, ловушекъ, которыя такъ затрудняли воровъ и такъ облегчили ихъ поимку, что воры отказались отъ своего тракта. Правда, они попробовали было за это поджечь хлѣвъ,

но тутъ ихъ изловили на мѣстѣ преступленія и страхъ разогналъ остальныхъ негодяевъ. Какой-то изъ нихъ изъ мести выстрѣлилъ въ Дыдана, но пуля попала въ дерево, и ея калибръ послужилъ указаніемъ для новыхъ розысковъ, которые заставили, наконецъ, уйти и послѣднихъ воровъ. Любаховскій самъ занялся собственноручно садомъ и огородомъ.

Дошла, наконецъ, очередь и до хозяйственныхъ построекъ, до улучшенныхъ земледѣльческихъ орудій. Съ юношескимъ жаромъ брался за все это Дыданъ, а старикъ только давалъ ему совѣты и указанія. Оба дѣлали каждую вещь съ взаимной бережливостью, но вмѣстѣ съ тѣмъ съ мельчайшей точностью.

Владѣтели большихъ имѣній пріѣзжали сюда нарочно посмотреть на это образцовое хозяйство, и слава Дыдаса и стараго Любаховскаго дошла до Базара и Курнатовскаго, гдѣ всѣ о нихъ говорили.

Старикъ все тосковалъ по своей дорогой Марынкѣ, и грусть его еще увеличивалась отъ того, что онъ ее почти вовсе не видѣлъ. Сначала письма стали приходить рѣже, потомъ, когда отецъ писалъ самъ, долго приходилось ждать отвѣта. Любила его Марынка, но и ей дѣятельная, а быть можетъ и тяжелая жизнь не давала отдыха. Она хвалилась своимъ счастьемъ, но отецъ чувствовалъ, что оно было не такое, какого она ожидала. Перваго внука, который родился черезъ годъ, дѣдъ вовсе не видѣлъ. На настойчивыя просьбы Марынка пріѣхала одна, и то не надолго. Все въ ней было роскошно, богато, изящно, но лицо отражало тоску и горе. Мужъ совсѣмъ не писалъ старику, только посылалъ ему поклоны въ письмахъ жены.

На разспросы Марынка все хвалила, но, разсѣянная, встревоженная, не рассказывала никакихъ подробностей. Она вошла въ новый свѣтъ, который ей приходилось изучать, и она не признавалась, что ее не особенно пріязненно тамъ приняли.

Въ отцовскомъ домѣ, видя на столѣ деревенскія кушанья, къ которымъ такъ привыкла съ дѣтства, она привѣтствовала ихъ крикомъ и слезами; заглушенная любовь къ всему утраченному прошлому возвращалась. Старикъ съ ужасомъ замѣчалъ, что часто въ разговорѣ у ней не хватаетъ польскихъ выраженій, что она уже съ трудомъ говоритъ на родномъ

языкъ. Онъ хотѣлъ дать ей книжечку, она не смѣла взять, такъ какъ мужъ не любилъ, когда она вспоминала свой языкъ.

Въ послѣдующіе годы исчезли и эти симптомы остатка привязанности къ домашнему очагу. Марынка стала изящной, важной дамой, измѣнилась даже лицомъ, стала веселѣе, но сдѣлалась равнодушной ко всему, даже къ родному отцу.

Старика это сильно огорчало. При каждой встрѣчѣ онъ старался пробудить въ ней угасшую любовь къ родинѣ, прежнія чувства, и это ему удавалось, такъ какъ у Марынки, было доброе сердце, но слишкомъ много на ней тяготѣло, чтобы она могла со всемъ справиться. Она падала подъ тяжестью бремени... Старикъ было извѣстно, что зять его занимается все высшіе, все болѣе важные посты, что все большее богатство окружаетъ его, что домъ его поставленъ на широкую ногу, а Марынкѣ приходится вращаться въ лучшемъ обществѣ столицы. Къ счастью, воспитанница княгини смолоду при-выкла къ жизни высшаго круга.

О своихъ успѣхахъ въ свѣтѣ, представленіи ко двору, объ обѣдахъ, на которыхъ ей приходилось принимать посланниковъ, она почти не говорила отцу, не хвасталась ими.

Въ одинъ годъ она пріѣхала навѣстить Любахувку грустная и блѣдная. Она говорила, что нуждается въ отдыхѣ, но плакала по угламъ. Можно было догадываться, что какая-то домашняя трагедія порвала нить до сихъ поръ довольно сносной супружеской жизни; но Марынка не сознавалась ни въ чемъ.

Отецъ сердцемъ своимъ понялъ ея горе, но она не хотѣла ему открываться.

У Треубернеровъ было два сына, уже подростки, которыхъ дѣдъ тщетно пытался увидѣть. Одного мать привозила разъ и то не надолго, а другого подъ разными предлогами — то ученья, то нездоровья — отецъ вовсе не пускалъ въ Любахувку. Старшій мальчикъ, очень красивый, ни слова не зналъ по-польски, и что еще хуже — въ школѣ ему привили презрѣніе къ націи матери, такъ что герръ Юліанъ, краснѣя, отрекался отъ всякой связи съ Польшей. Въ Марынкѣ только тогда прѣснулась любовь къ отцу, къ дому, къ родинѣ, когда ее поразило какое-то таинственное несчастье, о которомъ она не упоминала, но которое ее страшно убивало.

Любаховскій съ того времени, какъ съ такой энергіей и мужествомъ принялся за хозяйство на своемъ клочкѣ земли, сильно постарѣлъ; но постоянное занятіе, дѣятельность, скромный и простой образъ жизни — поддерживали его крѣпость и бодрость духа.

Мало - по - малу у него завязались съ сосѣдами и даже дальними помѣщиками дружескія отношенія, хотя панъ Григорій не добивался этого, не напрашивался, не искалъ доступа въ аристократическіе дома.

Познанскіе знакомые князей Л., которые помнили о своемъ прежнемъ управляющемъ, первые протянули ему руку. Любаховскій охотно бывалъ у нихъ, такъ какъ не имѣлъ демократическихъ предубѣжденій, а въ хорошемъ обществѣ ему пріятно было бывать.

Дыдасъ и онъ пріобрѣли въ княжествѣ популярность своимъ умѣньемъ хозяйничать; о выдачѣ дочери замужъ за нѣмца мало кто и зналъ.

Въ общемъ дѣлѣ, въ интересахъ націи, старикъ принималъ самое дѣятельное участіе, хотя нѣкоторые смотрѣли на него съ недоувѣріемъ.

Причиной тому были доктрины, которыя онъ провозглашалъ не стѣсняясь, непріятныя, и подозрительныя для тѣхъ, которые въ своемъ ослѣпленіи боялись и тѣни либерализма, видя въ немъ опасность для вѣры.

Григорій былъ очень набожный, но набожность его не нравилась вождямъ недавно сформировавшейся партіи въ средѣ народа. Онъ признавалъ вѣротерпимость и требовалъ для всѣхъ свободы убѣжденій; признавалъ, что просвѣщеніе необходимо для народа; не придавалъ особеннаго значенія формѣ и, наконецъ, довольно смѣло утверждалъ, что въ католической церкви довольно многое слѣдуетъ подвергнуть реформѣ.

Но Любаховскій не ораторствовалъ объ этихъ вещахъ, не спорилъ, не наставлялъ никого и по дѣламъ своимъ былъ примѣрнымъ сыномъ церкви. Безбожіе и невѣріе возмущали его.

Хотя онъ ходилъ въ костелъ, постился, исповѣдывался, исполнялъ всѣ предписанія, однако всѣ считали старика радикаломъ и революціонеромъ. Его сторонились.

Вожди новаго лагеря ставили ему въ упрекъ то, что онъ

въ каждой вещи докапывался до самой сути, допытывался смысла и значенія, а не повиновался слѣпо ихъ приказаніямъ.

На всѣ подписки, на всѣ общественныя нужды Григорій сыпалъ щедрой рукой; когда шли выборы, онъ не пропускалъ ни одного дня, водилъ своихъ людей и чужихъ, и почти насильно заставлялъ ихъ исполнять свой гражданскій долгъ. Однако, пользуясь всѣми его услугами, ему все-таки не довѣряли ничего. Но онъ и не обижался на это. — «Я человѣкъ простой,—откровенно говорилъ онъ,—тѣ, которые стоятъ тамъ на верху, лучше моего все это понимаютъ».

Правда, что онъ дѣйствительно многія вещи понималъ совершенно иначе, чѣмъ представители интересовъ націи.

Первые симптомы борьбы двухъ національностей и преслѣдованія католической церкви сильно встревожили, но онъ все улыбался и продолжалъ утверждать, что войны не будетъ.

Среди этой мирной тишины и спокойствія, въ одинъ прекрасный вечеръ Дыдась, вернувшись изъ мѣстечка, объявилъ, что къ нимъ собирается панъ Фелисъ Х. (извѣстный публицистъ, бывшій депутатъ прусскаго сейма, который основывалъ теперь новую газету). Панъ Григорій хорошо зналъ веселаго, разговорчиваго, пріятнаго собесѣдника, очень дѣятельнаго папа Феликса и видѣлъ въ немъ пріѣзжаго гостя, но каждый разъ, какъ онъ пускался съ нимъ въ болѣе продолжительный разговоръ и дѣло доходило до точнаго опредѣленія настоящаго положенія и его задачъ, они не могли сойтись.

Скрытный панъ Григорій говорилъ:

— Прежде всего, мосци добродзѣй *), я старъ и поневолѣ уже заржавѣлъ; во-вторыхъ, они лучше меня знаютъ положеніе; да я и не лѣзу въ вожаки.

Панъ Феликсъ, сынъ нѣкогда богатыхъ родителей, которые потеряли свое состояніе тѣмъ непонятнымъ образомъ, какимъ растаяло большинство польскихъ богатствъ, въ гимназіи учился отлично, въ университетѣ — блестяще, и неизвѣстно почему изъ докторанта не сдѣлался докторомъ.

Тогда еще онъ держался либеральныхъ взглядовъ и уча-

*) Сударь, милостивый государь.

ствовалъ въ редакціи одной изъ газетъ этого направленія, издававшейся въ Познани.

Вдругъ, послѣ самыхъ разнообразныхъ приключеній, не всегда для него счастливыхъ, панъ Феликсъ, женившись на молодой, убогой нѣмкѣ, разстался съ корифеями своей партіи, сталъ каждый день посѣщать костель, накинулъ на себя плащъ яраго католицизма и окончательно отрекся отъ либерализма. Тогда онъ первый началъ доказывать необходимость основать политическій органъ, чисто католическій и составить свою партію.

Называли уже нѣсколько вліятельныхъ и богатыхъ пановъ, которые обѣщали ему свою помощь. Старый панъ Григорій слышалъ объ этомъ что-то мелькомъ, но это мало его интересовало.

Когда Дыдасъ объявилъ, что панъ Феликсъ обѣщаль быть вечеромъ, онъ улыбнулся и, снимая ключъ съ гвоздя, на которомъ онъ всегда висѣлъ у него надъ кроватью, сказалъ:

— Принеси-ка, пожалуйста, бутылку стараго венгерскаго да бутылку французскаго, потому что панъ Феликсъ любитъ выпить.

Дѣйствительно, дѣятельный и подвижный публицистъ ѣлъ и пилъ превосходно...

Не успѣло еще стемнѣть, какъ къ крыльцу подъѣхалъ экипажъ, и маленькій, пухлый, румяный, съ веселыми, быстрыми глазами, съ откормленнымъ брюшкомъ, мужчина шумно влетѣлъ въ комнату, привѣтствуя хозяина.

— Панъ добродѣй! дорогой! нашъ конфедератъ! — такъ его называли иногда въ шутку — здоровье, какъ вижу, въ цвѣтущемъ состояніи, вы выглядите прекрасно. Никто изъ насъ, если доживетъ до вашихъ лѣтъ, не будетъ имѣть такого румянца. Что, какъ хозяйство?

— Кое-какъ!

— Это еще отлично! — отвѣчалъ Феликсъ, — у насъ всѣ разорились, вы одинъ еще держитесь.

Любоховскій улыбался. Начавшійся разговоръ не прерывался уже ни на минуту. Феликсъ только и говорилъ объ общихъ дѣлахъ и весь былъ ими проникнутъ. Пану Григорію пріятно было узнать, — въ какомъ положеніи были дѣла страны.

— Вы видите сами, да и читатели навѣрное,— говорилъ Феликсъ,— что дѣлается все, что только возможно. Мы мужественно стоимъ въ ущельѣ и защищаемся; депутаты наши произносятъ блестящія рѣчи, мы протестуемъ противъ цѣлой Европы. Слабые, не имѣя никого на своей сторонѣ, такъ какъ даже нѣмецкіе католики не соединяются съ нами, — мы все-таки боремся и, по крайней мѣрѣ, имѣемъ ту выгоду, что насъ уважаютъ.

Старикъ нѣкоторое время молчалъ.

— Вы припоминаете, панъ Феликсъ, нашъ послѣдній разговоръ съ вами у Курнатовскаго?

Публицистъ началъ смѣяться.

— Что же, вы думаете, что я былъ до такой степени ошеломленъ, что даже и память потерялъ?

— Сохрани Богъ,— сказалъ панъ Григорій,— но мое мнѣніе не имѣетъ значенія, такъ что вы могли забыть его. Я говорилъ вамъ тогда, что, чувствуя самое глубокое уваженіе къ благороднымъ, краснорѣчивымъ посламъ нашимъ, воздавая должное ихъ мужеству и твердости... я что-то никакъ не могу понять, къ чему поведетъ все то, что вы дѣлаете въ защиту народа..

— Какъ!— вскричалъ панъ Феликсъ,— вы не видите...

— Напротивъ, вижу, — отвѣчалъ Любаховскій, — вижу, что мы, по традиціи, изрекаемъ veto. Мы устраиваемъ манифестацію, протестуемъ, печатаемъ все это въ газетахъ, рассылаемъ по другимъ государствамъ, чтобы все это было записано въ дѣлахъ Европы, но... скажите мнѣ, къ чему все это?..

— И что-же?— съ негодованіемъ перебилъ Феликсъ,— что же вы прикажете дѣлать, если у насъ связаны руки?

— Не знаю, что-бы слѣдовало дѣлать,— медленно произнесъ старикъ,— но знаю, что то, что мы дѣлаемъ, не приноситъ никакой пользы.

— Я не зналъ, что и вы пессимистъ,— смущенно заговорилъ Феликсъ.— Что-же дѣлать нашимъ депутатамъ въ парламентѣ, какъ не защищать свое дѣло?

— Да, я хочу учиться у васъ!— прервалъ старикъ.— Столько лѣтъ мы стоимъ въ этомъ ущельѣ и я не вижу, чтобы мы

добились чего-нибудь; напротив, права народа все болѣе и болѣе ограничиваются.

— Ну, я вамъ скажу,—быстро вскакивая съ кресла и подходя къ Любаховскому, вскричалъ Феликсъ,—мы мало сдѣлали потому, что у насъ нѣтъ надлежащей прессы. Намъ необходимо немедленно же позаботиться о большой политической газетѣ, которая была бы строго католическая.

— А развѣ наши не такія?—спросилъ панъ Григорій.

— На каждомъ шагѣ отъ нихъ вѣтъ либерализмомъ, отъ котораго они не могутъ очиститься,—отвѣчалъ Феликсъ. — Я скажу вамъ откровенно... Кучка людей желаетъ этого органа, о которомъ я вамъ говорилъ; насъ тѣсный кружокъ, акціонеры прибываютъ. Вотъ ихъ списокъ; я пріѣхалъ къ вамъ съ тѣмъ, чтобы пригласить васъ присоединиться къ намъ.

Панъ Григорій отвѣсилъ вѣжливый поклонъ, но не отвѣтилъ прямо на вопросъ.

— Вотъ видите ли, эти наши газеты... не знаю, можетъ быть, я слишкомъ старъ, чтобы понять... но мнѣ кажется, что газеты, едва ли исполняютъ свое назначеніе.

Панъ Феликсъ, который не ожидалъ со стороны стараго простяка, какъ онъ его называлъ, ни тѣни оппозиціи, и хотя любилъ его, но не считалъ достойнымъ вниманія соперникомъ, просто остолбенѣлъ.

— Что? что?—вскричалъ онъ, сильно смутившись. — Помилуйте! Въ чемъ же вы можете упрекнуть наши газеты?

Панъ Григорій погладилъ лысину; ему не особенно хотѣлось пускаться въ политику, а между тѣмъ, ужинъ былъ уже на столѣ.

— Пойдемъ ужинать,—сказалъ онъ,—потомъ поговоримъ объ этомъ.

— Бѣсть и даже пить—я ничего не имѣю противъ этого,—весело отвѣчалъ панъ Феликсъ,—но не будемъ прерывать нашего разговора. Что же вы ставите въ упрекъ нашимъ газетамъ?

— Прежде всего то, что онѣ очень часто, какое!—почти постоянно совершенно напрасно раздражаютъ нашихъ враговъ, раздражаютъ ихъ, а во-вторыхъ,—я знаю, что вы низвергнете на меня громы и молніи, когда я это скажу, но...

Видимо смущенный, онъ, по своей привычкѣ, погладилъ себя по головѣ.

— Да что тамъ толковать!..

— Напротивъ, пожалуйста! заклиная васъ, рѣжьте правду, — сказалъ Феликсъ, закусывая рюмку водки.

— Да вѣдь, — проговорилъ старикъ, еще колеблясь, — онѣ ни болѣе, ни менѣе, какъ продаютъ насъ, выдаютъ наше дѣло.

Панъ Феликсъ подпрыгнуть.

— И вы можете ихъ упрекать въ этомъ!

— Бей, но выслушай, — медленно произнесъ панъ Григорій, подвязывая на шею салфетку. — Они не хотятъ этого дѣлать, быть можетъ, не сознаютъ, что дѣлаютъ, но послѣдствія... просто измѣна. Газеты открываютъ и указываютъ всѣ наши слабыя стороны, какъ бы уча, куда долженъ ударить непріятель, а чуть только намъ удастся добиться какого-нибудь пустяка, такъ начинаютъ хвастать самой незначительной побѣдой, что ее сейчасъ же у насъ и отнимаютъ. Они отлично умѣютъ писать, но молчать вовсе неумѣютъ, а, по-моему, смолчать, отвлечь взоръ непріятели отъ того, что намъ грозитъ, не меньшее искусство, чѣмъ писательство. Наконецъ, къ чему ведетъ эта ненависть? Платя ненавистью сильному, только дразнить его, раздражаютъ, вызываютъ, часто принуждаютъ къ войнѣ.

— Ого, го! — прервалъ Феликсъ. — Много бы пришлось говорить о томъ, въ чемъ вы насъ упрекаете. Задача газеты: выводить все на чистую воду, предавать на общій судъ; уличать слѣдуетъ... А что касается раздраженія, то кто же задѣваетъ первый, кто вызываетъ? Не мы!

— Если бы даже это и такъ, — проговорилъ панъ Григорій, — развѣ молчаніе не бываетъ часто сильнѣе слова? Этого оружія мы даже и не попробовали ни разу употребить.

Гость находился въ положеніи человѣка, который стоялъ на посту, поджидая зайца, — и вдругъ встрѣтился съ медвѣдемъ.

Такихъ упрековъ онъ никогда не слышалъ и вовсе не былъ подготовленъ отражать ихъ. Онъ какъ-то горько вздохнулъ.

— Многоуважаемый панъ Григорій, — заговорилъ онъ, — вѣдь если бы органъ основался, вы тоже будете имъ руководить; мы

съ удовольствіемъ примемъ ваши совѣты и указанія и будемъ ими руководствоваться. Что же касается до образа дѣйствій и этого лишняго раздраженія, — хотя мы въ этомъ нисколько не виноваты, — можетъ быть, что-нибудь и нужно измѣнить... Я долженъ однако обратить вниманіе на то, что въ эту минуту, на этомъ единственномъ посту, на которомъ намъ, хотя и наказуемымъ постоянной тюрьмой и штрафами, можно еще кое-какъ шевелиться, — надо встать во всеоружіи, потому что все, что намъ грозило до сихъ поръ, пустяки въ сравненіи съ настоящимъ: намъ готовится жестокий ударъ... Для насъ большая честь, что они видятъ въ польской націи какого-то опаснаго врага; трудно отгадать, что дѣлаетъ насъ въ эту минуту такими сильными и страшными, но несомнѣнно, что они готовятъ намъ новое гоненіе, новое притѣсненіе.

Тутъ панъ Феликсъ перевелъ духъ и залпомъ выпилъ стоявшую передъ нимъ рюмку.

— А до васъ ничего не дошло изъ Берлина? — спросилъ онъ.

— До меня? — отвѣчалъ старикъ, — но я не имѣю никакихъ сношеній.

— Вы? — подхватилъ гость, — да вѣдь всему свѣту извѣстно, что ваша дочь вышла замужъ за одного изъ самыхъ дѣятельныхъ чиновниковъ, занимающаго видный постъ.

— Я почти не вижусь съ зятемъ, — смущенно замѣтилъ старикъ.

— А это-то именно и плохо! Вы бы могли съ помощью дочери оказать на него вліяніе.

Любоховскій повелъ плечами.

— Я оказалъ бы вліяніе на Треубернера? — тихо проговорилъ онъ. — Позвольте мнѣ даже не объяснять этого.

Панъ Феликсъ замѣтилъ, что задѣлъ больную струну, и замолчалъ.

— О какомъ же новомъ преслѣдованіи вы говорили? — спросилъ панъ Григорій. — Развѣ мало еще того, что мы испытывали и что испытываемъ теперь?.. Не понимаю...

— Кто же это понимаетъ? — разсмѣялся Феликсъ. — Не прибавилось намъ силъ, — увы, не можемъ этого сказать: хоть бы тѣ, что остались, были хорошо организованы. Мы сидимъ себѣ

спокойно, переносимъ все съ покорностью... и вдругъ находить насъ до такой степени опасными и страшными для государства, что готовятъ новые законы, которые однимъ прямо опредѣляютъ изгнаніе, а у другихъ отнять всякую возможность оставаться здѣсь.

— Это просто выдумки, сказки,—спокойно отвѣчалъ панъ Григорій.—Этого быть не можетъ...

— Вотъ увидите,—прибавилъ гость.— При новыхъ угрозахъ и опасностяхъ нужны и новыя силы, поэтому газета...

— Газета пригодится развѣ только на то, если это случится, чтобы перечислить наши пораженія.

Проговоривъ это, онъ вздохнулъ и какъ бы забывая, съ кѣмъ онъ спорилъ, медленно началъ говорить.

— Ужъ если началось преслѣдованіе въ наше время, когда значеніе законовъ ослабло и большая часть ихъ сдѣлалась только орудіемъ въ рукахъ нашихъ враговъ... найдутся тысячи предлоговъ къ преслѣдованію. Въ средніе вѣка, когда хотѣли истребить евреевъ, чтобы разбогатѣть ихъ имуществомъ, выдумали, что имъ нужна для ихъ обрядовъ христіанская кровь. Во времена римлянъ, на христіанъ, чтобы погубить ихъ, ввали, что они устраиваютъ развратныя оргіи и почитаютъ распятаго человѣка. Вездѣ и всегда происходитъ то же самое, когда страсти овладѣютъ людьми, а безсильный законъ не можетъ защитить слабыхъ. Такъ что же они еще выдумаютъ на насъ?

— Не знаю,—отвѣчалъ Феликсъ,—недавно еще повторяли *finis Poloniae*, доказывали, что поляковъ нѣтъ, что имъ ничего не принадлежитъ. Теперь вдругъ встаетъ ихъ тѣнь съ угрозами, съ оружіемъ, съ заговорами и становится опасной для самыхъ могущественныхъ государствъ. Это абсурды, противъ которыхъ надо дѣйствовать логикой и хладнокровіемъ. Никогда еще газета не была такъ нужна. На что же намъ и опираться, какъ не на костель, на силу католицизма, который долженъ будетъ придти къ намъ на помощь, если мы встанемъ подъ его знамена!..

Публицистъ говорилъ долго и краснорѣчиво. Въ словахъ у него недостатка не было; всѣ полемическія статьи, которыя онъ писалъ, приходили ему на помощь.

Любаховскій сидѣлъ съ поникшей головой, вздыхалъ и, казалось, былъ погруженъ въ свои мысли. Наконецъ, Феликсъ замѣтилъ, что онъ напрасно старался, и спросилъ прямо, желаетъ ли Любаховскій присоединиться къ основателямъ газеты.

— Послушайте, — отвѣчалъ старикъ, послѣ нѣкотораго размышленія. — Если признана будетъ необходимость новаго органа — чего я пока еще не вижу — если вы потребуете, чтобы каждый принесъ свою лепту, то и я по мѣрѣ силъ своихъ, такъ какъ у меня ничего нѣтъ, кромѣ небольшой суммы денегъ, дамъ ихъ вамъ. Но ни силъ своихъ, ни денегъ, я не желалъ бы тратить, если нѣтъ на то крайней необходимости. Какъ же можно сдѣлать насъ теперь опасными для кого бы то ни было и еще желать, чтобы вѣрили столь очевидной клеветѣ?

— Политика государства требуетъ иногда подобныхъ предположеній и выдумокъ, — сказалъ панъ Феликсъ. — Могу васъ увѣрить, что то, что я говорю, не выдумка, но чистая правда. Вскорѣ мы услышимъ съ трибуны сигналъ къ битвѣ, и вы увидите, какъ жадно ухватится за него нѣмецкій патриотизмъ.

Оба встали; и то ужъ они слишкомъ долго засидѣлись за ужиномъ, за которымъ не было никого, кромѣ Дыдаса, а тотъ не считался. Онъ былъ правой рукой старика и вѣрнымъ его слугой. Панъ Феликсъ, достаточно охмѣлѣвшій и насытившійся, вернувшись въ гостиную, началъ рассказывать разныя исторіи про столицу, описывая ея разростаніе, красоту и образъ жизни, какой вели различные классы общества.

— Всѣ большіе города, батюшка мой, — прервалъ его Любаховскій, — всѣ столицы порождаютъ эту испорченность нравовъ, которую вы приписываете, повидимому, одному Берлину. Тутъ не хуже, не лучше, чѣмъ въ Парижѣ и Лондонѣ.

— Извините, — раздраженно прервалъ Феликсъ, — въ высшихъ классахъ нигдѣ нѣтъ такой испорченности, какъ здѣсь, потому что въ другихъ странахъ эти высшіе классы выработались вѣками, представляютъ изъ себя аристократію въ строгомъ смыслѣ этого слова, со своими традиціями, умѣющую и сами уважать себя, и заставить другихъ уважать; а здѣсь эти

вышіе классы образуетъ военщина и придаетъ всему свою окраску. Я только не хочу наводить на васъ скуку и мучить васъ своими разсказами, а то не одинъ изъ нихъ возбудилъ бы въ васъ удивленіе и ужасъ.

Старикъ молчалъ; невольно ему пришла на мысль Марынка, ея грусть, что-то горькое въ ея жизни, въ чемъ она не хотѣла признаться... О Треубернеръ онъ ничего не зналъ. Марынка уже не хвалилась его привязанностью; воспитаніе дѣтей доказывало, какъ деспотично онъ распоряжался дома...

Какъ ни настаивалъ Феликсъ, чтобы почтенный, дорогой, извѣстный своими благодѣянiями Любоховскій, записался въ число акціонеровъ, старикъ обѣщалъ свое участіе только условно.

— Все это мечты,—сказалъ онъ наконецъ. — Простите меня за то, что я скажу вамъ, панъ Феликсъ, а съ вами вмѣстѣ и всѣмъ другимъ. Вы всѣ маленькіе люди, и вамъ кажется, что если вы начнете громко и вызвышенно разсуждать о политикѣ, то сами превратитесь въ великановъ... Ничего новаго вы еще не придумали, а между тѣмъ, наше положеніе такъ необычайно, такъ ново, что и въ исторіи нѣтъ подобныхъ примѣровъ. Намъ не слова нужны, не рѣчи, не газетныя статьи, а дѣйствія.

— Это все общія фразы,—сказалъ оскорбленный Феликсъ. — Программа должна быть строго предначертана.

Панъ Григорій зашевелился.

— Я вамъ скажу ее въ двухъ словахъ,—вскричалъ онъ. — Пусть каждый дѣлаетъ то, что у него подъ носомъ, пусть старается быть честнымъ и работающимъ и этимъ больше всего принесетъ пользы отечеству.

Наконецъ, панъ Феликсъ уѣхалъ, и послѣ его отъѣзда, панъ Григорій долго еще не могъ успокоиться, въ полномъ убѣжденіи, что его нарочно запугивали, чтобы вызвать на жертву. Дыдасъ, бойкій малый, въ которомъ раны отъ пуль и мечей не охладили сердца, оставшись за обѣдомъ наединѣ со старичкомъ, когда тотъ началъ нападать на публицистовъ вообще, а въ особенности на пана Феликса, кротко и покорно возразилъ:

— Быть можетъ, панъ Феликсъ и преувеличиваетъ, но

въ этомъ, должно быть, есть часть правды, потому что и мнѣ ужъ говорили въ Познани, что готовится что-то.

— Да что тамъ, чортъ возьми, можетъ готовиться? Развѣ избіеніе младенцевъ, что-ли?! — вышелъ изъ себя старикъ. — Всѣ средства противъ насъ уже исчерпаны; уничтожены законы, изданы новые, исключительные... мы отверженные.

— Ужъ я тамъ не знаю, дорогой панъ, что это можетъ быть такое, — отвѣчалъ Дыданъ, — но, право, что-то затѣвается. Люди чувствуютъ это въ воздухѣ.

Григорій пожалъ плечами.

— Побѣзжай же завтра въ Познань, — сказалъ онъ, — и послушай. Я не люблю быть подъ обухомъ какой-то неизвѣстной опасности.

Дыдась, который еще со времени солдатской службы имѣлъ въ Познани друзей и хорошихъ знакомыхъ и радъ былъ иной разъ отдохнуть и повидаться съ ними, охотно воспользовался позволеніемъ и поѣхалъ.

Его не было три дня, и старикъ уже начиналъ обвинять его въ легкомысліи и склонности къ бездѣлю, когда Дыданъ, наконецъ, явился съ мрачной физиономіей.

Григорій не давалъ ему передышки, закидывая вопросами:

— Что же тамъ говорятъ? Что слышно?

— Точь въ точь то, что рассказывалъ здѣсь панъ Феліксъ, — отвѣчалъ Дыдась, — но я пробрался къ своему полковнику, въ редакцію.

Тутъ Дыданъ понизилъ голосъ, точно боясь, что его подслушаютъ.

— Противъ насъ готовится новый законъ, это правда, — прибавилъ онъ, — хотятъ очистить княжество Познанское и Западную Пруссію отъ поляковъ и заселить нѣмцами.

Григорій даже подпрыгнулъ.

— Ерунда! — вскричалъ онъ. — Въ девятнадцатомъ вѣкѣ такіе опыты не удаются.

Дыданъ продолжалъ, не обращая вниманія на его слова:

— Не знаю, чѣмъ мы провинились, но противъ насъ страшно возстановлены; насъ бояться, какъ будто у насъ двѣ-

сти тысячь войска. Что-бы ни случилось дурного, приписываютъ полякамъ: они составляютъ заговоры, поселяють рознь въ государствахъ, подрываютъ власти. Точь-въ-точь, какъ это было, говорятъ, когда-то съ евреями.

— Должно же было что-нибудь случиться, что дало поводъ? — прервалъ панъ Григорій. — Не слышалъ ли ты о какомъ нибудь новомъ заговорѣ? Не называли ли чьей нибудь фамиліи?

— Нѣтъ, — разсмѣялся Дыданъ, — но довольно того, что поляки ихъ не любятъ и, вслѣдствіе этого, подозрительны; ну, и давай всяко тѣснить насъ, рады бы однимъ взмахомъ метлы перекинуть насъ въ Америку.

— Ерунда! — повторилъ панъ Григорій. — Если ты только это и привезъ изъ Познани, такъ не зачѣмъ было и ѣздить.

Цѣлый вечеръ, промучивъ такимъ образомъ и себя и Дыдана, старикъ плюнулъ, перекрестился и сказалъ:

— Довольно! Ни слова объ этомъ, за работу! Не стоитъ набивать себѣ голову такой ерундой.

Почти вся дворянъ Любоховскаго состояла изъ людей, которыхъ онъ привезъ съ собой изъ Царства Польскаго, питая къ нимъ слабость вообще и предпочитая ихъ здѣшнимъ полякамъ.

Ключницей была 60-тилѣтняя панна Жабская, смолodu привезенная изъ Литвы, пользующаяся репутаціей отличной хозяйки, въ особенности по части ветчины, но неслыханно скупая для самой себя. Главнымъ ея качествомъ, основной чертой характера была до крайней степени развитая набожность. Неутомимая, дѣятельная, она имѣла на своихъ рукахъ все женское хозяйство и огороды.

Дыданъ, котораго она съ материнской заботливостью старалась удержатъ на религіозномъ пути, замѣнялъ эконома, управляющаго и писаря.

Наконецъ конторщикомъ, обязанности котораго не были строго ограничены, былъ Бартекъ Ходзибуй, сирота, сынъ крестьянина изъ имѣнія князя, воспитанникъ пана Григорія. Бартекъ всею былъ ему обязанъ, зато готовъ былъ и самъ отдать за него жизнь.

Ходзибуй, пріѣхавъ сюда еще холостымъ, женился на бѣдной крестьянской дѣвушкѣ, воспитанной при помѣщичьемъ дворѣ, красавицѣ, умной и развитой не по возрасту и не по положенію.

Панъ Григорій сначала не позволялъ своему воспитаннику жениться, но увидѣвъ дѣвушку и убѣдившись, что другой такой Ходзибую на всемъ свѣтѣ не найти, благословилъ молодую чету. Крестя сумѣла заслужить себѣ расположеніе и стараго пана, и панны Жабской, и всей дворни. Въ своемъ родѣ, она была очень оригинальное существо. Она исполняла свои обязанности хозяйки, требующія ручного труда, часто самаго грубаго, съ увлеченіемъ и жаромъ, и помимо этого очень интересовалась ученіемъ и книжками и всѣмъ, что дѣлалось на свѣтѣ, такъ что трудно было оторвать ее отъ чтенія.

Надъ ней смѣялись за это, но и она смѣялась и не думала исправляться. Трудно сказать, что могло сдѣлать съ этимъ свѣжимъ и молодымъ умомъ ученье, жадно хватаемое безъ всякаго порядка и системы. Жажда знанія не давала ей ничего довести до конца, такъ что въ головѣ у нея было всего немного, и только благодаря своему особому чутью она умѣла узнавать правду. Когда надъ ней смѣялись, она стѣбчала:

— Да вы спросите-ка у мужа, развѣ я не сама рублю зелень, не полю огорода, не хожу за боровами, не мѣшу хлѣбъ?—а если когда что нибудь и почитаю, чтобы накормить душу... кому это мѣшаетъ?

На самомъ дѣлѣ, только одному мужу было непріятно, что у нея былъ гораздо больший, чѣмъ у него, запасъ разныхъ не очень - то имъ обоемъ полезныхъ свѣдѣній. Только Жабская боялась, какъ бы это любопытство, которое, какъ извѣстно, есть первая ступенька въ адъ, не вскружило голову Крестя, но Крестя была набожна какъ истинное дитя природы. Она любила Бога всей душой.

Эта маленькая кучка людей, окружавшихъ пана Григорія, жила въ мирѣ и согласіи и представляла какъ бы одну семью... Никогда ни малѣйшій споръ не нарушилъ здѣсь покоя. Всѣ наперебой служили старому пану, который за то и любилъ ихъ какъ своихъ дѣтей.

Жабская, нянчившая когда-то Марынку, сильно была къ ней привязана и когда нѣмецъ увезъ ее, она не могла утѣшиться и, несмотря на всю свою набожность, возненавидѣла нѣмцевъ. Ксендзъ пробощъ Кростекъ, въ приходѣ котораго находилась Любахувка, часто бывая у пана Григорія, съ которымъ они играли въ марьяжъ, на молитвѣ угрожалъ ей за эту ненависть къ нѣмцамъ строгимъ наказаніемъ на томъ свѣтѣ, но и эта угроза не помогла.

— Пускай меня Господь Богъ судить, — отвѣчала она, — но развѣ я могу простить его?!

Одна Жабская получала иногда извѣстія отъ своей барышни, какъ она продолжала ее называть. Но не всегда она дѣлилась этими новостями даже и съ отцомъ.

Въ послѣдній пріѣздъ Марынки онѣ долгіе часы проводили вмѣстѣ и расходились съ заплаканными глазами; напрасно панъ Григорій пытался угадать, что ихъ такъ огорчаетъ. Никто въ домѣ не имѣлъ секретовъ, и когда панъ Феликсъ напугалъ хозяина, а тотъ послалъ Дыдана на развѣдки, панна Жабская знала объ этомъ. Дыданъ былъ пораженъ, что отъѣздъ его нисколько ее не удивилъ, и что она не противилась этому. Казалось, она была предупреждена обо всемъ.

— Тебѣ удивительно, что нѣмецъ выдумалъ противъ насъ новое преслѣдованіе, — сказала она, — а между тѣмъ такова ужъ ихъ натура — мучить другихъ, выгонять и захватывать себѣ мѣсто, которое Богъ далъ для всѣхъ. Въ мирѣ никто съ ними жить не можетъ, хоть-бы и хотѣлъ...

И, ворча такимъ образомъ, она пошла хлопотать по хозяйству. По возвращеніи, она спросила Дыдана, покачала головой и заключила:

— Готовьтесь заранѣе, ужъ что заварятъ они кашу — такъ это вѣрно.

Въ одинъ прекрасный день, когда менѣе всего можно было ожидать посѣщенія пани Треубернеръ, которая лѣтомъ обыкновенно не пріѣзжала къ отцу, она вдругъ явилась.

Пана Григорія не было дома, такъ какъ онъ пошелъ по хозяйству. Ее встрѣтила Жабская и ужаснулась, увидѣвъ свою барышню: такъ она измѣнилась, похудѣла и поблѣднѣла.

Она расплакалась, обнимая Жабскую, и ее на крыльцѣ

пришлось приводить въ чувство. Однако, она успѣла уже оправиться, когда пришелъ отецъ, за которымъ сейчасъ же послали.

Но и съ нимъ встрѣча была слезная. Неожиданный прїѣздъ дочери и притомъ въ такое время, когда ей менѣе всего можно было покинуть домъ, если и не испугалъ пана Григорія, то во всякомъ случаѣ удивилъ его и обезюкоилъ.

Большой промежутокъ времени отдѣлялъ эту минуту отъ того времени, когда она оставляла отца и этотъ бѣдный домъ.

Марынка была теперь солидная женщина, отъ молодости которой остались только слѣды. Взглянувъ на нее, на ея костюмъ, на ея лицо, на грустное выраженіе всей фигуры, трудно было отгадать, что между этимъ старцемъ съ загорѣлымъ, морщинистымъ лицомъ и ею существовало какое-бы то ни было родство. Кто же могъ-бы узнать отца этой дамы, принадлежащей, повидимому, къ самому аристократическому кругу, въ простомъ человѣкѣ, который болѣе походилъ на ея слугу.

Пани Треубернеръ въ томъ обществѣ, къ которому должна была примѣниться, набралась вкуса изящества и роскоши. Каждое ея движеніе, шагъ, взглядъ отличались желаньемъ показаться съ надлежащимъ достоинствомъ, но, вмѣстѣ въ тѣмъ, сгладили въ ней все польское, искреннее, открытое. Это была женщина, поддерживающая высокое положеніе своего мужа, принужденная играть какую-то роль и уже привыкшая къ ней.

На лицѣ, которому чужда была свободная улыбка, отражались тоска и неподдѣльная грусть. Никогда еще отецъ не видѣлъ ее до такой степени раздраженной и взволнованной. Прежде она принуждала себя казаться счастливой и довольной и скрывать грусть; теперь она точно сбросила съ себя маску и встала передъ нимъ чуть не мученицей и только старалась заглушить въ себѣ крикъ горя и слезы.

Старый Любаховскій, который надѣялся увидѣть съ ней хотя-бы онѣмчившихся внуковъ, тяжело вздохнулъ, видя, что она ни одного не привезла.

Онъ спросилъ ее про мужа; она долго заставила ожидать отвѣта.

— У него никогда нѣтъ ни одной минуты для себя, — со

вздохомъ сказала она, — ни для дѣтей, ни для меня... что и говорить о дорогѣ?..

И, не dokonчивъ, она обернулась къ дому, куда они и вошли.

Тутъ ничто не измѣнилось съ первыхъ лѣтъ, ничто даже не было тронуто съ мѣста. Она остановилась въ нѣмомъ изумленіи, и слезы покатались изъ ея глазъ.

Задвинутый въ уголь, давно уже неоткрывавшійся, стоялъ вѣнскій рояль, который отецъ пожелалъ себѣ сохранить. Столько воспоминаній соединялось съ нимъ, что бѣдная женщина разразилась рыданіями. Ея свободные молодые годы встали передъ ней.

Строгий отецъ не далъ ей долго плакать.

— Дитя мое... присядь, ты нуждаешься въ отдыхѣ...

— Увы, — прошептала она, какъ бы невольно, — не ради отдыха пріѣхала я къ тебѣ... Мнѣ необходимо излить передъ тобой свою душу... дальше я не могу скрывать этого отъ тебя... Отецъ, дорогой мой отецъ!.. Я ужасно несчастна!..

Отецъ, хотя сердце его давно предчувствовало то, въ чемъ она собиралась ему признаться, всплеснулъ руками, какъ громомъ пораженный ея словами. Онъ зналъ, что она несчастна, но не предполагалъ ея горя настолько сильнымъ, чтобы вырвать изъ груди этотъ крикъ страданія.

— Марынка моя!..

— Я уже не твоя... — съ жаромъ подхватила она, вся я... тамъ, невольница, плѣнница... дѣти мои заложники. Дѣти... дѣти мои, въ которыхъ я не узнаю своей крови!

Плачь прервалъ ее, но она быстро отерла слезы. Блѣдное лицо запылало отъ внутренняго огня.

— Пока я одна страдала... пока жалоба моя была пустымъ нытьемъ слабаго духа... зачѣмъ мнѣ было отравлять тебѣ этимъ жизнь?.. но теперь...

Любоховскій со страха шепталъ какую-то молитву. Она бросила взглядъ на бѣднаго старика, сжалась надъ нимъ и начала его обнимать, стараясь казаться мужественной.

— Садись, дорогой отецъ!.. — сказала она, — надо посоветоваться, надо стряхнуть съ себя это ничтожное послушаніе, которое теперь было-бы уже забвеніемъ своихъ обязанностей,

какія у меня есть по отношенію къ тебѣ, къ дѣтямъ и наконецъ къ самой себѣ... Помнишь,—начала она, принуждая себя къ спокойному объясненію,—когда я выходила замужъ за Роберта, —я шла за него съ вѣрой въ его сердце, въ благородство характера, въ его привязанность ко мнѣ... Не могу сказать, чтобы я обманулась, но я не знала свѣта и его положенія. Робертъ былъ чиновникъ, слуга... гѣхъ, ненависть которыхъ къ намъ мы давно знаемъ, и съ которыми ты всегда уговаривалъ жить въ мирѣ, любить ихъ. Выслушай, сегодня я могу признаться тебѣ во всемъ... Меня увезли отъ тебя; я поѣхала безъ страха, полная вѣры въ своего Роберта, не зная еще, что любовь ко мнѣ могла быть въ немъ только чувствомъ, несвязаннымъ съ другими, какъ-бы развлеченіемъ, игрушкой въ свободныя отъ серьезныхъ занятій минуты... Я знала, что отецъ его, мать, родня, всѣ сильно противились его женитбѣ потому только, что я была полька. Уже въ дорогѣ Робертъ заклиналъ меня, чтобы я какъ можно меньше вспоминала объ этомъ и вообще обо всемъ польскомъ и старалась примѣняться къ ихъ нѣмецкимъ обычаямъ. Онъ даже добился отъ меня того, что дальнимъ родственникамъ, отъ которыхъ было скрыто мое происхожденіе, я буду говорить, что принадлежу къ семьѣ, живущей въ нѣмецкихъ прибалтійскихъ провинціяхъ. Мнѣ это было непріятно, но, Боже!—чего я не сдѣлала-бы ради того, кто принесъ мнѣ въ жертву согласіе и дружбу съ отцемъ, упросилъ мать, упорствовалъ на своемъ и наконецъ съ такимъ трудомъ добился ихъ согласія? Пріѣздъ въ домъ родителей былъ для меня страшной минутой, но тогда я имѣла еще въ себѣ всѣ силы молодости и любви къ Роберту... Отецъ принялъ меня сухо и холодно, какъ человѣкъ, принужденный покориться непріятной необходимости; мать встрѣтила гордо и почти грозно. Едва мы успѣли сказать нѣсколько словъ, какъ нетерпѣливая старуха, явившаяся на этотъ пріемъ во всей роскоши и богатствѣ наряда—въ атласѣ, кружевахъ и драгоценностяхъ,—повела меня къ себѣ въ кабинетъ...

Только что мы сѣли, она начала:

— Примите, пожалуйста, мою откровенность за доказательство моего расположенія; я желаю, чтобы мы обѣ не обма-

ывались; сейчасъ я скажу вамъ, чего я имѣю право отъ васъ требовать... Я противилась женитьбѣ Роберта, потому что не вѣрю, чтобы такіе смѣшанные браки могли приносить счастье, но я люблю Роберта и не въ силахъ была воспротивиться рѣшительно. Вы должны быть счастливы и гордиться принятіемъ васъ въ нѣмецкій домъ, оторвать сердце отъ всего польскаго и стараться сдѣлаться нашей дочерью—нѣмкой... Мы тутъ не знаемъ и знать не хотимъ Польши... и вовсе не желаемъ видѣть въ васъ польку... Внуковъ своихъ, если Богъ ихъ дастъ, я не позволю воспитывать иначе, какъ по-нѣмецки; ни одинъ изъ нихъ не долженъ знать ни одного слова на вашемъ противномъ языкѣ. Вы меня понимаете?..

Она замолчала, съ минуту ожидая отвѣта, что мнѣ очень трудно было сдѣлать.

— Вы—католичка,—продолжала она,—и не хотѣли перемѣнить религіи для Роберта. Я не хочу вмѣшиваться въ это, но внуки мои будутъ исповѣдывать ту-же вѣру, что и я. Я не желаю также, чтобы домъ нашъ превратился въ убѣжище для вашихъ земляковъ, которыхъ мы знать не хотимъ... Пожалуйста, чтобы ничто въ домѣ не напоминало о вашемъ происхожденіи.

Такъ говорила она, а я, начавъ слезами, которыя не произвели на нее никакого впечатлѣнія, перешла къ негодованію, собиралась протестовать... Старуха, должно быть, угадала это по моему лицу и, не давая мнѣ заговорить, заключила такъ:

— Я желала только высказать вамъ это; не въ моемъ духѣ спорить, доказывать, убѣждать—я объявляю свою волю и надѣюсь, что вы постараетесь къ ней примѣниться. Обдумайте послѣдствія оппозиціи. Скандаловъ я не терплю. Робертъ ручался мнѣ въ вашемъ послушаніи... и я вѣрю.

Она видѣла, что я собиралась возражать ей, и постаралась избѣжать этого. Она даже не обняла меня, не смягчила ничѣмъ данныхъ приказаній и принудила меня вернуться въ другія комнаты, гдѣ уже собралась вся ближняя и дальняя родня... Меня окружили, осматривали, спрашивали; но все это дѣлалось съ очевиднымъ нерасположеніемъ, и никто не уладилъ мнѣ этихъ тяжелыхъ первыхъ минутъ.

Къ великому своему огорченію, я замѣтила перемѣну даже въ Робертѣ, который, поручивъ меня кузинѣ Бертѣ, пожилой дѣвушкѣ, самъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы занять своихъ гостей. Кузина Берта для моего развлеченія не нашла ничего лучшаго, какъ книжки съ картинками, составленный ею самою гербаріумъ и, наконецъ, поименное перечисленіе фамилій мнѣ незнакомой родни. Кузина Берта точно знала, у кого изъ родныхъ сколько было дохода, какимъ кто обладалъ капиталомъ, сколько имѣлъ долговъ, сколько у каждой изъ барышень было приданого и т. п. Эта финансовая сторона составляла главную тему ея разговора. Я говорила мало, больше все отмалчивалась, но меня и спрашивали осторожно, повидимому, боясь, какъ-бы я не проболтала чего-нибудь лишняго. Я только тогда перевела духъ и могла отдохнуть послѣ этого поздно затянувшагося вечера, закончившагося шампанскимъ и пуншемъ, когда мы съ Робертомъ сѣли въ экипажъ и поѣхали на нашу новую квартиру. Я хотѣла пожаловаться ему, искать у него утѣшенія; но онъ заклиналъ меня не отравлять нашего обоюднаго счастья, доказывая, что все это вещи постороннія, процессъ обыденной жизни—какъ онъ выражался—съ которыми приходилось мириться. Онъ замыкалъ мнѣ уста, когда я хотѣла жаловаться, и—странно—когда я говорила о самыхъ важныхъ цѣляхъ жизни, онъ перебивалъ меня разсказами о театрѣ, картинныхъ галлерейхъ и прочихъ удовольствіяхъ столицы. Однако, я принудила его хотя къ короткому разговору о томъ, что особенно тяготило меня.

— Дорогой Робертъ,—сказала я,—ты общалъ, что не будешь стѣснять меня ни въ дѣлахъ вѣры, ни въ моемъ чувствѣ привязанности и любви къ отцу, родинѣ и своему народу. Мать твоя не желаетъ видѣть во мнѣ польку... но если бы я даже и желала принести тебѣ эту страшную жертву—отречься ради тебя отъ родины,—и то не могла-бы!

— Но, дорогая моя Марынка,—прервалъ онъ,—я отнюдь не запрещаю тебѣ быть полькой и католичкой... не требуй-же и ты отъ меня, чтобы я сталъ полякомъ. Ты видишь, какое патріотическое настроеніе господствуетъ у насъ въ домѣ, какъ всѣ предубѣждены противъ твоихъ соотечественниковъ; не слѣдуетъ раздражать ихъ, намъ надо избѣгать всякаго намека.

Со временемъ, эта острая ненависть сгладится... найдется средство къ примиренію, надо только имѣть терпѣніе...

Таково было начало моей новой жизни, начало, которое ясно говорило, что меня ожидаетъ въ будущемъ. Робертъ—какъ я позже убѣдилась въ этомъ—искалъ во мнѣ жену, которая умѣла-бы развлечь его, заставила забытья. Видя, какъ онъ отягченъ работой, любя его, я по мѣрѣ силъ жертвовала собой... и была такъ счастлива, когда видѣла его веселымъ. Онъ былъ буквально заваленъ работой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ; вслѣдствіе его отличнаго знанія языковъ, политическихъ отношеній съ иностранными государствами, его брали и въ министерство иностранныхъ дѣлъ, часто посылали по какимъ-то таинственнымъ дѣламъ... Я даже почти никогда не могла узнать, когда онъ уѣзжалъ и когда долженъ вернуться. Его двоюродный братъ, тоже чиновникъ, бывшій когда-то консуломъ въ одномъ изъ портовыхъ городовъ Франціи, заступилъ при мнѣ его мѣсто, какъ вице-хозяинъ. Это былъ человѣкъ начитанный, милый, необыкновенно талантливый, но атеистъ и скептикъ, что было мнѣ очень непріятно, такъ какъ онъ не скрывалъ своихъ убѣжденій. Утѣшенія онъ не доставлялъ мнѣ никакого, потому что тоже былъ возстановленъ противъ Польши и питалъ къ ней такую-же ненависть, какой страдало все нѣмецкое общество. Мнѣ не удалось найти почти ни одного человѣка, который-бы зналъ ее болѣе основательно или желалъ съ ней познакомиться. Одни питали ни на чемъ не основанный энтузіазмъ къ героической Польшѣ, созданной въ ихъ воображеніи; другіе чувствовали ненависть и презрѣніе къ старому образу, начертанному безъ всякой критики. Когда я пробовала разяснять самыя грубыя заблужденія, мнѣ зажимали ротъ. Для нихъ нашъ край былъ той осмѣянной Польшей, о которой пѣлъ когда-то Г. Гейне. Говорить съ ними объ этомъ было невозможно, однако я пробовала просвѣтить по крайней мѣрѣ хоть мужа, давала ему книжки, которыя онъ иногда просматривалъ; но ему не доставало слишкомъ много, самыхъ элементарныхъ свѣдѣній, чтобы это могло измѣнить его представленіе. Въ домѣ строгого на строго было запрещено заниматься Польшей. Наступилъ для меня счастливый день, когда я должна была сдѣлаться ма-

терью. Я ожидала его съ нетерпѣніемъ. Я воображала, что дѣтямъ, хотя тайкомъ, мнѣ удастся привить любовь къ родинѣ, къ языку, ко всему польскому, и что я заставлю ихъ хранить этотъ кладъ подъ глубокой тайной. Но, повидимому, это угадали, и мать заранѣе приняла всѣ мѣры предосторожности, чтобы ничего не могло перейти отъ меня къ ребенку, безъ строгаго контроля съ ея стороны. Какъ только ребенокъ началъ говорить, надзоръ удвоили, сама строгая бабушка приняла его на себя, и не было возможности заронить въ сердце дѣтей любовь ко всему тому, что я любила. Сердце разрывалось у меня на части, когда я видѣла ихъ наряженными въ пикельгаубы, съ черно-бѣлыми хоругвями въ рукахъ. Для меня это дѣйствительно хоругви и символъ траура и смерти.

Боясь моего вліянія, дѣтямъ не позволили остаться со мной, и совсѣмъ маленькими отдали въ заведеніе, готовящая ихъ къ военной службѣ. Такова была воля дѣда и бабки.

Происходя изъ купеческаго рода, недавно возведенные въ дворянское достоинство, Треубернеры желали укрѣпить и утвердить свое молодое дворянство военной службой. Во всемъ этомъ, что такъ близко касалось дѣтей, я, мать, не имѣла голоса, меня не хотѣли слушать, не давали сказать ни слова.

Единственное достоинство, которое въ ихъ глазахъ придавало мнѣ значеніе, это было мое воспитаніе въ княжескомъ домѣ и знаніе всѣхъ формъ и правилъ виѣшняго лоска, которыхъ они еще не усвоили. Имъ льстило то, что я сумѣла поставить домъ Роберта на такую ногу, сдѣлать его настолько пріятнымъ и приличнымъ, что къ нимъ охотно съѣзжались люди высшаго круга, члены разныхъ посольствъ.

Мать даже, когда дѣло шло о какомъ-нибудь пріемѣ или праздникѣ при дворѣ, спрашивала моихъ совѣтовъ и всегда исполняла ихъ. Но мало пользы могла я извлечь изъ этого для себя.

Однако это уваженіе и почтеніе, какими меня окружали чужіе, подѣйствовало немного и на своихъ. Старый Треубернеръ, жена его, двоюродные братья и сестры во многихъ вещахъ признавали мое мнѣніе непогрѣшимымъ. Только когда я осмѣливалась вспомнить Польшу, упомянуть о нашемъ краѣ, сейчасъ же переводили разговоръ.

Робертъ надѣялся, что со временемъ, когда онъ прерветъ всѣ мои сношенія съ тобой и съ нашими друзьями, чувства мои измѣнятся и остынутъ. Онъ ошибся въ этомъ, такъ какъ я покупала книжки, выписывала журналы, но должна была скрыватьсь.

Тихая, но неустанная борьба велась по этому поводу между нами. Мнѣ не могли однако запретить ходить въ костель и молиться. Только доступъ католическихъ духовныхъ въ мой домъ, который я старалась облегчить, встрѣчалъ всегда такія ловкія препятствія, что я никогда не могла надѣяться добиться успѣха.

Съ ужасомъ замѣтила я въ подроставшихъ мальчикахъ такія представленія и свѣдѣнія о Польшѣ, которыя были не что иное, какъ самая черная клевета. Старшій, раза два поссорившись со мной, пошелъ съ жалобой къ отцу, невольно выдавъ меня и сдѣлавъ причиной большихъ для меня неприятностей. Не разъ между нами дѣло доходило до серьезныхъ стычекъ, которыя кончались моими слезами.

Старый Любаховскій началъ стонать, слушая признанія дочери.

— О! несчастный часъ,—вскричалъ онъ,—когда я позволилъ тебѣ выйти за него... Правда, я не предвидѣлъ столько горя, но...

— Но я тогда была ослѣплена,—прибавила Марынка,—и я сама виновата, потому что спрашивалась только своего сердца.

— Потомъ уже, увидѣвъ твоего старшаго сына, котораго такъ долго скрывали отъ меня, я все понялъ, но было поздно... Можно ли еще что-нибудь сдѣлать теперь?

— Ахъ!.. Сыновья мои... сыновья мои потеряны для меня и для родины!..—вздыхнула молодая женщина.—Въ младшемъ, можетъ быть, еще есть искорка, брошенная мною, которую я буду стараться раздуть, но старшій завзятый нѣмецъ. Дай Богъ, чтобы мнѣ удалось исправить Юліана. Но сегодня дѣло идетъ не о нихъ, дорогой отецъ; я пріѣхала къ тебѣ съ предостереженіемъ. Готовится какое-то новое страшное гоненіе. Поговариваютъ объ изгнаніи цѣлой массы, чтобы очистить мѣсто для нѣмецкихъ колонистовъ, о выселеніи даже вла-

дѣльцевъ имѣній, не имѣющихъ здѣсь обывательскихъ правъ, которыхъ въ послѣдніе годы почти никому не давали.

Старый панъ Григорій слушалъ спокойно; видно было по его лицу, что онъ не вѣрилъ извѣстіямъ, привезеннымъ дочерью.

— Дитя мое, — проговорилъ онъ, — меня уже страшали подобными слухами, но все это выдумки людей мнительныхъ. Существуетъ извѣстная граница, которую никто не переходитъ. Гдѣ же поводъ къ такой мести? Мы не сдѣлали ничего дурного.

— Ахъ, дорогой отецъ мой! Ужъ одно то, что мы живемъ, что при каждомъ удобномъ случаѣ обнаруживаемъ свое происхожденіе, что мы до сихъ поръ не дали обезнародить себя, уничтожить... — говорила Марынка. — Это очень рѣдкіе, правда, примѣры, но въ нашемъ домѣ мнѣ приходилось встрѣчать поляковъ, фамилія которыхъ и ихъ гербъ ясно указывали на ихъ происхожденіе, и которые на мой вопросъ отвѣчали, что они пруссаки! Когда я спросила одного такого ниже; нернаго офицера очень почтенной у насъ фамиліи и получила подобный отвѣтъ, я съ улыбкой замѣтила ему, что онъ, правда, прусскій подданный, но — полякъ.

— Нѣтъ, — холодно сказалъ онъ мнѣ, — я не считаю себя полякомъ. Правда, родъ мой происходитъ изъ той страны, но я пруссакъ. Я даже не знаю того языка. Мать моя была нѣмка.

Я покраснѣла, слушая его, и отошла, не обращаясь уже болѣе къ нему, хотя мнѣ ужасно хотѣлось посоветовать ему перемѣнить фамилію.

— И я встрѣчалъ здѣсь такимъ отщепенцевъ, — вздохнулъ Любаховскій, — но вернемся къ самому важному. Что же они думаютъ сдѣлать съ нами?..

— Отъ мужа я ничего не могла узнать: отъ меня все это скрываютъ, — отвѣчала Марынка. — Мнѣ только удалось выпытать у его брата, что они дѣйствительно создаютъ какіе то планы, что теперь работаютъ надъ ними, а затѣмъ представятъ ихъ въ парламентъ. Всѣхъ, кто поселился въ Пруссіи и не имѣетъ обывательскихъ правъ, они собираются выгнать.

— Гдѣ же видано что-либо подобное?.. — вскричалъ ста-

рикъ въ негодовѣніи. — Вѣдь есть же купцы, владѣльцы фабрикъ и земли, которые обезпечены уже самой давностью владѣнія. Собственный интересъ нѣмцевъ не допустить такого радикальнаго средства. Они повредили бы своему карману, а вѣдь это у нихъ всегда стоитъ на первомъ планѣ.

— Повторяю вамъ, милый папаша, что извѣстіе это — не пустая выдумка. Несомнѣнно тамъ готовится что-то. Ихъ сердить то, что мы выбираемъ своихъ делегатовъ въ парламентъ и что такимъ образомъ нѣсколько голосовъ всегда являются въ защиту нашего народа.

— Но успокойся, успокойся. Я тебѣ говорю, что если бы даже они и выдумали что-либо подобное, то къ исполненію это окажется невозможнымъ.

— Дай Богъ!.. — прошептала Марынка, глядя въ глаза отцу, — но у тебя самого есть эти обывательскія права?

— Я никогда не хлопоталъ объ нихъ, — спокойно отвѣчалъ панъ Григорій. — Столько лѣтъ никто ихъ у меня не спрашивалъ. Есть у меня свой клочекъ земли, который и даетъ мнѣ эти права.

— Отецъ! — прервала дочь, — въ твои годы ты долженъ быть осторожнымъ, чтобы не имѣть потомъ хлопотъ и безпокойствъ.

Любаховскій махнулъ рукой.

— Э, что ты мнѣ тамъ говоришь! — размѣялся онъ. — Будетъ еще на это время, когда мы узнаемъ что-либо болѣе достоверное. Впрочемъ, твой мужъ...

Брови бѣдной женщины наморщились.

— Мой мужъ! — отвѣчала она, опуская глаза. — Я, право, не знаю, можемъ ли мы на него рассчитывать. Я знаю, что онъ страшно боится, какъ бы его не заподозрили въ послабленіяхъ полякамъ, зная, что онъ женатъ на полькѣ. Я боюсь, какъ бы онъ не оказался скорѣе слишкомъ суровымъ, если ему поручатъ приведеніе въ исполненіе этого новаго закона.

Панъ Григорій быстро взглянулъ на дочь.

— Я не могу этого допустить, — отвѣчалъ онъ. — Я здѣсь со всѣми чиновниками и своими сосѣдями нѣмцами въ хорошихъ отношеніяхъ. Кто-же вздумаетъ выдать меня и подвергнуть... Любаховскій не докончилъ.

— Ты забылъ, дорогой отецъ,—замѣтила Марынка,—о почтенныхъ Фрейеръ и Браузе... Вѣдь они, кажется, все еще сосѣди?

— Увы! Ты во-время напомнила мнѣ объ нихъ. Я воспользуюсь этимъ случаемъ и буду искать защиты. Фрейеръ не дастъ мнѣ покоя, а Браузе, если только могъ, кажется, утопилъ бы меня въ ложкѣ воды. Всѣми способами старался я помириться съ Фрейеромъ, но у него плохо идутъ дѣла; онъ повидимому разсчитываетъ нажиться на мой счетъ, все преслѣдуетъ меня, а Браузе... тоже не лучше. Я не привыкъ чернить людей, но это такой негодяй, что отъ него всего можно ожидать. О, это штучки!..

Приѣхавъ въ Любахувку, панъ Григорій засталъ въ своемъ ближайшемъ сосѣдствѣ трехъ небольшихъ помѣщиковъ нѣмцевъ. Кого-нибудь другого это обстоятельство способно было оттолкнуть отъ рѣшенія поселиться здѣсь, но не его, который признавалъ братство народовъ, и всю свою жизнь старался примирить любовь къ своему народу и уваженіе къ другимъ. Когда ему предсказывали, что ему тяжело будетъ съ этими нѣмцами, онъ прямо сказалъ:

— Какое мнѣ дѣло, нѣмцы ли они, италіанцы, французы или цыгане? Для меня каждый человѣкъ — человѣкъ, лишь бы былъ честенъ.

Первый, который познакомился съ нимъ и помогъ ему составить довольно хорошее представленіе объ этихъ нѣмцахъ, которыми его такъ пугали, былъ нѣкто Золингеръ.

Когда-то онъ вращался въ лучшей сферѣ, былъ чиновникомъ, а на старости лѣтъ ему захотѣлось деревенской тишины, которую онъ представлялъ себѣ чистой идилліей. Человѣкъ этотъ былъ уже немолодой, положительный, не имѣлъ никакихъ предубѣжденій противъ поляковъ, а даже, напротивъ, питалъ къ нимъ симпатію, оставшуюся у него отъ 1830 года. Въ кружкахъ своихъ земляковъ онъ не имѣлъ друзей; его не любили. Скучный, грустный, серьезный, развлекающійся только чтеніемъ. Золингеръ со своей женой, немолодой какъ и онъ,

хозяйничалъ усердно, но неловко, терпѣлъ убытки, имѣлъ долги и мучился своей идилліей.

Золингеръ, встрѣтившись съ паномъ Григоріемъ, охотно познакомился съ нимъ, навѣстилъ его и завязалъ почти дружескія отношенія. Спрошенный о двухъ другихъ сосѣдахъ—Фрейерѣ и Браузе, онъ отдѣлался молчаніемъ, а потомъ началъ увѣрять, что мало ихъ знаетъ, такъ какъ живетъ уединенно.

Позднѣе онъ счелъ долгомъ съ большою осторожностью предупредить пана Григорія, чтобы онъ не входилъ здѣсь ни съ кѣмъ ни въ какія дѣла, не узнавъ людей.

Такимъ образомъ, Любаховскій былъ на-сторожѣ.

Послѣ Золингера явился къ нему Фрейеръ, разыгрывая необычайную вѣжливость, радушіе, предлагая свои услуги, заискивая самымъ низкимъ образомъ. Пана Григорія это сразу оттолкнуло отъ него.

Фрейеръ былъ однимъ изъ кредиторовъ покойнаго Яна Непомучена; когда ликвидировались дѣла, онъ ставилъ всевозможныя затрудненія,—очевидно было, что онъ хотѣлъ забрать Любахувку въ свои руки. Но у пана Григорія были тогда деньги и онъ во что бы то ни стало рѣшилъ оставить землю за собой. Такимъ образомъ, Фрейера постигла неудача; онъ подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ порвалъ сношенія съ новымъ хозяиномъ и объявилъ ему войну. Онъ разыгрывалъ роль яраго нѣмецкаго патріота и, пользуясь, благодаря этому титулу, расположеніемъ мѣстныхъ властей, которыя его боялись, неустанно надоѣдалъ своему сосѣду.

Дыдасъ, пріѣхавъ сюда, первый поссорился съ нимъ; начались постоянныя ссоры. Слѣдя за нимъ, юноша узналъ, что онъ имѣетъ сношенія съ контрабандистами, помогаетъ имъ и скрываетъ у себя товары. Онъ помогъ пограничной стражѣ схватить его людей на мѣстѣ преступленія, и съ этой поры Любаховскій имѣлъ въ немъ непримиримаго врага.

Фрейеръ поклялся, что выживетъ отсюда поляковъ.

Довольно было взглянуть на него, чтобы угадать, что это былъ за человекъ. Маленькій, подвижной, нетерпѣливый, крикливый, онъ умѣлъ быть скрытнымъ и молчаливымъ, когда надо. Постоянно въ телѣжкѣ, въ дорогѣ, ища кого-нибудь,

покупая или продавая, онъ радъ былъ завладѣть всѣмъ, и кидался на всевозможныя рискованныя предпріятія, на которыхъ часто несъ убытки.

Разъ порвавъ знакомство съ паномъ Григоріемъ и имѣя зубъ противъ Дыдасы, онъ постоянно мучилъ ихъ, надобдалъ, хотя и не могъ заработать этимъ ничего, кромѣ того пріятнаго сознанія, что онъ не даетъ имъ покоя. Дыдасъ съ юношескимъ пыломъ мстилъ ему, издѣваясь надъ нимъ при каждомъ удобномъ случаѣ.

Разъ даже онъ поймалъ его съ однимъ контрабандистомъ въ волчью яму въ лѣсу.

Контрабандисты хотѣли убить Дыдасы, стрѣляли въ него, но—Богъ пули носить, какъ говоритъ пословица.

Польское происхожденіе и польскій патріотизмъ доставляли Фрейеру немало средствъ къ преслѣдованію сосѣда, но откровенность Любаховскаго и извѣстный всѣмъ его характеръ защищали его отъ клеветы.

Въ послѣднее время Дыдасъ такъ далъ ему себя знать, что, наконецъ Фрейеръ потребовалъ мира. Любаховскій велѣлъ ему передать, что онъ по-христіански прощаетъ всѣ обиды, но въ примиреніе не вѣрить.

Браузе, послѣдній изъ сосѣдей пана Григорія, хотя вполне былъ согласенъ съ Фрейеромъ въ его нападенія на поляковъ, на видъ казался гораздо спокойнѣе. Насколько Фрейеръ былъ подвиженъ и крикливъ, настолько этотъ тихъ и замкнутъ въ себѣ. Хозяйство шло у него Богъ знаетъ какъ, но несмотря на это, у Браузе были деньги, онъ давалъ подѣ проценты, велъ разную торговлю и вся жизнь его была покрыта какой-то непроницаемой тайной. Иногда онъ исчезалъ съ горизонта на довольно продолжительное время, потмъ вдругъ являлся снова, не объясняя никому, гдѣ онъ былъ и что дѣлалъ.

Власти, вмѣсто того, чтобы относиться къ нему подозрительно, вслѣдствіе этихъ таинственныхъ исчезновеній, оказывали ему полное уваженіе, такъ какъ убѣдились, что у него очень сильная протекція. Браузе сразу, даже не притворяясь, что хочетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ сосѣдомъ, началъ выказывать ему свое нерасположеніе, пренебреженіе, даже презрѣніе.

Когда Марынка вышла замужъ, онъ не рѣшился открыто выступить противъ старика, испугавшись зятя; однако, потомъ убѣдившись, что тотъ вовсе не намѣренъ помогать тестю, снова началъ выказывать ему при каждомъ удобномъ случаѣ свою враждебность.

Все эти неприятности Любаховскій переносилъ съ такимъ равнодушіемъ, такъ спокойно, что его хищные враги не имѣли даже того утѣшенія, что имъ удалось раздражить его. Нѣмцы не упустили ни одного случая, чтобы не пожаловаться на него, не обвинить его въ чемъ-нибудь или, по крайней мѣрѣ, не причинить ему какихъ-нибудь убытковъ.

Дыдасъ по возможности старался отплачивать имъ за это. Приходилось быть осторожнымъ во всемъ, въ каждой мелочи, потому что зоркое око Браузе не пропускало ничего. Дыдасъ защищался только тѣмъ, что, помогая дѣятельно пограничной стражѣ, онъ всегда имѣлъ въ нихъ друзей, свидѣтелей и покровителей.

Съ годами, однако, война эта начинала мало-по-малу гаснуть и потухла бы совсѣмъ, такъ какъ обѣ стороны были утомлены, если бы ее не разжегъ снова 1871 годъ, поднимая нѣмецкій патріотизмъ, который, почувствовавъ свою силу, началъ злоупотреблять ею во всѣхъ направленіяхъ.

Ни одно торжество, ни одно празднество не проходило безъ того, чтобы Любаховскаго въ чемъ-нибудь не обвинили.

Въ тотъ самый день, когда пріѣхала дочь пана Григорія съ жалобами и съ предостереженіемъ, боясь за отца, совѣтуя ему продать все и уѣзжать изъ государства, которое начинало чуть не крестовый походъ противъ поляковъ, Браузе вернулся домой послѣ довольно продолжительнаго отсутствія и, почти не отдыхая, не посидѣвъ дома, велѣлъ запречь лошадей и поѣхалъ къ Фрейеру, который жилъ по другую сторону Любахувки.

Фрейеръ построился въ своемъ имѣніи по-нѣмецки: домъ его такъ близко былъ соединенъ съ хозяйственными постройками, что совершенно исчезалъ въ нихъ... Это былъ маленький каменный домикъ съ деревянными пристройками. Отъ входа навѣро нѣсколько комнатъ занимали сами хозяева. Тутъ была такъ называемая gute Stube, гостиная, въ которой рѣдко

появляющихся здѣсь гостей принимали во всякое время дня не чѣмъ инымъ, какъ жиденькимъ кофе и хлѣбомъ, намазаннымъ масломъ. Появлялось и пиво, если только оно было дома. Gute Stube, со своимъ комодомъ, заставленнымъ памяtnыми чашками, чайниками и разными издѣліями изъ стекла и глины, со стекляннымъ шкафомъ, заключающимъ въ себѣ тоже цѣнные столовые приборы, со своими шварцвальдскими часами, диваномъ, столомъ, съ портретами Фридриха Великаго и всего царствующаго дома на стѣнахъ,—часть долго не посѣщаемая, запыленная гостиная производила непріятное впечатлѣніе. Ничто не свидѣтельствовало здѣсь ни о зажиточности, ни о вкусѣ. Двое дверей вели изъ нея въ комнаты хозяина и хозяйки. Его комната была собственно пріемной, въ которой улаживали всякія дѣла, принимали работниковъ, возчиковъ и т. п. Однако, Фрейеръ, не могущій усидѣть на мѣстѣ, чаще всего рѣшалъ текущія дѣла на дворѣ, sub tove.

Невозможно представить что-либо болѣе унылое, чѣмъ этотъ домъ, возвышающійся среди полей, не отѣненный, не украшенный ничѣмъ, съ обожженными стѣнами, на которыхъ обрисовывались черныя линіи балокъ, связывающихъ тонкую стѣну. Нигдѣ ни въ саду, ни на окнахъ дома не было зелени, ни одного цвѣтка, иногда только развѣшивающееся бѣлье составляло все украшеніе.

Однако, въ углу сада, примыкающаго къ дому сзади, между грядками съ лукомъ, капустой и макомъ извивались двѣ-три дорожки, обсаженные крыжовникомъ.

Здѣсь же въ углу, припертая къ полуразвалившемуся плетню, стояла старая бесѣдка, обвитая фасолью, немножко вьюномъ, настурціей и горошкомъ.

Построенная очень скромно, вся въ заплаткахъ, она заключала въ себѣ столъ и двѣ лавки. Здѣсь Фрейеръ, отдыхая, засыпалъ послѣ обѣда и иногда принималъ съ глазу на глазъ какихъ-то подозрительныхъ личностей, пріѣзжавшихъ къ нему. Хозяйка, старая, молчаливая, ослабленная болѣзнью и глухая, съ завязанной всегда головой, сидѣла здѣсь съ чулкомъ и равной книжкой, чаще всего съ повѣстью Герштеккера, больше дремля, чѣмъ читая и шевеля спицами.

Фрейеръ, одѣтый по домашнему въ такой костюмъ, что

его трудно было признать за хозяина, вертѣлся около гумна, ругаясь съ гроесь-кнехтомъ, который имѣлъ начальство надъ челядью и работниками, когда на дворѣ показалась телѣжка, когда-то зеленая, хорошо ему знакомая, и лобъ старой огромной гнѣдой лошади, съ лысиной на подобіе фонаря. По этой лошади, равно какъ и по телѣжкѣ, Фрейеръ узналъ своего пріятеля и сосѣда Браузе, котораго давно не видѣлъ и, бросивъ на прощаніе гроесь-кнехту проклятіе, поспѣшилъ къ гостю.

Браузе, который, пользуясь нѣсколькими свободными минутами, спалъ въ телѣжкѣ, проснулся, когда она остановилась у крыльца, и уже вытѣзалъ.

Встрѣча была самая сердечная... радушная. Фрейеръ, схвативъ сосѣда подъ руку, хотѣлъ его вести въ Gute Stube, но Браузе, на лицѣ котораго отражалось какое-то нетерпѣніе, схватилъ его за руку и указалъ на бесѣдку.

— Надо намъ поговорить, — быстро вскричалъ онъ, таинственно понижая голосъ, — и не надо, чтобы кто-нибудь насъ услышалъ; сядемъ здѣсь.

Фрейеръ послушно согласился, только оглянувшись и кивнулъ огромной дѣвицѣ съ засученными чуть не до плечъ рукавами, а когда та подошла, отдалъ ей какія-то приказанія. Нетерпѣливый Браузе уже шелъ, между тѣмъ, къ бесѣдкѣ, входъ въ которую по кускамъ балокъ вмѣсто ступенекъ былъ довольно неудобенъ. Онъ сѣлъ на лавку, вынулъ изъ кармана старосвѣтскую фарфоровую трубку съ портретомъ Блюхера.

Пока онъ успѣлъ ее набить, Фрейеръ уже сидѣлъ напротивъ него, улыбаясь.

— Долго же васъ не было дома! — заговорилъ онъ.

— О! — отвѣчалъ Браузе, — я полсвѣта избѣгалъ, столько дѣла свалилось на мою голову... Но это все ничего... Мы теперь наканунѣ великихъ событій, къ которымъ должны быть приготовлены, если желаемъ ими воспользоваться.

При словѣ «воспользоваться» маленькіе глазки Фрейера заблестѣли.

— Говорите же! — заторопилъ онъ.

— Не такъ-то это легко, — началъ Браузе. — Готовятся великія событія... Да, да! Наконецъ-то обѣщаютъ намъ, что и

на этомъ клочкѣ земли, спокойнѣ въковъ нѣмецкомъ, на который налетѣла эта польская саранча, мы будемъ, наконецъ, господами...

— Это давно бы такъ должно быть, — отвѣчалъ Фрейеръ. — Здѣсь до сихъ поръ главную роль играютъ польскій шляхтичъ и польскій хлопъ. Мы тутъ гости, но разъ уже начались споры съ ихъ духовенствомъ, я всегда предсказывалъ, что дѣло должно дойти и до войны съ поляками. Америка для нихъ открыта всегда, пускай себѣ перебираются туда и оставляютъ намъ эту землю.

— Только ждать пока они, когда имъ надобѣтъ военная служба, одинъ за другимъ переселятся туда, было бы слишкомъ долго. Надо ихъ заставить уйти отсюда.

Фрейеръ утвердительно кивнулъ головой.

— Но какъ? — спросилъ онъ.

Браузе задумался.

— Умные люди, — сказалъ онъ, — придумали средство... Мѣстныхъ, коренныхъ жителей здѣсь на границѣ мало, значительная часть мало-по-малу переселилась сюда изъ Царства Польскаго... Богъ знаетъ откуда, изъ какихъ-нибудь отдаленныхъ губерній — кто ихъ тамъ спрашивалъ раньше о паспортахъ? — А теперь, кто же запретитъ тѣхъ, у которыхъ ихъ не было, хотя бы они просидѣли и пятьдесятъ лѣтъ, — выгнать? Пускай убираются назадъ, откуда пришли.

Браузе даже засмѣялся, — такъ ему понравилась эта прекрасная мысль. Фрейеръ качалъ головой.

— Не знаю, такъ ли это легко сдѣлать, какъ сказать? — возразилъ онъ. — Вѣдь мы же приняли ихъ и позволили сидѣть спокойно: жениться, воспитывать дѣтей и отдавать ихъ въ солдаты. Какъ же вдругъ пойти противъ самихъ себя и сдѣлать такую несправедливость — приказать имъ уходить?

— Какъ? — подхватилъ Браузе, — а кто же привлечетъ насъ къ отвѣтственности за то, что мы сдѣлаемъ? Нравилось намъ не видѣть — мы и не смотрѣли; захотимъ взглянуть — вѣдь это же можно. Мы у себя дома.

— Положимъ, положимъ, — отвѣчалъ Фрейеръ, — только вѣдь, если мы начнемъ выгонять хлоповъ, придется задѣть и пановъ. Этихъ здѣсь тоже не мало сидитъ, хотя и не имѣютъ на то права.

— Тѣмъ лучше!—смѣялся Браузе.—Для насъ, чѣмъ ихъ меньше, тѣмъ лучше.

Прислуга принесла на подносѣ кофе. Браузе оглянулся.

— Пускай будетъ и кофе,—сказалъ онъ, ударяя рукой по столу,—но я усталъ: шнапса бы не мѣшало.

Фрейеръ крикнулъ служанкѣ, чтобы та пренесла нордгаузеровки, а самъ наливалъ кофе.

— Откуда же ты знаешь, —спросилъ онъ,—что наконецъ эта помойная яма очистится?

— Не спрашивай объ этомъ. Ужъ если я говорю, такъ можешь мнѣ вѣрить... Намъ заранѣе надо къ этому приготовиться. Не одинъ вынужденъ будетъ оставить землю, не одинъ захочетъ продать ее. Времени имъ дадутъ мало... Все упадетъ въ цѣнѣ.

— Если бы и Любахувка лишилась такимъ образомъ хозяйства, —проговорилъ Фрейеръ, —я бы ее купилъ.

— Либо я, —прервалъ Браузе, который уже вынулъ водки.

— У меня за ней были деньги. Этотъ старикъ уплатилъ мнѣ, но я обиженъ. Я вѣдь ихъ давалъ не для того, чтобы получить обратно, а чтобы получить за нихъ землю.

— На что тебѣ Любахувка? —перебилъ его Браузе, —думаешь, я не знаю, что тебѣ и свое-то скоро придется продавать?

Фрейеръ иронически улыбнулся.

— Ну, если ты все такъ хорошо знаешь, какъ то, что я буду продавать...

Они посмотрѣли другъ другу въ глаза.

— Впрочемъ, это мнѣ все равно, —прибавилъ Браузе, —этотъ клочекъ земли прилежаетъ къ моему имѣнью и потому долженъ принадлежать мнѣ.

— Мы подѣлимся, —замѣтилъ Фрейеръ.

— Оставимъ это! Медвѣдь еще въ лѣсу вѣдь! —отвѣчалъ Браузе.—То, что я тебѣ сказалъ объ изгнаніи, вскорѣ будетъ обнародовано. Намъ вообще слѣдуетъ избавиться отъ иностранныхъ подданныхъ. Всѣ эксплуатируютъ насъ, а мы никого. Въ университеты ходитъ множество иноземцевъ, зачѣмъ же намъ ковать противъ себя оружіе? Шляхта изъ Царства Польскаго покупаетъ имѣнія; хлопы учатся у насъ хозяйству и грамотѣ, того и гляди, отнимутъ у насъ хлѣбъ.

Фрейеръ сильно задумался.

— Ты, братъ, ерунду несешь, — прервалъ онъ, подумавъ. — Что намъ этого хотѣлось бы, это правда, но гдѣ же это слыхано, чтобы по китайски не пускать къ себѣ никого чужого; вѣдь потомъ, чего добраго, придется запереть дверь и своимъ, чтобы не избѣгали солдатчины!

— Отчего же нѣтъ? — вскричалъ Браузе. — Намъ необходимо завести у себя порядокъ, не оглядываясь на то, что гдѣ дѣлалось или дѣлается. Развѣ мы не сильны? Кто посмѣетъ потребовать у насъ отчета? Никто насъ не любитъ, за что же намъ любить людей?

— Ого-го! — заговорилъ Фрейеръ, дослушавъ его до конца. — А что скажетъ нашъ парламентъ? Вѣдь у насъ онъ кое-что значитъ?

— Чистая комедія! — отвѣчалъ Браузе. — Парламентъ говорить, а люди дѣлаютъ себѣ что хотятъ. Только и будетъ, что испортить кровь канцлеру, который горячо принимаетъ къ сердцу всякую болтовню. Когда дѣло идетъ о табачной монополіи, о налогѣ на спиртъ, вообще о деньгахъ, которыя ему нужны и которыя онъ во что бы то ни стало долженъ имѣть, не прося о томъ никого и не кланяясь парламенту, — я понимаю, что онъ можетъ сердиться на тѣхъ, кто ему противится, да и то онъ сумѣетъ съ ними справиться; а ужъ если начнетъ играть на патріотической стрункѣ, да еще противъ поляковъ, — ну, тогда всего отъ насъ добьется. — *Erbfeind!*

И Браузе дико захохоталъ:

— У насъ ужъ такая натура, что намъ пріятно 'душить неприятели; всѣ это одобрятъ и каждый приготовится схватить кого-нибудь за вихорь. Правительство выигрываетъ этимъ въ политикѣ, а мы должны заработать деньги.

Съ минуту оба молчали.

— Правда святая, что надо пользоваться удобнымъ временемъ, — заговорилъ Фрейеръ. — Теперь за поляковъ никто не заступится. Съ ними можно сдѣлать все, что угодно; пресса насъ похвалитъ — они *Vogelfrei!* Ни съ кѣмъ нельзя этого продѣлать такъ удобно, какъ съ ними; они могутъ быть позабыты, осмѣяны; какъ изъ стада воловъ, мы можемъ выбирать на убой любого изъ нихъ.

Теперь Фрейеръ въ свою очередь засмѣялся.

— Имѣть въ политикѣ такое орудіе, такой удобный матеріаль, изъ котораго во всякое время можно сдѣлать что угодно,—развѣ это не милость Господня?! Таковы наши поляки. Когда нужно, въ нихъ не признають ума; говорятъ, что у нихъ нѣтъ денегъ, что все для нихъ кончено, и имъ ничего не остается, какъ только исчезнуть съ лица земли. Другіе доказываютъ, что ихъ уже и нѣтъ. А сейчасъ же послѣ этого, когда нужно пугнуть добродушныхъ и легковѣрныхъ, чтобы патріотизмомъ вытянуть жертву изъ кармана, ихъ дѣлають пугаломъ: поляки-де составляютъ заговоръ съ папой, готовятъ измѣну съ Франціей, что они находятся вездѣ и дѣлають все, что можетъ намъ вредить, что у нихъ огромныя силы.

И Фрейеръ смѣялся отъ чистаго сердца, а Браузе думалъ, облокотившись на руку.

— Скоро начнется эта пляска, — прибавилъ онъ, понижая голосъ. — Помни, что мы съ тобой идемъ рука объ руку; ты будешь дѣлать все, что я прикажу, не спрашивая, зачѣмъ и почему; я тебѣ за это отплачу. Правительство нуждается въ людяхъ благонамѣренныхъ, которые помогли бы очистить эти провинціи... Надо ужъ разъ навсегда покончить и сдѣлать ихъ нѣмцами, какъ Эльзась и Шлезвигъ.

— Но у нихъ свои особые законы,—замѣтилъ Фрейеръ. Браузе не далъ сосѣду договорить.

— Что ты понимаешь! вскричалъ онъ.—Время создаетъ законы, время же и уничтожаетъ. Что мы—кланяться будемъ передъ парламентами, что-ли! Вызовутъ крисконсультовъ, которые докажутъ, что мы ни къ чему не обязаны.

Подъ конецъ говорившій даже вышелъ немного изъ себя и быстро прибавилъ:

— Не спрашивай, что дѣлается и какъ, довольно того, что мы должны стараться скорѣе избавиться отъ поляковъ и занять самимъ ихъ мѣсто. Заготовляй списокъ тѣхъ, которыхъ надо отсюда выселить.

Фрейеръ сложилъ руки.

— Эхъ, вотъ кабы стараго Любаховскаго съ Дыданомъ, экономомъ и эконошкой, а за ними и пана Францишка, и пана Адама, и пана Яна, и пана...

— А они все здѣшніе или пришлые?—сказалъ Браузе.—А то, если они здѣсь и рсдились, если сюда влѣзли еще ихъ отцы или даже дѣды... Впрочемъ, можно и соврать; разъ ихъ выгонять—кончено. Ты долженъ меня понять. Для такой работы нужны будутъ люди.

— Да я готовъ!—отвѣчалъ Фрейеръ.—Довольно ужъ они мнѣ тутъ надоѣли, пора отплатить имъ. Если нельзя будетъ прямо выгнать Любаховскаго, мы отнимемъ у него людей... Не бойся, одинъ съ Дыданомъ не пойдетъ въ поле.

— У тебя только одинъ этотъ старикъ въ головѣ—прервалъ Браузе,—но и кромѣ него много найдется кого выселять. Надо заранѣе искать, вынюхивать, выслѣживать, откуда и когда пришелъ... Пусть идутъ назадъ. У насъ для пришлецовъ нѣтъ мѣста.

Они взглянули другъ другу въ глаза; Фрейеръ придвинулся поближе и обнялъ сосѣда.

— Мы вдвоемъ тутъ справимся,—сказалъ онъ,—не вербуйте другихъ. Довольно насъ двоихъ, мы одни и попользуемся. Тише! тише! Помните, когда дѣло шло о дѣтяхъ въ школахъ, которыхъ надо было записать нѣмцами, кто лучше меня служилъ? Я зналъ,—кто назвался и кто остался полякомъ; точно такъ же я буду знать, кто не здѣшній...

Сморщенное лицо Фрейера смѣялось, а Браузе думалъ, теръ себѣ лобъ и нѣсколько разъ запилъ кофе нордгаузеровкой.

Затѣмъ посыпались фамиліи. Тщетно Фрейеръ нѣсколько разъ пытался подсунуть Любаховскаго,—онъ не получалъ никакого отвѣта. Это его сильно обеспокоило и онъ еще разъ упомянулъ пана Григорія, какъ больше всѣхъ заслуживающаго изгнанія.

— Вы не знаете, что это за опасная штука,—сказалъ онъ посиѣшню.—Онъ здѣсь всеѣмъ управляетъ, руководить. Мало говорить, а вездѣ замѣтно его вліяніе. Мужики его слушаютъ, идутъ къ нему за приказаніями и совѣтами. Дойдетъ дѣло до голосованія — его и сосѣдніе люди выберутъ единогласно польскимъ кандидатомъ. У Золингера даже переманили значительную часть работниковъ, да и изъ моихъ нѣкоторыхъ совратили въ свою вѣру. Половина изъ нихъ была бы уже нѣмцами, если бы не они. Онъ заставляетъ Дыдана читать

по воскресеньямъ, онъ зоветъ ихъ братьями, онъ... О! это штука!

— Задалъ же онъ тебѣ перцу,—перебилъ его Браузе,—но теперь ты ему отплатишь, если Треубернеръ дозволить. Онъ высоко стоитъ.

— Треубернеръ пальцомъ не шевельнетъ!—сказалъ Фрейеръ.

— Почему ты знаешь?

— Знаю, потому что ходилъ на развѣдки,—медленно заговорилъ Фрейеръ. — У меня тамъ въ его домѣ есть свои, я все знаю. Молодой Треубернеръ былъ влюбленъ въ жену до безумія, родители не соглашались на бракъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда ему не удалось передѣлать красавицу супругу, онъ сильно охладѣлъ къ ней. Дѣтей заранѣе оградили отъ ея вліянія. Но такъ какъ она нужна имъ для аристократіи, съ которой они должны жить, они ее терпятъ. Она совсѣмъ чужая среди нихъ. Они вѣжливы съ ней, не раздражаютъ, но для нея ничего не сдѣлаютъ, ничего. Да она и сама слишкомъ горда, чтобы просить. Никто тамъ не будетъ защищать стараго Любоховскаго и заступаться за него, а она не посмѣетъ даже и слова сказать за него.

— Я не ожидаю такого равнодушія,—возразилъ Браузе,—но что этотъ одинъ Григорій значить!..

— Онъ-то! Очень много, очень много, — отвѣчалъ Фрейеръ.—Онъ ходитъ, заложивъ руки, онъ будто ничего не дѣлаетъ, молчитъ, только дѣлаетъ знаки, а ужъ Дыданъ знаетъ, что ему дѣлать. О, этотъ Дыданъ!..

Браузе вдругъ всталъ передъ сосѣдомъ, безцемеронно взялъ его за плечо и слегка потрясъ.

— Умень ты, а часто самыхъ простыхъ вещей не понимаешь и не знаешь. Столько лѣтъ съ ними возишься, а не попытался поставить на молокосога такіе силки, въ которые люди попадаютъся какъ мухи. На твоемъ мѣстѣ, я бы ужъ давно держалъ Дыдана въ рукахъ.

— Да зачѣмъ онъ мнѣ теперь, когда я ихъ всѣхъ могу отсюда выкурить?—отвѣчалъ Фрейеръ.

Браузе ядовито продолжалъ:

— Ты хвастаешься своей ловкостью, хитростью, а когда Дыданъ надоѣдалъ тебѣ, ты даже не попробовалъ его приласкать.

— Его? Чѣмъ?

— Молодого человѣка, какъ онъ, здѣсь, въ глуши, чѣмъ легче всего прельстить?

— Онъ на женщинъ и не смотритъ!—сказалъ Фрейеръ.

— Конечно, если всѣ такія, какъ та, что приносила намъ кофе, — разсмѣялся Браузе. — Я бы ему привезъ изъ Берлина обученную всякимъ штукамъ и она бы водила его въ поводу.

— Спасибо тебѣ за совѣтъ, только теперь я ужъ не буду бояться Дыдана, — вскричалъ Фрейеръ; а вѣдь парень-то навѣрное попался бы! Да и, дѣйствительно, я могъ бы его поймать, потому что у жены есть племянница, какъ будто на то и созданная, чтобы завлекать мужчинъ, а замужъ готова выйти хоть за поляка, лишь бы только выйти. Но человѣку никогда не придетъ во-время мысль что ему дѣлать.

— Въ особенности, — отвѣчалъ Браузе, — потому-то я и хотѣлъ предупредить тебя заранѣе, чтобы ты собиралъ свѣдѣнія. Проговоривъ это, гость потянулся за шапкой.

— Подожди, сдѣлай милость! — схватилъ его за рукавъ Фрейеръ. — Ты ничего мнѣ не сказалъ, только намекнулъ мелькомъ. Сговоримся, что намъ дѣлать?

— И ты еще не знаешь? — воскликнулъ Браузе. — Переписывай тѣхъ, кто не у насъ, не здѣсь родился, а давно или недавно переселился изъ-за границы. Они умѣютъ поддѣлаться подъ нашу фамилію, а ксендзамъ легко поддѣлать имъ метрики. Помни, что чѣмъ больше мы ихъ уберемъ отсюда, тѣмъ больше останется мѣста для нашихъ колонистовъ.

— Только бы намъ дали земли и денегъ, — проворчалъ Фрейеръ. — Вы получаете вознагражденіе за свой трудъ; это ужъ вѣрно, хотя вы и не сознаетесь. Кто знаетъ? Быть можетъ, вамъ даютъ и не такихъ помощниковъ, какъ я, да вы не хотите подѣлиться...

Браузе покраснѣлъ отъ гнѣва.

— Болтай, болтай такую ерунду, если хочешь, чтобы я обошелъ тебя и оставилъ на мели.

— Я ничего не говорилъ! ничего! — прервалъ испуганный Фрейеръ. — Можно же пошутить среди пріятелей... Вы, милый Браузе, катаетесь, какъ сыръ въ маслѣ, вамъ хорошо, а у меня часто и гроша нѣтъ въ карманѣ. Я служу охотно и вамъ,

и вездѣ, гдѣ того требуютъ интересы Германіи, и ничего за это не получаю!

Гость косо поглядѣлъ на него.

— Вы думаете, что я платный?—вскричалъ онъ.

Фрейеръ не отвѣчалъ. Разговоръ, нарушенный однимъ словомъ, оборвался, и теперь Браузе надѣлъ на голову шапку, поглядывая на выходъ изъ бесѣдки, который замыкалъ собой хозяинъ.

Та дружба, о которой они оба говорили, мгновенно исчезла и уступила мѣсто совершенно противоположному чувству; у Браузе была кислая физіономія, а Фрейеръ, казалось, сердился на самого себя.

— Послушай, Браузе, будемъ говорить откровенно, — говорилъ онъ, — я человѣкъ бѣдный, старый, измученный, а между тѣмъ могу на что-нибудь пригодиться; будь со мной откровененъ. Я буду дѣлать все, что прикажете, но на свой счетъ—это невозможно!..

— Ты думаешь, что тебѣ это не окупится? — сказалъ соседъ.

— Когда все кончится, — прервалъ хозяинъ, — дуракъ былъ бы тотъ, кто платилъ бы за то, что получилъ даромъ и не обѣщалъ заплатить за это.

Браузе боролся съ самимъ собой. На столѣ стояла порд гаузеровка; онъ налилъ себѣ еще рюмку и выпилъ не торопясь.

— Будь здоровъ, — сказалъ онъ, протягивая руку съ воображаемымъ добродушіемъ, — мнѣ нечего тебѣ дать и нечѣмъ съ тобой подѣлиться. Какъ хочешь... Я далъ совѣтъ, что тебѣ дѣлать; пожалуй, еще мнѣ слѣдовало бы за это что-нибудь.

Фрейеръ поднялъ кверху брови и раскрылъ ротъ.

— Тебѣ!—вскричалъ онъ.

— Конечно, — смѣясь, прибавилъ Браузе, — само собой разумѣется, но я ничего не требую за дружескую услугу.

Дольше удерживать его не было возможности, Фрейеръ уступилъ ему дорогу и пошелъ съ нимъ вмѣстѣ къ телѣжкѣ. Они прошли дворъ, ни слова не говоря другъ другу. Браузе долженъ былъ разбудить спящаго кучера.

Ругая въ его лицѣ всѣхъ, — *verfluchte Polaken*, — онъ

вскарабкался на сидѣнье, кивнулъ головой Фрейеру и поѣхалъ домой.

Послѣ отъѣзда Браузе, хозяинъ долго стоялъ погруженный въ мысли, раздумывая о слышанномъ. Ему не хотѣлось вѣрить вполне въ эту великую новость, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ боялся, какъ-бы, отнесся къ этому съ недовѣріемъ, не потерять той прибыли, которую онъ могъ извлечь. Поэтому онъ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, провѣрить, идутъ ли подобные слухи и изъ другого источника. Ближайшее мѣстечко, въ которомъ онъ имѣлъ сношенія съ нѣсколькими чиновниками, находилось въ доброй милѣ разстоянія. Такимъ образомъ, выѣхавъ сейчасъ же, онъ могъ провести тамъ часа два, обойдя нужныхъ людей, и къ ночи вернуться домой. Привыкшая къ его странностямъ прислуга всегда была наготовѣ закладывать лошадей и ѣхать. Фрейеру надо было только переменить верхнюю одежду, такъ какъ онъ не особенно заботился о своей наружности, и черезъ четверть часа онъ сидѣлъ уже въ телѣжкѣ и пара лошадей везла его ускоренной рысцою въ городъ.

По дорогѣ туда онъ не встрѣтилъ никого на пустомъ шоссе, кромѣ каменщика, разбивающаго камни. Вскорѣ показались стѣны стараго костела, два-три каменныхъ дома на рынокѣ, нѣсколько порядочныхъ домиковъ съ садами, почта, такъ называемая ратуша и дома мѣщанъ, напоминающіе своей простотой и запустѣніемъ нашу деревню. Кучеръ обернулся къ нему, не зная, куда ѣхать, и по данному знаку остановился передъ одной изъ лучшихъ гостиницъ, — это была такъ называемая Познанская гостиница, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ въ этомъ же родѣ.

Бильярдъ, единственный во всемъ мѣстечкѣ, привлекалъ сюда въ послѣполуденные часы молодежь, не имѣющую лучшаго занятія. Кобылопольское пиво искусно здѣсь сохранялось и отлично подавалось; оно-то, вмѣстѣ съ бильярдомъ, и составляло притягательную силу этого мѣста сборища нѣмцевъ, соскучившихся отъ пребыванія въ краѣ, который они напрасно называли нѣмецкимъ, потому что не встрѣчали въ немъ своихъ земляковъ.

Бильярдная комната уже издали давала о себѣ знать шумными разговорами. Когда открылась дверь, все моментально

стихло, но появленіе Фрейера сейчас же развязало всѣмъ языки.

Всѣ привыкли встрѣчать его съ безцеремонностью, почти доходящей до пренебреженія. Нѣкоторые потрепали его по плечу, проходя мимо, спросили—откуда онъ ѣдетъ,—и прерванная партія продолжалась съ новымъ жаромъ.

Фрейеръ осмотрѣлъ всѣхъ присутствующихъ. Изъ старшихъ здѣсь никого не было, кромѣ разжирѣвшаго герра Гаспара Плеве, который сидѣлъ съ трубкой надъ кружкой пива, молчалъ, сильно занятый и пивомъ, и трубкой.

Плеве состоялъ на службѣ и занимаемое имъ мѣсто ставило его довольно высоко въ здѣшней іерархіи, но онъ не гордился этимъ и охотно бесѣдовалъ съ каждымъ, лишь бы убить время.

Фрейеръ подсѣлъ къ нему и приказалъ подать себѣ пива. Прошло довольно много времени и ничего не было слышно, кромѣ бильярднаго шума. Плеве раза два оборачивался къ собесѣду, какъ-бы вызывая его на разговоръ, крякнулъ, напоминая о себѣ, и продолжалъ сосать трубку.

— Что у васъ тутъ слышно?—спросилъ, наконецъ, Фрейеръ.—Давно ужъ я здѣсь не бывалъ.

Плеве пустилъ струю дыма.

— У насъ ничего не слышно; а у васъ?—отвѣтилъ онъ — Гмъ?.. Поймали контрабандистовъ, чуть ли не самыхъ главныхъ, на которыхъ уже давно точили зубы. Даніель раненъ, и попалъ въ наши руки. Что всего удивительнѣе, схватили женщину, переодѣтую мужчиной...

Фрейеръ, слышавшій эту исторію еще утромъ, выразилъ свое удивленіе по поводу дерзости этихъ людей.

— Нигдѣ нѣтъ повоія на границѣ,—съ апломбомъ произнесъ Плеве,—да и напрасно было бы его требовать, и у насъ тоже никогда его не будетъ, потому что взаимныя отношенія народонаселенія, живущаго по обѣимъ ея сторонамъ, слишкомъ тѣсны. Преслѣдуемому легко скрыться или быть спрятанномъ. Поэтому, слѣдовало бы имѣть особенно усиленный надзоръ за живущими на границѣ. Говорятъ, что теперь какъ разъ обдумываютъ подобныя средства.

— Наконецъ-то, — вскричалъ прибывшій, довольный, что

разговоръ такъ счастливо завязался.— Для насъ, принужденныхъ жить здѣсь, это будетъ большое благодѣяніе. Но какія же это новыя средства?

Плеве, пуская дымъ, посмотрѣлъ на говорившаго, какъ-бы желая угадать, зналъ-ли уже тотъ о чемъ-нибудь или желалъ выпытать у него.

— Новыя средства,—важно произнесъ онъ,—будутъ, навѣрное, только старыми, но забытыми и требующими обновленія. Ничто не ново подъ луною.

— Говорятъ о какихъ-нибудь? — спрашивалъ Фрейеръ.

— Люди строятъ догадки, какъ и всегда, — проговорилъ старикъ, запивая пивомъ свою фразу.

— Слѣдовало бы прежде всего очистить пограничную линію отъ бродягъ.

— Дѣло въ томъ, какимъ образомъ? Вы вотъ сами живете на границѣ, такъ что отлично понимаете, что когда въ горячее время, въ жатву или въ сѣнокосъ, нуженъ работникъ, и подвертывается дешево пара здоровыхъ рукъ, не станешь спрашивать о паспортѣ.

Фрейеръ кивнулъ головой.

— Надо бы очень энергичныя средства, — продолжалъ Плеве.

— Нынче у насъ нѣтъ недостатка въ энергіи! — Плеве хлебнулъ пива и промолчалъ, потому что избѣгалъ всякаго разговора, всякаго разсужденія о распоряженіяхъ, идущихъ свыше.

— Надо бы рѣшиться выгнать всѣхъ пришлыхъ,—прибавилъ Фрейеръ, пробуя почву.

Но проба удалась не сразу; чиновникъ молчалъ, бильярдные шары пріятно ласкали его слухъ.

Только уже послѣ долгой паузы важный Плеве обратился къ собесѣднику и тихо сказалъ:

— Вы уже слышали?

— Такъ, кое-что, — отвѣчалъ Фрейеръ,—но не понимаю, что такое готовится, и боюсь, какъ бы это заранѣе не отозвалось на насъ.

— Вы должны оказать свое посильное содѣйствіе общему дѣлу,—замѣтилъ Плеве.

— И готовы это сдѣлать, — подтвердилъ Фрейеръ, — но, желая получить кѣкіе-нибудь результаты, надо взяться за дѣло радикально.

Плеве сдѣлалъ собесѣднику знакъ, чтобы тотъ приблизился.

— Вы слышали что-нибудь? — вторично спросилъ онъ.

— Готовится законъ...

— И новая война съ поляками, — прибавилъ Плеве, вздыхая, — когда ужъ и такъ эта постоянная возня у насъ вотъ гдѣ! — онъ указалъ на горло.

— Поляки, — продолжалъ онъ съ самоувѣренностью, на какую давала ему право многолѣтняя опытность, — народъ безпокойный. Если-бы у нихъ даже не было предлога къ войнѣ, то они готовы были бы ее вызвать. По счастью, затѣять кутерьму — это ихъ дѣло, но довести до конца стратегическій планъ — это, скорѣе, наше.

Плеве, довольный своей фразой, не торопясь вытрясъ трубку.

— А какъ вы думаете, — прошепталъ онъ, — много найдется кандидатовъ къ выселенію за границу?

— Ого! кто ихъ тамъ пересчитаетъ? — отвѣтилъ Фрейеръ.

Они еще продолжали разговаривать, когда вошелъ серьезный и грустный Золингеръ. Играющіе взглянули на него, не прерывая игры, а гость медленнымъ шагомъ направился къ освободившемуся мѣсту около Плеве. Онъ отеръ потъ, перевелъ духъ, приказалъ подать пива и довольно холодно поздоровался съ сосѣдями.

У Золингера были совершенно другія понятія, чѣмъ у всѣхъ присутствующихъ здѣсь. Его звали отсталымъ.

Поэтому-то, быть можетъ, Плеве хотѣлось разспросить его, не слышалъ ли онъ чего-либо о тѣхъ мѣрахъ, какія собираются принять для обезпеченія пограничной линіи отъ безпорядковъ и неурядицъ здѣсь господствующихъ.

— Я не знаю ничего ни о самихъ средствахъ, ни о причинахъ, которыя могли ихъ вызвать, — проговорилъ Золингеръ, — потому что я вообще мало знаю.

Старый чиновникъ въ нѣсколькихъ словахъ объяснилъ ему — въ чемъ дѣло.

Золингеръ многозначительно покачалъ своей сѣдой головою

— Я не могу судить объ этомъ,—сказалъ онъ,—но исходя изъ понятія правъ человѣчества и народа, мнѣ кажется, слѣдуетъ поступать очень осторожно и осмотрительно съ этими бѣдными людьми. Тутъ, кромѣ пограничнаго вопроса, есть еще другой—вопросъ національный. Эти двѣ націи находятся между собою въ вѣчной борьбѣ, которую слѣдовало бы скорѣе смягчать и ослаблять, чѣмъ раздражать.

— Извините,—вмѣшался Фрейеръ,—кротость уже пробовали, но она ни къ чему не повела. Нужно какъ можно больше строгости.

Плеве посмотрѣлъ на говорившаго, Золингеръ пожалъ плечами.

— Я не раздѣляю вашего убѣжденія,—отвѣтилъ онъ. Я люблю свою родину Германію, но считаю ее такой великой и сильной, что ей некого и нечего бояться, а, слѣдовательно, и не зачѣмъ прибѣгать къ строгостямъ. Здѣсь же мы имѣемъ дѣло съ народомъ несчастнымъ, благороднымъ, угнетеннымъ, чувства котораго слѣдуетъ уважать и даже прощать его заблужденія.

Фрейеръ начиналъ волноваться.

— Я тоже не раздѣляю вашего мнѣнія,—возразилъ онъ.— Щадя и уважая, мы никогда не будемъ имѣть покоя.

— Я не говорилъ о безнаказанности,—серьезно отвѣчалъ Золингеръ,—но я думаю, что вообще не стоитъ разговаривать объ этомъ, такъ какъ намъ не суждено играть въ этомъ дѣлѣ рѣшающей роли.

— Но мы можемъ быть призваны содѣйствовать правительству,—сказалъ Фрейеръ.

— Тогда мы будемъ послушны,—отвѣчалъ Золингеръ.

Шумъ около бильярда на минуту заглушилъ разговоръ, такъ что пришлось его прервать.

— А вашъ сосѣдъ,—спросилъ Плеве Фрейера,—почтенный старый полякъ, съ которымъ вы такъ давно воюете... живъ и здоровъ?

— Кажется,—улыбаясь отвѣчалъ Фрейеръ,—но я его давно не видалъ.

Золингеръ съ любопытствомъ насторожилъ уши.

— Вы говорите о старикѣ Любаховскомъ? — вмѣшался

онъ.—Я знаю, что вы его не любите и постоянно ведете съ нимъ тяжбы; но, позвольте вамъ сказать откровенно, вина въ этомъ ваша. Я тоже давно знаю Любоховскаго и хорошо его знаю; какъ и многіе изъ его родичей, онъ не имѣетъ никакихъ предубѣжденій ни противъ нѣмцевъ, ни противъ другихъ націй. Человѣкъ онъ честный, справедливый, спокойный...

— Да,—засмѣялся Фрейеръ со злостью, которая овладѣла имъ при этихъ похвалахъ,—да, по вашему я во всемъ виновать, а онъ агнецъ невинный. Вы говорите, что онъ ничего не имѣетъ противъ нѣмцевъ? Спросите-ка, вывѣшивалъ ли онъ когда-нибудь флагъ, справлялъ ли наши народные праздники? Онъ думаетъ только о себѣ и о своихъ...

— Потому что долженъ же онъ защищаться, когда на него со всѣхъ сторонъ нападаютъ, тѣснятъ, хотятъ отнять у него все самое дорогое. Кто родился полякомъ или нѣмцемъ, имѣетъ право остаться имъ до самой смерти.

— Хорошій же вы патриотъ? — вскричалъ Фрейеръ. — Счастье еще, что не всѣ на васъ похожи, а то поляки съѣли бы васъ съ кашей.

Золингеръ сдѣлалъ движеніе головой, но безъ малѣйшаго гнѣва.

— Нужны у насъ, конечно, и такіе, какъ вы, которые подстрекають и разжигаютъ,—проговорилъ онъ,—но не обойдется дѣло и безъ такихъ, какъ я, которые сдерживаютъ. Криками и шумомъ, спорами и войной мы ничего не выгадаемъ, а только возбудимъ къ себѣ ненависть. Почитайте-ка Шиллера и вдумайтесь въ него:—слѣдуетъ любить людей, не глядя на ихъ цвѣтъ.

— Ерунда!—подхватилъ Фрейеръ.—Я знаю только одно, что намъ давно надо бросить эти фантазіи, мечты. Эта ваша политика хороша для барышень и старыхъ ханжей, а не для крѣпкаго сильнаго народа. Пусть только насъ боятся, я не забочусь о томъ, чтобы любили!

Фрейеръ провозглашалъ это съ такимъ жаромъ, что даже нѣсколько бильярдныхъ игроковъ подошли къ столу и слушали его.

— Фрейеръ!—проговорилъ одинъ изъ нихъ,—ты повторяешь то, что другіе писали и говорили; это вещи не новыя. Знаемъ мы это исповѣданіе вѣры, оно уже устарѣло.

— Таково мое убѣжденіе,—подтвердилъ Фрейеръ.

Золингеръ выпилъ пива и равнодушно глядѣлъ на сосѣда.

— У меня такая натура, что я не могъ бы жить съ ненавистью въ сердцѣ, съ гнѣвомъ и желчью, потому что это отравляло бы меня,—проговорилъ онъ, обращаясь къ Плеве.— Мнѣ кажется также, что если бы мы обращались съ поляками мягко, мы усыпили бы ихъ, а такъ мы только раздражаемъ ихъ и поддерживаемъ ихъ ненависть къ намъ. Быть можетъ, они виноваты въ томъ, что слишкомъ намъ надоѣдаютъ, но мы виноваты еще болѣе, потому что они слабы, а мы сильны. Давно бы у насъ все было смирно и княжество Познанское превратилось бы въ нѣмецкое, если бы мы старались расположить ихъ къ себѣ кротостью и мягкостью.

Фрейеръ повелъ плечами.

— Совершенно напротивъ,—отвѣчалъ онъ.— Если бы мы не были черезчуръ добры и не прощали, всѣ бы уже говорили по-нѣмецки и никто не посмѣлъ бы произносить такихъ дерзкихъ рѣчей въ парламентѣ.

Плеве пустилъ дымъ изъ трубки и молча смотрѣлъ на потолокъ, слушая споръ, но не вмѣшиваясь въ него, одинаково хмуясь и когда Фрейеръ объявлялъ войну, и когда Золингеръ проповѣдовалъ миръ.

Наконецъ, онъ дернулъ за полу ближе стоящаго Фрейера и сказалъ ему съ важностью чиновника:

— Довольно! Не слѣдуетъ позволять себѣ вслухъ подобные споры въ публичныхъ мѣстахъ.

Фрейеръ уже былъ раздраженъ, къ тому же ему казалось, что онъ такъ выслужился своимъ патріотизмомъ, что можетъ не слушать чиновника. Золингеръ, какъ другъ Любаховскаго, давно былъ ему ненавистенъ.

— Извините,—вскричалъ онъ, засовывая руки въ карманъ и надуваясь,—я не думаю скрывать своихъ убѣжденій и считаю своею обязанностью разбивать превратныя и вредныя понятія другихъ. Надо сорвать маску съ этихъ сладкихъ патріотовъ.

— Что?—отозвался Золингеръ, поднимая голову.— Въ чей это огородъ вы камушки мечете?

— Въ вашъ, въ вашъ, пріятель поляковъ и пана Люба-

ховскаго! — закричалъ Фрейеръ. — Но ужъ недолго вамъ придется провозглашать эти евангельскія истины. Скоро придется выступить противъ нихъ или вмѣстѣ съ ними убираться вонъ, потому что мы здѣсь дольше терпѣть поляковъ не желаемъ.

Золингеръ, пораженный такимъ открытымъ нападеніемъ, молчалъ съ минуту.

— Герръ Фрейеръ, — проговорилъ онъ, наконецъ, — объясните мнѣ, что это значить? Какъ я вижу, вы собираетесь гнать отсюда тѣхъ, кто здѣсь сидитъ дольше насъ самихъ? По какому же праву? Кто вамъ будетъ помогать?..

— Вѣдь это уже не тайна, — отвѣчалъ Фрейеръ, — что готовится новый законъ, который очиститъ эту нашу землю отъ разныхъ Любаховскихъ и Дыдановъ, и даже и отъ такихъ патриотовъ, какъ вы!

— Ого! ого! — отвѣчалъ Золингеръ. — Неужели это правда?

— Вотъ увидите сами! — все болѣе и болѣе горячился Фрейеръ, видя смѣхъ на лицахъ бильярдныхъ игроковъ и негодованіе на лицѣ Плеве. — Будетъ изданъ законъ, который дастъ намъ въ руки оружіе для избавленія отъ такихъ пришельцевъ, какъ Любаховскій.

— Ну... и какъ Золингеръ тоже? — подхватилъ сосѣдь, укаывая на себя.

— Кто знаетъ? — проворчалъ Фрейеръ. — Отецъ или дѣдъ вашъ притащился сюда изъ прибалтійскихъ провинцій... Мать или бабушка была изъ польскаго семейства. Вы не нашъ.

Золингеръ поблѣднѣлъ.

— Если здѣсь дѣйствительно должно водвориться господство такихъ людей и такихъ идей, какія вы проповѣдуете, такъ ужъ я лучше уйду отсюда съ сумой, чѣмъ оставаться съ вами.

Тщетно старался Плеве удержать ихъ.

— Ужъ я знаю, — вскричалъ Фрейеръ, — что такіе люди, какъ я, сидятъ со своими идеями высоко, а вы...

— Послушайте, Фрейеръ, — перебилъ его Золингеръ, съ трудомъ сдерживаясь, — я не знаю, съ чего вамъ пришло въ голову публично привязаться ко мнѣ и объявить войну. Я могъ вамъ простить это только потому, что вы выпили...

Окружающіе ихъ бильярдные игроки начали апплодировать и вслухъ высказывать свое одобреніе Золингеру, что окончательно привело Фрейера въ бѣшенство.

— Послушай, Золингеръ!—закричалъ онъ,—я тебѣ только одно скажу, что я выгоню твоего пріятеля изъ Любахувки и приложу всѣ свои старанія, чтобы ты сопутствовалъ ему. Намъ тутъ не надо ни поляковъ, ни такихъ нѣмцевъ, какъ ты.

Говоря это, Фрейеръ повернулся, надвинулъ на голову шапку и, засунувъ руки въ карманъ, расталкивая локтями столпившихся вокругъ нихъ гостей, вышелъ, сопровождаемый ихъ смѣхомъ, сѣлъ въ телѣжку и поѣхалъ домой.

Золингеръ сѣлъ, вытирая потъ со лба, и тихо спросилъ Плеве:

— Что это съ нимъ сдѣлалось? Или онъ былъ пьянъ?

— Конечно!—отвѣчалъ старый чиновникъ, спокойно и флегматично вытряхивая трубку.—Столько ужъ лѣтъ вы живете рядомъ и не знаете Фрейера? Поговариваютъ и это уже не тайна, что готовится какой-то новый законъ противъ польскаго населенія этого края, по которому всѣ, не здѣсь родившіеся, хотя бы и давно живущіе, подвергаются выселенію. Фрейеръ прослышалъ про это, надѣется извлечь выгоды, хотя бы для того, чтобы отмстить полякамъ за то, что долго не могъ ничего сдѣлать... Ну, и опьянѣлъ отъ этой новости!

— Какой же новости?—спросилъ Золингеръ, качая головой.—Вѣдь это просто кто-нибудь подшутилъ надъ нимъ. Такого подлага закона у насъ никогда не было, да навѣрно и не будетъ.

Плеве промолчалъ.

— Какъ вы думаете?—обратился къ нему Золингеръ.

Но Плеве былъ очень остороженъ.

— Я ничего не знаю и ни о чемъ не смѣю думать,—сказалъ онъ.—Бываютъ иногда политическія крайности... Покойный Baerensprung всегда говорилъ, что политика на розовой водѣ ничего не стоитъ. Поляки надоѣдаютъ намъ въ своихъ газетахъ, въ парламентѣ возстановили противъ себя всѣхъ своими дерзкими рѣчами.

Золингеръ вздохнулъ.

— Но вѣдь какой-нибудь Фрейеръ не можетъ имѣть никакой силы!

— Надоѣдать сумѣть и самый маленькій, — отвѣчалъ Плевѣ, — но вѣдь это все еще за горами, а я не знаю ничего, ничего не знаю.

Говоря это, Плевѣ всталъ, аккуратно вытеръ свою фарфоровую трубку и, положивъ ее за пазуху сюртука, расплатился за пиво, поклонился всѣмъ и величественными шагами вышелъ изъ бильярдной залы.

Золингеръ долго еще сидѣлъ неподвижно, словно прикованный, вздыхалъ и раздумывалъ, совершенно забывая, гдѣ онъ, когда къ нему подошелъ отъ бильярда молоденькій, только-что сюда присланный чиновникъ прямо съ университетской скамьи. Румяное лицо его носило еще слѣды буршевскихъ дуелей, которыя оставили на немъ почетные шрамы, но буршевская шапочка и лента цвѣтовъ корпораціи пошли уже на стѣну вмѣстѣ съ рапирой, маской и остальными атрибутами.

Это былъ знакомый Золингера Елеазаръ Бауръ, человѣкъ новѣйшей формациі, воспитанный на послѣднемъ словѣ науки, поборникъ всего новаго, прогресса и самаго крайняго матеріализма. Не имѣя возможности здѣсь, въ маленькомъ городкѣ, удовлетворить свою жажду къ разсужденіямъ и спорамъ, онъ все нападалъ на Золингера, хотя тотъ не могъ равняться съ нимъ ни образованіемъ, ни живостью ума.

Онъ безцеремонно ударилъ его по плечу.

— А что, достопочтенный Золингеръ, — заговорилъ онъ, — вы поспорили съ этимъ контрабандистомъ Фрейеромъ. Изъ за чего же все вышло?

Старикъ поднялъ голову и привѣтствовалъ Баура пріятной улыбкой.

— Мы никогда не соглашаемся съ Фрейеромъ, — медленно проговорилъ онъ. — Не онъ виноватъ, что природа наградила его такимъ темпераментомъ, какъ у хищныхъ животныхъ. Ему нужна постоянная война, а мнѣ покой. Представьте себѣ, — продолжалъ онъ, — Фрейеръ неизвѣстно откуда выдумалъ, что готовится новый законъ, который выселитъ отсюда давно поселившееся польское населеніе, чтобы очистить мѣсто нѣмцкимъ колонистамъ. Я нахожу такой законъ невозможнымъ, по его жестокости и безжалостности.

Молодой чиновникъ улыбнулся.

— Милый Золингеръ, законъ не нуждается въ томъ, чтобы его подслащивали, его диктуютъ разные политическіе виды.

— Это было бы несправедливо, — твердилъ Золингеръ.

— Бываютъ исключительныя обстоятельства, когда величайшая несправедливость справедлива, — продолжалъ молодой человѣкъ, — вы все мѣрите ученіями Евангелія и Христа, а онѣ — уже утратили свою силу...

— Не для меня, потому что я ихъ признаю, — отвѣчалъ Золингеръ, — и для меня онѣ служатъ критеріемъ каждаго закона. Я не понимаю нравственности частной, раздѣльно отъ общественной. Что истина для отдѣльнаго человѣка, то должно быть такой же истиной для всего народа, для всего государства. Если она не встрѣчаетъ должнаго уваженія въ высшихъ сферахъ, то что же удивительнаго, если она будетъ въ забросѣ и пренебреженіи въ низшихъ?

Бауръ продолжалъ стоять, медленно закуривая сигару.

— Вы, Золингеръ, стоите на рубежѣ, который наука давно уже переступила. Государство имѣетъ право сдѣлать въ свою защиту все, чего требуютъ обстоятельства. Можно жертвовать людьми, идеями, допустить насиліе въ защиту государства.

— Итакъ, все возможно? — подхватилъ Золингеръ.

Бауръ молча подтвердилъ это.

— Какъ честный человѣкъ, — прибавилъ онъ черезъ минуту, — я буду сожалѣть эти жертвы политики, но, какъ человѣкъ служащій, я долженъ не имѣть жалости ни къ кому, подобно тому, какъ не имѣетъ жалости хирургъ, отрѣзая ногу раненому.

— Сравненіе неудачное, — отвѣчалъ Золингеръ. — Позвольте уже мнѣ остаться при своей старой нравственности и вѣрить въ то, что зло — всегда зло и никогда не остается безнаказаннымъ.

— Если бы я даже и желалъ разубѣждать васъ, — сказалъ Бауръ, послѣ минутнаго молчанія, — то все равно не буду въ состояніи это сдѣлать. Мы слишкомъ далеко стоимъ другъ отъ друга и никогда не можемъ сойтись въ убѣжденіяхъ...

Золингеръ всталъ и вдругъ спросилъ Баура:

— Кто же у васъ выигралъ на бильярдѣ?

Они подали другъ другу руки и разошлись въ разныя стороны.

Домъ Треубернеровъ въ Берлинѣ вполне соответствовалъ тому видному положенію, какое занималъ Робертъ. Онъ принужденъ былъ держать его на извѣстную ногу, имѣть экипажи и красивыхъ лошадей, принимать въ опредѣленные дни нѣкоторыхъ чиновниковъ, одѣвать жену, потому что все это такъ ужъ было предписано свыше и личная инициатива не имѣла никакого значенія. Марія также была обучена мужемъ, какъ она должна держать себя въ обществѣ, кого принимать и гдѣ показываться. Болѣе скромное мѣсто предоставило бы ему гораздо болѣе личной свободы. Его же положеніе, при которомъ онъ долженъ былъ принимать пословъ и иностранныхъ дипломатовъ, было чистой неволей: на него обращались взоры всѣхъ, каждый шагъ его объясняли. Такимъ образомъ, все здѣсь было рассчитано.

Какъ самъ онъ приносилъ свои обязанности отца семейства, мужа и сына въ жертву службѣ, такъ требовалъ, въ свою очередь, чтобы и жена его слѣпо исполняла всѣ его приказанія. Марынка сначала отбивалась отъ мужа, пробовала ему противиться, но встрѣчала въ немъ желѣзную волю, обусловленную служебной неволей. Отъ этой службы зависѣла вѣдь его судьба, вся будущность дѣтей—нужно же ей было покориться. Результатомъ этого было то, что жизнь утратила всю свою прелесть и превратилась въ сплошную службу.

— Задачи наши велики,—сознался ей наконецъ мужъ,—мы создаемъ новую страну; то, чего не сдѣлаютъ десять вѣковъ — сліянія единоплеменныхъ народовъ, соединенія ихъ одними законами, одними браздами правленія, превращенія въ одно государство,—то собираемся исполнить мы. Самый холодный человѣкъ оживился-бы при такомъ дѣлѣ и пожертвовалъ собой, какъ я...

Марынка не понимала его словъ и молчала; она знала только, что должна быть послушной мужу. Тоска и любовь

влекли ее въ другую сторону. Она старалась удержать дѣтей, но и тѣ черезъ нѣсколько лѣтъ начали скользить у нея изъ рукъ. Одинъ изъ двухъ сыновей, изъ особенной любви къ ней, началъ тайкомъ, съ большою осторожностью, учиться по польски и съ дѣтскимъ любопытствомъ разспрашивать мать, таскать у нея книги, совершенствоваться въ запрещенномъ языкѣ. Какъ старшій Юліанъ былъ большимъ любимцемъ отца, такъ этотъ сталъ любимцемъ матери.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ свадьбы любовь Роберта совершенно остыла и ихъ связывала только общность интересовъ и привязанность къ дѣтямъ.

Утомленная, скучающая, почти покинутая мужемъ, у котораго не хватало времени даже для службы, Марынка находила извѣстнаго рода развлеченіе въ жизни большого свѣта. Литературный и артистическій свѣтъ, занимающіеся спортомъ и политикой, всѣ охотно шли къ нимъ, составляя изъ себя дворъ красавицы-хозяйки. Мужъ пользовался всѣмъ этимъ самымъ разнообразнымъ способомъ, а она и не догадывалась даже, что часто невольно служила весьма важнымъ интересамъ.

Въ минуту, когда готовился новый законъ, Робертъ былъ выбранъ въ комиссію, которая должна была обсудить возможность его примѣненія и послѣдствія.

Ему не было никакого дѣла, что законъ этотъ касался того народа, къ которому принадлежала его жена, такъ какъ не питалъ къ ней ни малѣйшаго сочувствія; только уже потомъ онъ спохватился, что законъ можетъ задѣть его тестя, а, слѣдовательно, косвенно и жену... Однако, онъ ничего не сказалъ ей. Она откуда-то стороной узнала о готовящемся законѣ, и, сильно этимъ встревоженная, отпросилась повидаться съ отцомъ. Подобныя путешествія были такъ рѣдки, что мужъ не могъ ей отказать. Онъ попробовалъ разспросить Марынку, не слышала-ли она чего, но она не выдала себя и уѣхала. Затянувшійся визитъ ея къ отцу сильно его обезпокоилъ, такъ что, наконецъ, онъ написалъ къ ней, требуя немедленнаго возвращенія. Сначала отговаривалась болѣзнью, потомъ Марынка пріѣхала. Такъ какъ уже сильно распространился слухъ о новомъ законѣ, то Робертъ догадался, что она уже знаетъ обо всемъ...

Она не пожаловалась ему ни однимъ словомъ. Зная, что все это ее сильно занимаетъ, Робертъ испугался этого молчанія, но самъ со своей стороны продолжалъ нѣкоторое время хранить молчаніе.

Когда открылось засѣданіе парламента, онъ въ одинъ прекрасный день увидѣлъ въ публикѣ жену, и вернувшись домой выразилъ ей свое удивленіе, что такія неинтересныя засѣданія парламента интересовали ее.

— Извини,—отвѣчала она ему съ небывалой до тѣхъ поръ откровенностью,—я не надобѣаю тебѣ своей польщизной, но я не забыла родины, не охладѣла къ ней. Дѣло идетъ о судьбѣ тысячи нашихъ семействъ.

Чиновникъ сильно поморщился.

— Наши семьи!—повторилъ онъ съ сарказмомъ.—Я тутъ ничего нашего не вижу. Выходя за меня, ты должна была отречься отъ всего не-нѣмецкаго.

— Ты не можешь обвинить меня, чтобы я дѣйствовала противъ твоихъ интересовъ,—гордо прервала она,—но позволю же мнѣ хоть поплакать надъ горькой участью людей, съ которыми меня соединяетъ общность происхожденія.

— Ты религіозна,—горячо заговорилъ Робертъ,—позволю же напомнить тебѣ, что Св. Писаніе приказываетъ женѣ идти за мужемъ и отречься отъ отца съ матерью.

— Кажется, я уже сдѣлала достаточно въ угоду этому приказанію,—холодно, отвѣчала Марынка, собираясь уйти. Мужъ удержалъ ее.

— Если этотъ новый законъ производитъ на тебя такое впечатлѣніе, что ты готова обнаружить свою симпатію къ полякамъ, такъ не лучше-ли было-бы намъ совершить теперь путешествіе въ Италію, котораго ты такъ желала?

— Благодарю тебя; я не желаю путешествовать; останусь дома.

— Еще одно слово,—проговорилъ мужъ,—и одна просьба. Несомнѣнно, что поляки, которые будутъ прибѣгать ко всевозможнымъ средствамъ для своей защиты, обратятся къ тебѣ. Я долженъ заранѣе предупредить тебя, что напрасно было-бы обращаться ко мнѣ съ чѣмъ-бы то ни было подобнымъ, касающимся новаго закона и его исполненія... Даже если бы дѣло

шло о твоёмъ родномъ отцѣ, — я не шевельну пальцемъ...

Марынка обратила къ нему свое пылающее лицо.

— Я убѣждена была въ томъ, что ничего-бы не добилась отъ тебя просьбами, — произнесла она, — дя я и не подумала-бы просить; но если это преслѣдованіе коснется моего отца, я раздѣлю съ нимъ его участь.

Робертъ стоялъ молча; она вышла, даже не взглянувъ на него.

Въ теченіе супружеской жизни, Робертъ, повидимому, совершенно обезопасилъ себя съ той стороны, что не встрѣтитъ въ женѣ ни малѣйшаго сопротивленія; ему казалось, что борьба съ нею благополучно окончена. Новый законъ сначала нисколько не тревожилъ его; онъ не допускалъ мысли, чтобы онъ отозвался на немъ самомъ. Только случай навелъ его на мысль, что и тестъ его переселенецъ изъ царства Польскаго и, такимъ образомъ, тоже подлежитъ новому закону, который готовится быть примѣненнымъ съ неумолимою строгостью.

Въ поданныхъ ему бумагахъ онъ нашелъ это имя на проскрипціонномъ листѣ. Казалось, люди, помѣстившіе его въ списокъ, предвидѣли, что его, быть можетъ, придется вычеркнуть, такъ какъ тутъ же приводили замѣчанія и резоны, по которымъ Любаховскій могъ остаться нетронутымъ.

Но именно потому, что Любаховскій былъ его тестемъ, что снисхожденіе уже было слишкомъ ясно, Робертъ рѣшилъ не вмѣшиваться въ это и предоставить закону свободное поле дѣятельности со всѣми его послѣдствіями.

Предупрежденіе жены, что она раздѣлитъ участь отца, знаніе ея характера, сильно его встревожили. Онъ не зналъ, что дѣлать.

Послѣдствія представлялись грозными. Хуже всего была огласка, скандалъ, паденіе дома, который онъ принужденъ былъ бы закрыть, и тѣнь, какую бросило бы на него все это происшествіе, которое заставило бы заподозрѣть какія-то таинственные причины, долго скрываемыя.

Робертъ Треубернеръ не принадлежалъ къ числу людей подающихъ фатализмъ. Ему казалось, что онъ сумѣетъ все это измѣнить, когда дѣло дойдетъ до обнародованія того, что до сихъ поръ было тайной для жены и ея отца.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней они почти не разговаривали. Марынка ходила взволнованная, встревоженная, но съ большимъ запасомъ энергіи.

Однажды вечеромъ, послѣ ухода гостей, мужъ, уходя къ себѣ въ кабинетъ, остановилъ ее, подъ предлогомъ пожелать спокойной ночи.

— Милая Marie, — мягко проговорилъ онъ, — ты заставила меня призадуматься надъ нашимъ послѣднимъ разговоромъ. Мнѣ бы хотѣлось знать, что это только угроза или дѣйствительно твердое рѣшеніе заплатить мнѣ за нѣсколько лѣтъ счастливой жизни — скандаломъ?..

Жена взглянула ему въ глаза съ такимъ выраженіемъ отчаянной энергіи, что Робертъ невольно отступилъ.

— Почему ты предлагаешь мнѣ этотъ вопросъ? — спросила она. — Уже рѣшена участь моего отца?

— Я ничего не знаю объ этомъ, — отвѣчалъ Робертъ, — но я только замѣчаю тебѣ, что ты убьешь все наше прошлое, если сдѣлаешь то, что грозила сдѣлать, что судьбу твоихъ дѣтей... ихъ будущее ты приносишь въ жертву мести, на которую тебя могли подстрекнуть развѣ только злые люди, ваши бунтовщики, однимъ словомъ — вся эта полякерія.

— Я никого не вижу и ни съ кѣмъ не говорю, а слушаюсь только своего сердца и совѣсти, — вскричала Марынка. — Еще ничего нѣтъ покуда, отъ отца я не получала никакихъ извѣстій, такъ чего же ты беспокоишься?..

— Помни о дѣтяхъ! — прибавилъ Робертъ, какъ бы собираясь уходить.

— Дѣти? — повторила она, — да развѣ это мои дѣти? Я знаю только твоихъ сыновей, въ нихъ нѣтъ ничего моего.

Говоря это, она вышла, оставивъ его одного. Странно звучали эти слова въ ушахъ Треубернера. Онъ чувствовалъ, что она права, ему было ее жалко, прежняя любовь просыпалась въ сердцѣ, онъ колебался.

Строгій и неумолимый чиновникъ въ первый разъ почувствовалъ въ себѣ человѣка. Невѣрными шагами направился онъ въ канцелярію, гдѣ хотѣлъ отдохнуть и подумать; но на порогѣ онъ увидѣлъ чиновника съ знакомымъ ему зеленымъ портфелемъ, заключавшимъ всѣ свѣдѣнія по интересовавшему его дѣлу.

Онъ боялся взгляда посторонняго человѣка, боясь, что тотъ можетъ прочесть что-либо у него на лицѣ.

Подумавъ минуту, онъ велѣлъ положить портфель въ сторону, на бюро, говоря, что у него теперь есть болѣе спѣшная работа.

Усѣвшись въ кресло, онъ долго оставался неподвиженъ, не смѣлъ дотронуться до бумагъ. Потъ выступилъ на чело, грудь тяжело дышала.

Наконецъ, онъ торопливо схватилъ портфель, вскрылъ и началъ рыться. Любахувѣ былъ посвященъ цѣлый отдѣльный листъ. Это Фрейеръ и Браузе доставляли матеріалъ. Начиная со старика Любаховскаго, всѣ, поселившіеся здѣсь, подлежатъ проскрипціи. Онъ самъ, эконома, Дыдасъ, Худзбой, а главное—жена его, признаны были не только подлежащими выселенію, но и вообще какъ личности опасныя, для которыхъ, пожалуй, надо издавать новый законъ, который помогъ бы отъ нихъ отдѣлаться.

Робертъ нѣсколько разъ прочиталъ этотъ листъ, желая хорошенько укрѣпить его содержаніе въ своей памяти, и положилъ обратно.

Пока все это происходило въ кабинетѣ главы семейства, жена его ходила по своей комнатѣ и, останавливаясь передъ зеркаломъ, сама находила, что ея лицо могло бы послужить моделью приговореннаго къ смерти, ожидающаго чтенія приговора.

Какъ разъ въ этотъ день Юліанъ получилъ позволеніе прійти изъ школы домой къ родителямъ. Ему сказали, что отецъ занятъ, и онъ постучался къ матери.

Юліанъ былъ такимъ красивымъ мужчиной, какихъ даютъ только скрещивающіяся племена. Изъ обоихъ родовъ, къ которымъ онъ принадлежалъ кровью, онъ взялъ то, что было въ каждомъ изъ нихъ благороднаго; нѣмецкая кровь дала ему силу, а польская—красоту и привлекательность, которыя смягчали ее. Увидѣвъ его, мать бросилась обнимать и въ радости осыпала его поцѣлуями.

— Какимъ же это чудомъ?—спросила она.

— Я получилъ маленький отпускъ,—засмѣялся Юліанъ,—такъ какъ отецъ, желая видѣться со мной, самъ выхлопоталъ этотъ отпускъ.

— Ты видѣлъ его?—подхватила мать.

— Нѣтъ, онъ занятъ,—отвѣчалъ Юліанъ.

Вдругъ ей пришло въ голову, что сынъ этотъ можетъ превратиться въ оружіе противъ нея. Она вся задрожала.

Юліанъ остановился, чувствуя, что сталкивается здѣсь съ чѣмъ-то неожиданнымъ и важнымъ. Любопытство его было сильно возбуждено.

Марія схватила его за руку.

— Читаешь ты газеты? Знаешь, что дѣлается на свѣтѣ?

— Газетъ намъ не даютъ,—отвѣчалъ Юліанъ, всматриваясь въ измѣнившееся лицо матери.—Да онѣ меня не очень-то и интересуютъ... Газеты врутъ.

— Такъ что ты ничего не слыхалъ о новомъ законѣ противъ поляковъ?—спросила мать.

— Какое мнѣ до нихъ дѣло?—равнодушно замѣтилъ Юліанъ.

— Твоя мать полька.

— Была,—поправилъ Юліанъ съ улыбкой.

— Твой дѣдъ—отецъ ея, какъ полякъ, долженъ подвергнуться изгнанію.

— Должно быть, поляки въ чемъ-нибудь провинились противъ насъ,—сказалъ Юліанъ.

Послѣ этого короткаго разговора мать почувствовала себя такъ далеко отъ сына, что уста ея замкнулись. Юліанъ стоялъ передъ нею, не обнаруживая ни малѣйшаго волненія.

Напрасно онъ ожидалъ продолженія разговора—она отошла, какъ-бы разсерженная. Юношѣ сдѣлалось неловко, онъ не посмѣлъ возобновить разговора.

— Отецъ, навѣрное, ждетъ тебя,—проговорила она послѣ многозначительнаго молчанія.—Я не хочу, чтобы онъ подумалъ, что я тебя отнимаю у него.

Юліанъ колебался, оглядывался; но потомъ, привыкши безпрекословно исполнять приказанія, вышелъ, не противясь желанію матери.

Черезъ какой-нибудь часъ его позвали изъ сада, гдѣ онъ свободно курилъ сигару, въ кабинетъ къ отцу. Онъ засталъ отца надъ бумагами, блѣднаго и грустнаго.

Разспросивъ объ ученіи, объ отпускѣ, о здоровьи, Робертъ всталъ.

— Ты былъ у матери?—спросилъ онъ.

— Былъ; она велѣла мнѣ явиться къ вамъ.

— Говорилъ ты съ ней?

— Нѣсколько словъ. Она упоминала о какомъ-то законѣ. Онъ взглянулъ на отца, который стоялъ противъ него.

— Я этого совсѣмъ не понимаю, — прибавилъ молодой Треубернеръ.

— Къ несчастію,—замѣтилъ Робертъ,—твоя мать и ея отецъ —польскаго происхожденія.

— Но не я!—равнодушно засмѣялся Юліанъ.

— Мать твоя предчувствуетъ, что законъ этотъ коснется ея отца,—продолжалъ Робертъ.—Старайтесь утѣшать ее.

Юліанъ, для котораго все это дѣйствительно было непонятно, слегка повелъ плечами. Онъ не придавалъ всему этому большого значенія. Его гораздо болѣе интересовало порученіе осмотрѣть франконскихъ лошадей, которыхъ покупалъ отецъ, и полученный имъ билетъ въ королевскій театръ. Онъ сейчасъ же пошелъ къ лошадямъ.

Между тѣмъ въ комнатѣ Маріи младшій сынъ Гриша, ея любимецъ, сидѣлъ у стола, куда ему подали его любимыя кушанья.

У Гриши все лицо улыбалось отъ удовольствія. Менѣе красивый, чѣмъ братъ, слишкомъ толстый для своихъ лѣтъ, Гриша имѣлъ въ лицѣ выраженіе добродушія и какъ-бы поэтической мечты. Съ большимъ трудомъ, шепотомъ, оглядываясь, говорилъ онъ съ матерью ломанымъ польскимъ языкомъ.

Мать приготовляла его къ разлукѣ съ ней. Гриша становился все грустнѣе,—опершись на локти, вытиралъ глаза.

— Ты не сдѣлаешь этого,—проговорилъ онъ,—и, наконецъ, я не могъ бы жить безъ тебя, мама! Отецъ не можетъ быть такъ жестокъ! У него доброе сердце!

Мать молчала.

— Хочешь, я брошусь ему въ ноги и буду просить за дѣда?

— Это ни къ чему бы не повело,—холодно отвѣчала она.

У мальчика слезы потекли изъ глазъ, онъ положилъ голову на руки и зарыдалъ. Оба плакали.

Между тѣмъ Гришу искали по всему дому, чтобы позвать къ отцу, который съ нетерпѣніемъ его ждалъ. Робертъ очень

хорошо зналъ, что младшій сынъ любимецъ матери, но не думалъ, чтобы эта материнская любовь могла повліять даже на національное чувство ребенка.

Когда Гриша вошелъ съ заплаканными глазами, Робертъ, который видѣлъ въ этомъ уговариваніе матери и приготовленіе къ сопротивленію, принялъ строгій видъ, принимая его.

— Ты возвращаешься отъ матери, какъ я вижу, — закричалъ онъ издали. — Въ твоёмъ возрастѣ быть склоннымъ къ слезамъ...

Мальчикъ имѣлъ время собрать всю свою рѣшимость.

— Я видѣлъ плачущую мать, — проговорилъ онъ.

— Что же это случилось съ матерью?

— Она боится за нашего дѣда, — сказалъ Гриша, — и я прихожу теперь просить за него.

— Не знаю, чѣмъ я могу ему быть полезенъ, — сухо произнесъ Робертъ, — а тебѣ совѣтую не вмѣшиваться въ дѣла старшихъ.

Мальчикъ промолчалъ. Онъ выпрямился, какъ передъ военнымъ начальникомъ, отъ котораго ждетъ приказанія.

— Отецъ твоей матери — полякъ, мы — нѣмцы. Дѣло его ко мнѣ не относится.

Не получивъ отвѣта на это наставленіе, Робертъ поглядѣлъ на сына.

— Мать твоя, кажется, грозитъ, что пойдетъ за отцомъ, если его выселятъ. Она не имѣетъ на это права.

Робертъ ждалъ съ минуту, ожидая повидимому, что сынъ будетъ ему возражать. Гриша хранилъ молчаніе.

— Вы должны оба утѣшить мать и не допустить до того, чтобы она причинила мнѣ такое огорченіе. Я знаю, что Юліанъ будетъ настолько уменъ, а ты?

Гриша не заставилъ долго ждать своего отвѣта.

— Я пойду за матерью, — коротко отвѣчалъ онъ.

Треубернеръ поблѣднѣлъ. Рука, въ которой онъ держалъ бумагу, задрожала, брови сдвинулись. Онъ указалъ сыну на дверь и отвернулся отъ него. Гриша вышелъ.

Марія плакала въ своей комнатѣ, когда онъ вернулся къ ней, подбѣжалъ и началъ цѣловать её, крича:

— Я сказалъ отцу... пойду за тобой...

Мать обняла его и крѣпко прижала къ сердцу.

— Нѣтъ, дорогой мой,—проговорила она сквозь слезы,—я пойду одна. Я не хочу, чтобы ты бросилъ отца, который никогда тебѣ не простилъ бы этого. Но помни, помни всю свою жизнь, что у тебя была мать полька, несчастная, которая...

Она не докончила. На крикъ, вырвавшійся изъ ея устъ, прибѣжала служанка и ее начала приводить въ чувство.

Гриша все время цѣловалъ ей руки, повторяя, что онъ такъ и умереть съ этой любовью къ ней и къ странѣ, дочерью которой она была.

Наконецъ, слезы прекратились, мать сама измѣнила разговоръ съ Гришей, отстраняя мрачное воспоминаніе о томъ, что имъ угрожало. Она стала спрашивать его объ ученіи, о товарищахъ, объ успѣхахъ. Въ это время вошелъ Юліанъ, посланный отцемъ.

Братья, которые были въ разныхъ заведеніяхъ и видались рѣдко, встрѣтились, тѣмъ не менѣе, холодно. Давно уже продолжалось между ними какое-то несогласіе. Юліанъ завидовалъ младшему въ любви къ нему матери, въ способностяхъ, хотя у него самого не было въ нихъ недостатка, наконецъ въ выбранномъ имъ поприщѣ, которое казалось ему и легче, и привлекательнѣе.

Марія каждый разъ, когда видѣла ихъ, старалась сблизить ихъ другъ съ другомъ, чтобы они узнали другъ друга и полюбили. И теперь до начала спектакля она оставила ихъ однихъ.

Юліанъ первый съ важностью старшаго спросилъ Гришу объ ученіи, объ экзаменахъ.

— Все у меня идетъ недурно,—отвѣчалъ Гриша съ нѣкоторой гордостью.—Я буду однимъ изъ первыхъ. А ты?

— Кажется, и я буду не изъ послѣднихъ,—пренебрежительно отвѣчалъ Юліанъ.—Я былъ послушенъ отцу, избирая военное поприще, потому что онъ видитъ въ этомъ самое вѣрное средство выдѣлиться и выслужиться, но я не люблю его. Я чувствую больше влеченія къ праву.

— Я доволенъ своимъ инженерствомъ,—прервалъ Гриша.

— Мать говорила тебѣ о непріятномъ недоразумѣніи у нихъ съ отцемъ изъ-за нашего дѣда?—замѣтилъ Юліанъ.

— Я узналъ отъ нея о грустномъ новомъ законѣ,—отвѣ-

чалъ Гриша, — но я не могу съ нимъ примириться. Какъ это можетъ быть, чтобы вдругъ начали преслѣдовать невинныхъ людей?

— Мы не можемъ объ этомъ судить — проговорилъ Юліанъ. — Мать плачетъ, но отецъ знаетъ, что ему дѣлать, и мы должны ему быть послушны.

— Могу же я имѣть свой умъ и свое сердце? — вскричалъ Гриша. — И то и другое говорить за дѣда и за мать. Старый дѣдъ ни въ чемъ не провинился... Мать не можетъ покинуть его, а я матери.

Юліанъ, расхаживавшій по комнатѣ, остановился и посмотрѣлъ на брата съ ироніей.

— Вотъ такъ философъ! — вскричалъ онъ. — Отецъ мнѣ ближе, чѣмъ дѣдъ. Мы — нѣмцы; нашъ патріотизмъ заставляетъ насъ идти противъ поляковъ, хотя бы даже и противъ дѣда, если онъ къ нимъ принадлежитъ.

— И противъ родной матери? — прибавилъ Гриша.

— Ты, кажется, думаешь учить меня? — гнѣвно вырвалось у Юліана.

— Я только спрашиваю, — спокойно сказалъ Гриша. — Я вижу мать въ слезахъ.

— И мнѣ ее жалко, — началъ Юліанъ, — но отецъ одинъ имѣетъ право приказывать.

— Я не отказываю ему въ этомъ правѣ, — съ энергіей возразилъ Гриша, — но когда дѣло идетъ о матери, хотя бы и противъ него, я стану на ея сторонѣ. Я знаю, что ты, Юліанъ, совершенно отрекся отъ своего польскаго происхожденія и не чувствуешь ни привязанности, ни уваженія къ народу, къ которому отчасти принадлежишь и самъ; я настолько же чувствую себя полякомъ, насколько и нѣмцемъ, а кто слабъ и въ угнетеніи, тотъ, по моему, заслуживаетъ сочувствія.

— Это отлично, — сказалъ Юлій, — только все это, съ позволенія сказать, бабьи сентименты, а я настолько же чувствую себя мужчиной, насколько и нѣмцемъ.

Гриша смѣрилъ его взоромъ съ ногъ до головы и, посмотрѣвъ на часы, проговорилъ:

— Не пора ли въ театръ?

Юліанъ, почти оскорбленный такимъ отвѣтомъ, сказалъ презрительно:

— Что же это, ты даже не желаешь со мной разговаривать?

— Потому что ни малѣйшаго желанія не имѣю ссориться, — возразилъ Гриша. — Убѣдить тебя мнѣ все равно не удастся, зачѣмъ же я буду нарываться на непріятности? Я никогда не имѣлъ счастья заслужить твою любовь, но во всякомъ случаѣ я не желаю и ненависти.

Юліанъ качалъ головой изъ стороны въ сторону.

— Философъ! философъ! — вскричалъ онъ, — и, вдобавокъ, сентиментальный. Хотя ты и моложе, но я охотно послушался бы твоего совѣта, какъ мнѣ поступить. Идти ли за отцемъ или за матерью — если они разсорятся?

— Идти за сердцемъ, — отвѣчалъ Гриша. — Упадемъ къ ногамъ отца и попросимъ его, чтобы онъ не терзалъ такъ мать и защитилъ дѣда. Я думаю, что это наши обязанности.

— А я такъ думаю, что это былъ-бы опрометчивый и невѣрный шагъ съ нашей стороны. Какое мнѣ дѣло до дѣда поляка?

— Мать! мать! — горячо подхватилъ Гриша.

— Мать женщина, — сказалъ Юліанъ, — отецъ знаетъ, что дѣлаетъ. Отъ этого можетъ зависѣть наша будущность, его, всей семьи. Принести дѣду въ жертву все — мѣсто, свое значеніе, имущество — отецъ не можетъ.

— Отецъ сдѣлаетъ, какъ захочетъ, — сказалъ Гриша, — я же съ своей стороны сдѣлаю то, что приказываетъ совѣсть.

— Ты думаешь, что отецъ тебѣ это проститъ, что не будетъ стараться удержатъ? Нѣтъ... если пойдешь за матерью, то пропадешь. Ты говоришь, что я никогда не чувствовалъ къ тебѣ любви, а, однако, я даю тебѣ совѣтъ отъ всего сердца, по братски.

— Благодарю, — кротко отвѣчалъ Гриша.

Въ эту минуту вошелъ слуга и напомнилъ имъ, что пора въ театръ. Юліанъ бросился къ своей шпакѣ, каскѣ и перчаткамъ, чтобы явиться въ полной формѣ. Гриша медленно надѣлъ шинель и, ни слова не говоря, приготовился къ выходу.

Такъ окончился этотъ первый въ жизни болѣе серьезный разговоръ между братьями, первая проба ихъ взаимныхъ отношеній.

Юліанъ не могъ устоять противъ чувства уваженія къ брату, выступающему въ защиту матери, но вмѣстѣ съ тѣмъ сожалѣлъ его и гордился тѣмъ, что шелъ за отцемъ, умъ котораго казался ему въ этомъ дѣлѣ единственнымъ судьей.

— Мать поплачетъ, — говорилъ онъ самому себѣ, — но не посмѣетъ противиться. Не бросить же она дома, не захочетъ вызвать такой скандалъ? Этого не можетъ быть! Гриша напрасно только навлечетъ неудовольствіе отца.

Съ другой стороны, младшій обвинялъ Юліана.

— Бунтъ противъ отца поднимать ей не зачѣмъ, — сказалъ онъ мысленно, садясь вмѣстѣ съ братомъ на извозчика, который долженъ былъ везти ихъ въ театръ, — а отказать ей заступиться за дѣда, это не хорошо.

Всю дорогу они оба молчали, но умы ихъ работали и встрѣча эта, вмѣсто того, чтобы сблизить ихъ, еще болѣе отдалила.

— Юліанъ имѣетъ уже всѣ качества и недостатки солдата, — подумалъ Гриша, — послушаніе для него все, а чувство — ничто. Пускай же идетъ себѣ съ Богомъ за отцомъ, а я пойду за матерью.

Послѣ отъѣзда сыновей, ни Робертъ, ни жена его не захотѣли видѣть другъ друга и не сошлись къ чаю. Она приказала подать себѣ чай въ свою комнату, а онъ принималъ нѣсколькихъ гостей.

Среди нихъ были и такіе, которымъ хотѣлось разузнать что-нибудь у такого важнаго администратора. Треубернеръ отдѣлялся отъ нихъ, не допуская никакихъ разговоровъ по этому предмету.

На другой день сыновья пришли вмѣстѣ проститься съ отцемъ, но этотъ, выйдя къ нимъ, не проговорилъ уже ни слова о томъ, зачѣмъ позвалъ ихъ къ себѣ. Гришѣ строго приказалъ готовиться къ экзаменамъ, Юліану напомнилъ, чтобы онъ не дѣлалъ долговъ и не завязывалъ дорого стоящей дружбы съ легкомысленной богатой молодежью.

Получивъ такія напутствія на дорогу, они пошли къ матери, но у этой на прощанье были только слезы и благословеніе для обоихъ. Она даже горячѣе обнимала Юліана, быть можетъ, оттого, что менѣе надѣялась прижать его еще разъ къ своему материнскому сердцу.

Никогда еще въ этой довольно глухой мѣстности, изрѣдка только оживлявшейся какой-нибудь катастрофой, вызванной контрабандой, — никогда еще не господствовало такого оживленія, такой дѣятельности, какъ теперь.

Извѣстіе объ изгнаніи тѣхъ, которые, несмотря на давность пребыванія, не имѣли еще полныхъ правъ въ Пруссіи, облетѣло всѣхъ, начиная отъ роскошныхъ барскихъ домовъ и кончая самыми бѣдными избушками. Оно пробудило во всѣхъ странныя чувства, изумленіе, недовѣріе, тревогу, безпокойство. Нѣмцы уже грозили, хотя еще не знали всѣхъ деталей закона, хотя онъ даже еще не былъ принятъ и утвержденъ.

Въ богатыхъ домахъ боялись недостатка рукъ и работниковъ, уменьшенія голосовъ за представителей провинціи на сеймѣ, вообще политическихъ послѣдствій; въ избахъ во всей своей силѣ выступали нищета, неволя, голодъ и холодъ, съ которыми предстояло бороться изгнанникамъ. Покинуть землю и людей, къ которымъ привыкъ, — страшило даже самыхъ смѣлыхъ.

Ксендзъ на всѣ разспросы поводилъ только плечами и совѣтовалъ молиться Богу; шляхтичъ отвѣчалъ общими фразами; всѣ понимали, что несчастье не только возможно, но даже почти неизбежно. Мстительная рука судьбы чувствовалась въ этомъ жестокомъ средствѣ, необходимости котораго никто не понималъ. Нѣкоторые нѣмцы, предвидя, что законъ этотъ можетъ повредить ихъ собственнымъ интересамъ, подвергали его сомнѣнію.

Вездѣ рассчитывали, соображали, старались угадать, кого онъ можетъ задѣть. Хлопы ждали съ поникшими головами, не смѣя совѣтоваться, чтобы не выдать себя. Нѣкоторые упорно выдавали себя за здѣшнихъ, хотя въ дѣйствительности и происходили изъ-за границы.

Чиновники въ канцеляріяхъ были завалены работой съ утра до ночи. Съ полокъ доставали старыя, запыленные бумаги, къ которымъ давно уже никто не дотрагивался, и усердно копались въ нихъ.

Не одна ненависть и жажда мести искали удовлетворенія въ клеветѣ, такъ какъ каждый предвидѣлъ, что одного смѣло брошеннаго подозрѣнія будетъ достаточно для изгнанія изъ страны, возвращеніе въ которую было навсегда закрыто.

Страхъ со своими большими глазами не давалъ покоя даже тѣмъ, которымъ нечего было бояться.

Нѣкоторые заранѣе старались снискать расположеніе чиновниковъ, но тѣ отвѣчали на все важнымъ, серьезнымъ молчаніемъ.

Любаховскій, съ хладнокровіемъ приготовленнаго на все надломленнаго жизнью человѣка, предвидѣлъ то, что ожидало его, а главное тѣхъ, которыхъ онъ поилъ и кормилъ, и которые ему такъ вѣрно служили.

Дыдасъ былъ на первомъ планѣ. Чужеземецъ, съ давно просроченнымъ паспортомъ, онъ не имѣлъ никакой точки опоры, никакого предлога, чтобы остаться здѣсь; но онъ равнодушно смотрѣлъ на ожидавшую его участь.

— Гдѣ панъ, тамъ и я,—говорилъ онъ. — Прикажутъ убираться вонъ—лишь бы только съ нимъ. Что мнѣ?... Главное тутъ идетъ о немъ.

Дѣйствительно, тяжелѣе всего была участь Любаховскаго, такъ какъ у него не было уже ни прежнихъ своихъ друзей и покровителей, ни средствъ, чтобы поселиться гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ; однако, онъ все еще вѣрилъ, что Треубернеръ, если и не заступится за него открыто, то найдетъ какое-нибудь средство выхлопотать для него позволеніе остаться здѣсь. Главное, онъ заботился о своихъ людяхъ, къ которымъ привыкъ, любилъ ихъ, зналъ, что можетъ на нихъ разсчитывать и не сумѣетъ обойтись безъ нихъ.

— Я безъ Дыдаса—это все равно, что безъ правой руки и безъ глазъ.

Послѣ Дыдаса, не считая Жабской, такъ какъ она, какъ женщина, не подлежала, по мнѣнію старика, этому закону,—самымъ дорогимъ былъ Худзибой и его жена.

Безъ Ходзибуя, несмотря на всю его честность и добросовѣстность, панъ и весь дворъ обошлись бы еще какъ нибудь, но не безъ его жены. Теперь она, дѣйствительно, была душой Любахувки.

Дѣятельная, проникательная, живая, Крестя распоряжалась мужемъ, распоряжалась Жабской, подавала совѣты пану Григорію, а Дыдасемъ, который былъ восхищенъ ею, бросала, какъ мячикомъ.

Въ первую минуту, когда разошлось извѣстіе о предстоящемъ изгнаніи, Крестя слушала молча, съ сжатыми губами, насупивъ брови, время отъ времени требуя какихъ нибудь объясненій. Ожидали, что она скажетъ что нибудь, такъ какъ всѣ привыкли обращать на нее свои взоры и искать у нея совѣта. Она покачала головой, оперлась на руку, подумала и, видя всѣхъ въ отчаяніи, воскликнула со свойственной ей живостью:

— И это мужчины! Стоять, повѣсивъ носъ, вздыхаютъ — точно ужъ и конецъ свѣта для нихъ насталь... Какъ вамъ не стыдно! Развѣ пруссаки не люди? А если даже и выйдетъ такой законъ, то зачѣмъ же человѣку данъ разумъ, чтобы отдѣльныя личности не могли спастись?.. Гдѣ нельзя спасти всѣхъ, — хорошо спасти и нѣсколькихъ. Теперь только и надо думать о томъ, какъ бы надуть нѣмцевъ, какъ бы вывернуться. Если нельзя ихъ подкупить, то, быть можетъ, удастся найти какое-нибудь другое средство. На что же у насъ головы?.. Я знаю только, что я отвязываю фартукъ, ухожу изъ кухни, хоть бы мужъ умиралъ съ голоду, — завиваю волосы и отправляюсь ловить нѣмцевъ, чтобы спасти своего муженька, себя, а если удастся — и еще кого-нибудь.

Надъ ней начали смѣяться.

— Смѣйтесь, смѣйтесь, — отвѣчала она, нисколько не обижаясь. — Я не могу поступить иначе, если всѣ здѣсь теряютъ головы.

— Но что же вы думаете дѣлать? — спросилъ Дыдасъ, который свято вѣрилъ въ нее, но на этотъ разъ не могъ понять, что она собиралась предпринять.

Красавица Крестя посмотрѣлась въ зеркало и улыбнулась мелкимъ чертамъ своего хорошенькаго личика.

— Господь, между прочимъ, далъ намъ для защиты и лицо, — сказала она. — Доведенная до крайности, я, пожалуй, воспользуюсь и этимъ оружіемъ.

Дыдасъ вспыхнулъ отъ ревности и гнѣва.

— Мужъ вашъ будетъ очень доволенъ этимъ! — воскликнулъ онъ.

— Мужъ мой, — возразила она, нисколько не смущаясь, — онъ вѣритъ мнѣ, и, ручаюсь вамъ, что будетъ спокойно смо-

трѣть, какъ я буду вскруживать головы нѣмцамъ. Онъ отлично знаетъ, что ему нечего бояться.

Дыдась устыдился.

— Притомъ же, — прибавилъ онъ, — съ нѣмцами это не то, что съ нашимъ братомъ... Не знаю, есть ли у нихъ сердце, хотя они часто говорятъ и поютъ о немъ. Зарядъ пропадетъ даромъ...

— Это ужъ мое дѣло, — смѣясь, возразила Крестя.

Она собиралась было уже уйти послѣ этого, но вспомнила что-то и обратилась къ Дыдану.

— Я буду хлопотать за всѣхъ, не за одного мужа, — сказала она. — У меня на первомъ планѣ старый панъ, а я вижу, что онъ и не думаетъ защищаться, дочь не можетъ, зять не хочетъ. Ну, такъ, быть можетъ, мнѣ удастся что-нибудь сдѣлать; но только, слушайте, Дыданъ: тутъ дѣло идетъ о жизни или смерти; если я прикажу вамъ, вы должны все бросить и слушать меня.

Дыданъ покачалъ головой.

— Развѣ когда-нибудь бывало иначе? — тихо прошепталъ онъ.

Крестя разсмѣялась.

— Если такъ было, то нечѣмъ вамъ хвастаться, — сказала она, — потому что до сихъ поръ экономка не должна была распорядиться, но теперь, когда она одна не потеряла присутствія духа...

Дыдась поклонился. Онъ хотѣлъ было, воспользовавшись представившимся случаемъ, поцѣловать ей руку, но Крестя вырвала руку и, погрозивъ ему, убѣжала.

Вечеромъ, когда Ходзибуй вернулся съ поля, жена все ему рассказала и долго сидѣла съ нимъ на сундукѣ, совѣтуясь и шепчась. Это былъ образцовый мужъ, влюбленный до ослѣпленія, мягкій, вѣрующій въ свою Крестю, не ревнивый, и, если бы не излишняя снисходительность — золотой человѣкъ.

Насколько она была ртутью, настолько его можно было назвать оловомъ. Однако, когда Крестя оживляла его, онъ жилъ и двигался энергично.

На другой день, какъ она и собиралась, старательно принарядилась, сдѣлала дома всѣ нужныя распоряженія, заперла

кладовыя и чуланы, съѣла на телѣгу и поѣхала въ мѣстечко.

У нея еще не было обдуманнаго плана, она ѣхала просто наудачу; она ничего не знала, кромѣ того, что должна спасти Любахувку, пана своего и себя.

Прежде всего она заѣхала на постоянный дворъ, тотъ самый, куда бильярдъ каждый день привлекалъ множество народа и гдѣ кобылепольское пиво каждый день цѣлыми бочками вливалось въ глотки и желудки обѣихъ націй, такъ какъ, къ прискорбію нашему, надо сознаться, что ничто у насъ не привилось такъ легко и быстро, какъ привычка выпиванія огромнаго количества пива. Положимъ, пиво всегда было довольно распространеннымъ напиткомъ бѣдной шляхты въ Старой Польшѣ, но его больше ѣли, скорѣе питались имъ, чѣмъ пили. Медъ являлся напиткомъ развлекающимъ и отгоняющимъ мрачныя думы. Наконецъ, вино прибавляло силъ и оживляло. Всѣ знали, что пиво дѣлаетъ человѣка и мысли его тяжелыми, усыпляетъ и обезсиливаетъ.

Пиво въ «Познанской гостиницѣ» пана Губы было превосходно и наливалось съ большимъ умѣньемъ; одному Богу извѣстно, не подбавляли-ли въ него чего-нибудь, потому что нигдѣ оно не было такъ вкусно, какъ здѣсь.

Благодаря такому блестящему положенію своихъ дѣлъ, пану Губѣ удалось уже купить гостиницу, присоединить къ ней клочекъ земли и мечтать уже о какомъ-нибудь болѣе грандіозномъ предпріятіи. Вдовецъ, онъ имѣлъ только одну дочь Рузю, которую онъ очень любилъ и которую Крестя тоже любила и была съ ней въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ. Поэтому, ее очень хорошо принимали въ этомъ домѣ. А такъ какъ черезъ «Познанскую гостиницу» проходило все, что должно было происходить и происходило въ окрестностяхъ, то Крестя могла собрать здѣсь самыя лучшія свѣдѣнія о положеніи дѣла, тѣмъ болѣе, что дѣло это прямо и косвенно касалось всѣхъ, такъ какъ всѣ горячо имъ интересовались, и Губа съ Рузей также не менѣе другихъ.

Прибывъ въ гостиницу, Крестя сразу очутилась въ самомъ центрѣ сплетенъ; со всѣхъ сторонъ полились онѣ на нее, и

каждый вопросъ съ ея стороны былъ какъ бы поворотомъ ключа, отпиравшимъ затворъ.

Губа, который принималъ у себя весь здѣшній чиновничій міръ, очень хорошо понималъ, что не долженъ былъ ничего говорить противъ новаго закона, ни жалѣть изгнанниковъ, ни собогѣзновать, что у него отнять столько посѣтителей. И онъ молчалъ, хотя въ такомъ кругу, какъ теперь, съ дочерью и Кристей, онъ откровенно сознавался, что это будетъ общее разореніе.

— Ну, да развѣ ужъ ты такъ и позволишь имъ выгнать всѣхъ до единого, какъ бы имъ того хотѣлось? — спросила Кристя. — Развѣ нѣтъ какого-нибудь средства вывернуться?

Губа развелъ руками и проговорилъ:

— А какое же средство? На нихъ нѣтъ никакого средства.

Кристя улыбнулась.

— Мы еще поговоримъ объ этомъ, — возразила она, — но прежде всего — въ чьихъ рукахъ будетъ списокъ, на кого возложено переписать насъ несчастныхъ?

— Всѣ будутъ участвовать въ этомъ, — сказалъ Губа. — Понимаете вы? Если бы еще одинъ... но вѣдь тутъ одинъ будетъ бояться и остерегаться другого. Наконецъ, протрубили, что это дѣло очень важное, что самъ канцлеръ настаиваетъ на этомъ, такъ что всѣ наперерывъ пожелаютъ услужить ему, хотя бы изъ одной боязни.

— Очень хорошо, — отвѣчала Кристя, — но скажите мнѣ все-таки, кто здѣсь будетъ самымъ дѣятельнымъ, самымъ главнымъ?

Губа поднялъ руку, какъ бы собираясь пересчитать по пальцамъ, но вдругъ остановился.

— А развѣ вы ихъ знаете?

— Кого мнѣ нужно будетъ — постараюсь познакомиться, — отвѣчала экономка. — Говорите же, говорите.

— Прежде всего, старый Плеве, — сказалъ Губа.

— Что это за человѣкъ? — спросила она.

— Какимъ же ему и быть? Машина отличная, — отвѣчалъ хозяинъ, — прикажутъ ему считать — будетъ считать, шить сапоги — будетъ шить, судить — будетъ судить.

— А въ глубинѣ души? — прибавила Кристя.

— Добрый старикъ, — сказалъ Губа. — Изъ излишняго усердія впередъ не выскочить.

— Затѣмъ кто? — продолжала она разспрашивать.

Губа одну за другой перечиталъ еще нѣсколько фамилій высшихъ чиновниковъ. Всѣ они не нуждались въ комментаріяхъ. Наконецъ, очередь дошла до Баура.

— Молодой референдаръ, — сказалъ Губа, — но онъ принадлежитъ къ тѣмъ новымъ, которыхъ я не понимаю. Въ головѣ у него — страсть какъ умно, но все у него пустяки — ничего нѣтъ святаго на свѣтѣ. Онъ не злой; но если ему скажутъ, что что-нибудь необходимо для человѣчества, онъ готовъ на все. Я вамъ скажу, — если бы онъ завтра вдругъ перешелъ на сторону социалистовъ, демократовъ — бѣда была бы.

Кристя не совсѣмъ поняла это послѣднее мнѣніе.

— Есть еще у него молодой товарищъ ассессоръ Ридель.

Тутъ онъ покачалъ головой.

— Охъ, это тоже штука, — сказалъ онъ. — Я слыхалъ, что его на нѣсколько лѣтъ посылали по столицамъ, чтобы онъ присмотрѣлся къ организаціи полиціи, которая въ особенности была блестяща въ Парижѣ, при Наполеонѣ. Не знаю, извлекъ ли онъ изъ этого какую-нибудь пользу, но знаю то, что въ Парижѣ изъ него сдѣлали француза, ужаснаго волокиту, въ особенности за молодыми женами. Я, ей Богу, долженъ записать отъ него Рузю, — такой онъ дерзкій.

Кристя захлопала въ ладоши.

— Давайте-же мнѣ его, панъ Губа!

Старикъ даже отступилъ на два шага.

— Боже сохрани! — воскликнулъ онъ.

Кристя начала громко хохотать.

— Не бойтесь за меня, — сказала она. — Ни одинъ изъ нихъ мнѣ не страшень. Дѣло только въ томъ, черезъ котораго изъ нихъ можно бы что-нибудь сдѣлать, кто самый смѣлый, чтобы можно было завязать съ нимъ дружескія отношенія.

Хозяинъ стоялъ молча и серьезно глядѣлъ на нее.

— Въ такое дѣло я не хочу вмѣшиваться, — отвѣчалъ онъ. — Дѣло нечисто.

Раскраснѣвшаяся Кристя вскочила съ дивана.

— Вѣдь вы же меня знаете! — вскричала она. — Развѣ я

способна на грязное дѣло? Надо спасать людей, которые не могутъ себѣ помочь, которыхъ жалко.

— Вамъ только и спасать ихъ! — съ нѣкоторой злобой прибавилъ Губа. — Что вы себѣ вообразили? Что эти пруссаки, только приласкайся къ нимъ, только улыбнись, покажи зубки — такъ ужъ они сейчасъ и ручки сложать? Вы ихъ не знаете. Для нихъ нѣтъ отца съ матерью, если есть приказъ свыше. Тутъ ни вы, да и никто не поможетъ. Что приказано, то должно исполниться; ни упротить, ни разжалобить ихъ слезами вельзя. Это напрасно.

Губа безсильно опустилъ руки.

— Такъ этого офранцузившагося ассессора фамилія Ридель, — замѣтила Крестя съ притворнымъ равнодушіемъ. — А бываетъ онъ у васъ?

— Какже! — воскликнулъ Губа, почти обиженный этимъ сомнѣніемъ. — Гдѣ же бы ему и бывать какъ не здѣсь? Они сходятся съ Бауромъ за шахматами. Ридель человѣкъ со средствами, такъ что вмѣсто пива я выписываю для нихъ настоящаго французскаго вина отъ Ніера, и они выпиваютъ вдвоемъ каждый вечеръ по бутылкѣ; это удовольствіе стоитъ имъ всего только 15 зильбергрошей и вино ничего себѣ. Только немножко кислотовато.

— Сегодня онъ здѣсь будетъ? — спросила Крестя.

— Эхъ, оставьте вы меня въ покоѣ! — съ неудовольствіемъ возразилъ Губа. — И къ чему это поведетъ?

— Должна же я спасать себя и мужа? — воскликнула Крестя, — а какъ, ужъ это мое дѣло. Мужъ знаетъ объ этомъ и самъ меня послалъ; будьте спокойны.

Губа вздохнулъ.

— Я знаю, что у васъ ума довольно, но — береженаго и Богъ бережетъ. Зачѣмъ лѣзть въ когти дикому звѣрю? Развѣ мы не знаемъ этихъ людей? Это точно совсѣмъ другіе люди, у нихъ совсѣмъ нѣтъ жалости. Эхе-хе! — закончилъ онъ со вздохомъ.

— Но отчего же бы мнѣ не попробовать? — спросила экономка.

Губу кликнули изъ бильярднаго зала, и онъ быстро удался. Крестя осталась въ глубокомъ раздумьи вдвоемъ

съ Рузей на диванѣ. Онѣ почти не разговаривали; Крестя не объясняла своихъ намѣреній. Рузя только слѣдила за ней съ любопытствомъ.

Послѣ скромнаго обѣда, Крестя въ комнатѣ хозяйской дочки занялась исправленіемъ своего туалета. При всей его скромности, замѣтно было, что она хотѣла казаться хорошенькой, что ей давалось очень легко. Она въ высшей степени обладала женскимъ инстинктомъ, который не позволялъ ей сдѣлать въ своемъ туалетѣ какую-нибудь несообразность. Совершенно не измѣняя своего обыкновеннаго туалета, не прибавляя ничего рѣзкаго, яркаго, Крестя одной чистотой умѣла придать ему изящество, замѣняющее всякую роскошь. Параленточекъ, гладко причесанные и немножко завитые волосы, придавали ея лицу свѣжесть и какую-то особенную прелесть. Она казалась совершенно переодѣтой, хотя въ дѣйствительности едва-едва прикоснулась къ своему утреннему платью. Рузя удивлялась, что весь этотъ новый костюмъ помѣщался въ ея дорожномъ мѣшечкѣ.

Губа, который, ходя по хозяйству, время отъ времени заглядывалъ и къ дочкѣ, также удивлялся искусству молодой экономки такъ дешево и такъ изящно наряжаться.

Не теряя при этомъ времени, наговорившись съ Рузей, Крестя пересмотрѣла также всѣ нѣмецкія газеты, какія были въ Познанской гостиницѣ. Если бы она нашла какія-нибудь книги, она непременно прочла бы ихъ, чтобы удовлетворить своему любопытству, но у Губы, кромѣ календарей и божественныхъ книгъ, не было ничего.

Рузя читать не любила.

Вечеромъ начали собираться постоянные гости и окружили бильярдъ, на которомъ подвизалась молодежь. Изъ бильярдной залы двери вели въ другую комнату, гдѣ ѣли и пили. За ней была комната хозяина, занимаемая по вечерамъ Губой со своей дочерью, а теперь къ нимъ присоединилась еще и Крестя, которая выпросила себѣ вязать чулокъ, чтобы занять руки, и усѣлась такъ, чтобы Ридель, который долженъ былъ здѣсь играть съ Бауромъ въ шахматы, замѣтилъ ее. Ей казалось, что этого будетъ вполне достаточно, чтобы завязать съ ней знакомство. У Крести не было недостатка въ самона-

дѣянности, а оно, какъ извѣстно, всегда является признакомъ какой-нибудь силы.

Бауръ и Ридель пришли вмѣстѣ. Первый изъ нихъ съ не зажившими еще слѣдами почетныхъ ранъ, полученныхъ изъ-за чести «націи», былъ красивый, крѣпко сложенный юноша, съ веселымъ лицомъ, но слишкомъ обыденными чертами лица. Видно было, что когда оно потолстѣетъ и раздуется отъ пива, это будетъ фizioномія, ничѣмъ не отличающаяся отъ другихъ, встрѣчаемыхъ на улицѣ, около портерныхъ и складовъ пива. Теперь только еще остатки молодости дѣлали это лицо болѣе оживленнымъ и красивымъ. Ридель былъ вовсе не похожъ на товарища; продолжительное его пребываніе за границей придавало его фигурѣ и движеніемъ что-то чужеземное, нѣкоторую претензію на изящество, красоту и ловкость. Отъ прусской важности и натянутости у него осталось очень мало. Маленькая головка, маленькое личико, немножко искривленное, благодаря моноклю, костюмъ, обрисовывающій фигуру, очень быстрыя и довольно свободныя движенія—все это это имѣло въ себѣ что-то французское.

Однако, это не мѣшало Риделю осмѣивать французовъ, значительную часть обычаевъ и привычекъ которыхъ онъ самъ перенялъ. Въ особенноти къ женщинамъ онъ приступалъ совсѣмъ не по-нѣмцки — рѣшительно, пускаясь на остроуміе и поражая изяществомъ своихъ манеръ, что рѣдко встрѣчается среди нѣмцевъ.

Кристя не ошиблась, предположивъ, что когда онъ увидитъ ее, онъ сейчасъ же заберется въ ихъ комнату. Къ Рузѣ Ридель не смѣлъ подступить слишкомъ близко, потому что тутъ ему грозилъ бракъ, къ которому онъ питалъ отвращеніе. Увидавъ Кристю, онъ схватилъ Баура за руку.

— Елеазаръ,—вскричалъ онъ,—я умру, если ты меня не представишь! Кто она такая?

— Кто? Гдѣ?—смѣясь, спросилъ Бауръ.

— Посмотри-же, вѣдь это чудо красоты! — вскричалъ Ридель, поправляя на себѣ костюмъ.

— Да что тутъ! Экономка изъ ближайшаго имѣнія! — разсмѣялся Бауръ.—Могу тебѣ ручаться, что не переодѣтая царевна.

— Хотя бы даже пастушка! — въ восторгѣ вскричалъ Ридель, встрѣтивъ нарочно устремленный на него взоръ Кристи. — Пойдемъ, пойдемъ!

И схвативъ за руку Баура, онъ вошелъ съ нимъ вмѣстѣ въ комнату хозяина.

Этого только и ждала Кристи; теперь она уже была увѣрена, что будетъ имѣть его въ своихъ рукахъ. Ридель говорилъ по-нѣмецки и по-французски, такъ что не было другого выбора, какъ нѣмецкій, потому что Кристи, хотя и понимала по-французски, но говорить не рѣшалась, а по-нѣмецки болтала очень свободно. Она переняла даже чисто нѣмецкія остановки, пропуски, сокращенія, что придавало ея языку какую-то дѣтскую прелесть.

Послѣ перваго привѣтствія, Ридель такъ занялся ею, что Бауръ потерялъ всякую надежду оттащить его отъ нея и пошелъ искать себѣ другого партнера въ шахматы.

Своими чисто французскими изящными манерами онъ разсмѣшилъ бы непривыкшую къ нимъ экономку, если бы дѣло не было такъ важно для нея.

Само собой разумѣется, что въ этотъ вечеръ Кристи ни о чемъ не говорила, кромѣ тѣхъ мелочей обыденной жизни, какія могъ доставить городокъ. Ридель забавно описывалъ свою жизнь въ немъ, свою скуку и недостатокъ нѣмецкаго общества, къ которому онъ, по его словамъ, такъ привыкъ и которое онъ предпочиталъ всякому другому, да къ тому же и нуждался въ немъ, какъ въ нѣкоторомъ развлеченіи и отдыхѣ.

Кристи, какъ мы уже сказали, была очень любознательна и проглотила не мало книжекъ, не дѣлая особеннаго выбора между ними, и умѣла очень ловко обнаружить свою начитанность.

Ничто не могло болѣе поразить и пріятнѣе зазвучать въ ушахъ асессора, какъ этотъ признакъ высшей цивилизаціи («Bildung... Kultur») красивой женщины, которую онъ считалъ совершенно необразованной деревенской дѣвушкой. Для него любовница съ такими качествами, какія онъ съ каждой минутой открывалъ въ экономкѣ, была идеаломъ.

Губа, который расхаживалъ взадъ и впередъ, прислушиваясь къ разговору, просто остоленѣлъ, замѣтивъ, что подѣ

конецъ вечера нѣмецъ уже началъ усердно уговаривать Крестію переселиться въ городъ.

Бауру еле-еле удалось потомъ, хотя бы изъ приличія, вытаскать Риделя въ другую комнату за шахматный столикъ.

Ассессоръ былъ восхищенъ, упоенъ, очарованъ красотой и образованіемъ молодой женщины. Напрасно товарищъ старался ему объяснить, что Крестія очень бѣдна и находится въ положеніи болѣе чѣмъ скромномъ и къ тому же зависимомъ, имѣетъ мужа—простого и грубаго, что ни влюбиться въ нее, ни сблизиться съ ней не могло быть никакой надежды. Размечтавшійся ассессоръ и слушать этого не хотѣлъ. Онъ клялся, что со времени своего прибытія въ эти края, онъ не провелъ такъ пріятно ни одного вечера, что всѣ барышни и барыни этого маленькаго городка не достойны развязать ботинки прекрасной экономки.

Двѣ партіи, одну за другой, проигралъ Ридель, хотя обыкновенно онъ выигрывалъ, и не отпустилъ Баура, пока не узналъ всѣхъ подробностей относительно прекрасной Крестіи.

— Что самое скверное,—заклучилъ Вауръ,—что всѣ они изъ того хутора, и начиная съ хозяина, должны будутъ выселиться, такъ какъ они не здѣшніе.

Риделя покорило, но онъ не посмѣлъ ничего сказать.

Крестія, одержавъ такую побѣду, далеко не хвалилась ею. Она взгрустнула, задумалась, стала беспокоиться. Губа тоже ходилъ смущенный.

— И кой чортъ принесъ ее сюда!—ворчалъ онъ.—Нѣмецъ запылалъ, а нѣтъ ничего ужаснѣе того, если такой холодный челоуѣкъ согрѣется. Не дасть мнѣ покоя. А я тутъ еще долженъ буду прислуживать ему, помогать ему въ его любовной интрижкѣ.

На другое утро Крестія приказала заложить лошадей и отправилась въ Любахувку.

Не доѣзжая до дома, она встрѣтила въ полѣ своего мужа и, выскочивъ изъ телѣжки, бросилась ему на шею. Потомъ они, тихо разговаривая между собой, дошли до самыхъ воротъ, откуда Ходзибуй долженъ былъ вернуться въ поле. Тутъ Крестію поджидалъ Дыданъ, который со вчерашняго дня не имѣлъ ни минуты покоя отъ ревности и тревоги.

Онъ хотѣлъ было завязать съ ней разговоръ, но Крестя обошлась съ нимъ очень сурово.

— Ахъ, оставь ты меня къ покою! Ужъ не должна ли я отдавать тебѣ отчетъ въ каждомъ моемъ поступкѣ? Ничего не скажу, да нечего и говорить то, вотъ и все.

И захлопнула за собой дверь. Но черезъ полчаса она уже пошла на конференцію съ Жабской, потомъ и съ самимъ паномъ, у котораго просидѣла около часу. Дыданъ ходилъ съ опущенной головой.

Онъ былъ огорченъ поступкомъ экономки, которая такъ строго и такъ невѣжливо обошлась съ нимъ; но ей все позволялось. Онъ всегда говорилъ о ней съ глубокимъ уваженіемъ, оправдывалъ каждый ея поступокъ, хотя бы онъ былъ для него самого очень непріятенъ.

Онъ пошелъ, какъ убитый, посидѣлъ немножко, потомъ направился къ работникамъ, чтобы на нихъ выместить свой гнѣвъ. Но вдругъ — о, неожиданность! — изъ дома прибѣжала дѣвушка и, остановившись въ воротахъ гумна, стала кричать:

— Дыданъ, Дыданъ! скорѣй, скорѣй! Васъ зовутъ.

Дыданъ, никакъ этого не ожидавшій, поспѣшилъ, не вѣря своимъ ушамъ.

— Что? кто?

— Барыня, моя госпожа, экономка зоветъ васъ.

Работники разразились смѣхомъ, видя, какъ онъ пустился бѣжать по направленію къ дому. Всѣ знали его слабость къ пани Кресте, и подтрунивали надъ нимъ.

Крестя стояла у стола и въ большой мискѣ мыла посуду, до которой слугамъ не позволено было дотрогиваться, изъ боязни, чтобы не перебили. Она имѣла обыкновеніе всегда быть чѣмъ-нибудь занятой. Руки ея возились съ фарфоромъ, а голова была занята совсѣмъ другимъ. Увидѣвъ на порогѣ Дыдана, она улыбнулась.

— Только что прогнала васъ, — сказала она, — а вотъ ужъ и нуждаюсь въ васъ. Слушайте и отвѣчайте мнѣ коротко и ясно: что Фрейеръ до сихъ поръ якшается съ контрабандистами и помогаетъ имъ, или нѣтъ?

Дыданъ, который слѣдилъ за нимъ, поспѣшилъ увѣрить, что тотъ ни на минуту не переставалъ заниматься контрабандой.

— Но теперь онъ уже сдѣлался ихъ начальникомъ, т. е. человѣкомъ, который чужими руками жаръ загребаетъ. Другіе идутъ за него въ огонь, подставляють спины, сидятъ въ тюрьмахъ, а онъ собираетъ барыши.

— Это плохо! Это плохо! — задумчиво проговорила Крестя. — Мнѣ бы надо было поймать его на мѣстѣ преступленія.

— Теперь это уже трудно, — вздохнулъ Дыдасъ, — хотя иногда, при болѣе значительной контрабандѣ онъ еще присутствуетъ и самъ, караулить; они крадутъ съ нимъ вмѣстѣ, но, когда представляется удобный случай, обкрадываютъ и его.

— Фрейеръ больше всѣхъ намъ вредитъ, потому что постоянно подстрекаетъ, возстановляетъ противъ насъ, — прибавила Крестя со вздохомъ. — Ахъ, если бы Господь Богъ предалъ его въ наши руки!..

— Съ нѣкотораго времени, — сказалъ Дыданъ, — по приказанію пана мы уже стали снисходительно относиться къ нему, чтобы не дразнить его, но, если понадобится, его легко взять снова подъ надзоръ. Кто знаетъ!..

Крестя бросила на Дыдася такой выразительный взглядъ, что у него кровь закипѣла.

— Если вы прикажете, — проговорилъ Дыданъ, — я буду караулить его!..

— Мнѣ нечего вамъ приказывать, — скромно возразила экономка, — это дѣло не мое, это дѣло нашего пана. Хотите ему быть полезнымъ, дайте мнѣ въ руки Фрейера, только такъ, чтобы онъ не могъ отпереться отъ своего участія. Мнѣ не зачѣмъ объяснять вамъ всего этого, уговаривать.

— Вы знаете, что стараго пана нашего я люблю больше всѣхъ на свѣтѣ, послѣ Бога, — сказалъ Дыданъ.

Онъ хотѣлъ еще продолжить свою бесѣду съ ней, но Крестя, собравъ чашки и поставивъ ихъ на комодъ, принялась укладывать разбросанное бѣлье и взглядомъ своимъ уже прощалась съ Дыданомъ, вполнѣ увѣренная, что онъ исполнитъ то, на что она ему указала.

— Что у насъ сегодня? — спросилъ онъ уже на порогѣ.

— Ну! Слава Богу! Четвергъ! — разсмѣялась Крестя. — Что это, вы ужъ и счетъ днямъ потеряли?

— Съ субботы на воскресенье бываютъ часто очень важ-

ныя контрабанды. Фрейеръ иногда провожаетъ ихъ до границы.

— Не мое дѣло совѣтовать вамъ.

— Такъ, по крайней мѣрѣ, хоть благословите меня, — говорилъ Дыданъ.

Экономка со смѣхомъ обернулась и сдѣлала въ воздухѣ огромный крестъ, принимая очень серьезный видъ.

— Benedicat te Deus!

Ночь была безлунная, вѣтреная и темная; какой-то холодный, осенній, густой туманъ не позволялъ взору прорѣзать, ночную тьму, не давалъ свободно дышать.

Изрѣдка порывъ вѣтра налеталъ на вѣтви деревъ, которыя жалобно зашелестя, ломались и падали на землю. Никакого звука не слышно было въ этомъ свинцовомъ воздухѣ; мертвая тишина царила кругомъ. На небѣ никакая переменна не указывала на то, что такой мертвый сонъ могъ скоро окончиться.

На голыхъ вѣтвяхъ деревъ и сухихъ листьяхъ, охваченныхъ раннимъ морозомъ, медленно осѣдала сырость, подобная предсмертному поту. Все кругомъ спало или бѣжало прочь отъ этихъ мѣстъ, отзывавшихся гнилью и трупами.

Только на границѣ, которую кое-гдѣ обозначали нагнувшіеся столбы съ неразборчивыми надписями, время отъ времени какой-то тихій, глухой шорохъ прерывалъ молчаніе, но, едва достигнувъ уха, вдругъ прекращался и снова возвращалась продолжительная тишина.

Конная и пѣшая стража стояла на своихъ мѣстахъ, прислушиваясь къ каждому звуку, утомленная, защищаясь отъ сна рѣдкимъ позѣвываніемъ. Сырость, страшнѣе и холоднѣе лютаго мороза, пронизывала ихъ до костей.

Всѣ они знали, что такія ночи часто бывали предвѣстницами удачной облавы, кровавыхъ сценъ; что контрабандисты рассчитывали на всемогущій сонъ, быстроту нападенія и невозможность преслѣдованія.

Но обыкновенно все это дѣлалось въ извѣстное время, такъ какъ у нихъ было точно рассчитано время, необходимое на то, чтобы перебраться черезъ границу и сбросить свои тюки въ безопасномъ мѣстѣ.

Опасный часъ нападенія уже прошелъ. Люди, привыкшіе

разсчитывать время, развиваютъ въ себѣ такое чутье, что на яву, во снѣ, въ дремотѣ, въ томъ положеніи, когда человѣкъ впадаетъ въ совершенное забытѣ, они могутъ вести счетъ часамъ,

Иногда изнуренный сторожъ, просыпаясь, можетъ сказать, сколько времени онъ проспалъ. Была полночь; ничто не шевелилось. Подъ старой сосной, почти обнаженной отъ вѣтвей, стоялъ закутанный въ шинель сторожъ. Это было его любимое мѣсто. Внизу, въ пескѣ, между корнями сосны, онъ имѣлъ двѣ ямки, въ которыхъ могъ удобно держать ноги; большое углубленіе въ выгорѣвшемъ пнѣ позволяло ему облокотиться и отдохнуть, опершись на оружіе. Въ двухъ шагахъ отъ него ложе, приготовленное изъ сухихъ листьевъ и травы, было смято и походило на берлогу дикаго звѣря.

Сѣрая неподвижная фигура человѣка, казалось, спала.

Вдругъ, среди глубокой тишины, на опушкѣ лѣса послышался какой-то шорохъ. Онъ шелъ, приближаясь, точно огромный ужъ пробирался черезъ чащу. Стража уже проснулась и тихій свистъ сталъ вторить шороху. Всѣ три звука то прекращались, то возобновлялись и, наконецъ какъ бы ускореннымъ бѣгомъ, стали приближаться къ соснѣ и человѣку, который все еще стоялъ неподвижно. По всей границѣ вѣтеръ какъ бы въ заговорѣ съ этимъ таинственнымъ движеніемъ на землѣ, зашумѣлъ верхними вѣтвями сосенъ.

Вдругъ бодренный крикъ раздался въ воздухѣ и какъ бы подавленный какой-то тяжестью, заглушенный, смолкъ. Въ темнотѣ блеснуло. Поднялся шумъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать, кромѣ борьбы, стоновъ и проклятій. Человѣкъ, стоявшій подъ деревомъ, сидѣлъ на груди лежащаго на землѣ контрабандиста. На крикъ сбѣжались другіе стражники.

Одинъ изъ нихъ зажегъ приготовленные заранѣе лучины, отъ которыхъ разомъ вспыхнуло пламя и поднялся густой дымъ.

При свѣтѣ этого импровизированнаго факела можно было теперь разглядѣть, что осталось отъ ночнаго нападенія и борьбы. Часть контрабандистовъ, никѣмъ не преслѣдуемая, разбѣжалась по лѣсу, чтобы попасть въ руки заранѣе поставленной стражи. Главный отрядъ ихъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, наполовину погибъ подъ ударами засады, вторая же половина лежала связанной на землѣ, тщетно ища глазами помощи.

Въ длинныхъ сапогахъ, съ ружьемъ за плечами и револьверомъ у пояса, безъ шапки, потому что потерялъ ее гдѣ-то въ лѣсу, смѣясь, стоялъ Дыданъ, и нагнувшись надъ лежащимъ на землѣ человѣкомъ, съ притворнымъ почтеніемъ привѣтствовалъ его. Схваченный человѣкъ, маленькій, бѣдный, съ налитыми кровью глазами, рвался и метался, стараясь разорвать веревки.

Это былъ Фрейеръ. На искривленныхъ губахъ его, какъ пѣна у измученнаго коня, выступала слюна, окрашенная кровью.

Около нихъ не было никого. Раздѣль плѣнныхъ, повидимому, заранѣе условленный, оставилъ Фрейера въ рукахъ Дыдана.

Сцену эту освѣщала уже догоравшая лучина.

Пламя поиграло еще одну минуту на угляхъ, потомъ погасло, еще нѣсколько мгновеній бѣгали яркія искры... и снова мракъ окуталъ всю окрестность.

Подъ сосной слышно было какое-то движеніе, шорохъ, шепотъ, потомъ тяжелый ходъ коня, неузнанный и тихій шагъ его — и снова тишина.

Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ мѣста, гдѣ разыгралась эта сцена между двумя заклятыми врагами, стояла изба съ выбитыми окнами. Дыданъ, который велъ подъ уздцы лошадь, съ сидящимъ на ней связаннымъ Фрейеромъ, остановился здѣсь. Онъ помогъ плѣннику слѣзть съ лошади и толкнулъ его въ пустую хату. Фрейеръ не въ силахъ былъ сопротивляться; Приведя его, Дыданъ искалъ уже вокругъ себя свѣчку и спички. Заблестѣлъ свѣтъ. Фрейеръ закрылъ себѣ глаза. Онъ оглядывался вокругъ, а сторожъ, отгадавъ его мысль, толкнулъ его въ уголъ и погрозилъ.

Въ это время слышались приближавшіеся шаги. Это былъ Ходзибуй и писарь изъ сосѣдней деревни.

Напрасно Фрейеръ закрывалъ глаза. Прибывшіе встрѣтили его смѣхомъ и нѣмецкими комплиментами; только Дыданъ молчалъ. Онъ приготовлялъ бумагу и перо.

Теперь только должна была начаться рѣшительная борьба.

— Видите, герръ Фрейеръ, что я вовсе не хочу васъ губить; потому что, если бы я захотѣлъ это сдѣлать, мнѣ достаточно было бы передать васъ въ руки стражи, а я именно выручилъ васъ.

— Чего же ты хочешь за эту услугу?—взвиль Фрейеръ.— Знаю, что ты сдерешь съ меня шкуру, потому что долго ждалъ этого.

— Ни шкуры твоей, ни денегъ я не хочу, —отвѣчалъ Дыдасъ,—но мы напишемъ протоколъ о случившемся, а вы намъ его подпишите. Вы подстрекали управление, чтобы Любаховскаго и всѣхъ слугъ его выселили отсюда; теперь вы должны помогать, чтобы мы остались и могли спокойно сидѣть на мѣстѣ.

— Это не въ мой власти,—вскричалъ Фрейеръ.

— Дѣлай, что хочешь,—отвѣчалъ Дыданъ и приготовился писать.

Наступило молчаніе. Ходзибуй, очень жалостливый, но не вѣшивающійся ни во что, сообразивъ, что могло помочь въ такихъ обстоятельствахъ, досталъ привѣшенную къ поясу бутылку, откупорилъ ее, налилъ полную чарку нордгаузеровки и подаль дрожащему Фрейеру.

Нѣмецъ сначала оттолкнулъ ее; но потомъ подумалъ и, вытянувъ шею,—такъ какъ руки у него были связаны,—показалъ движеніемъ губъ, что принимаетъ предлагаемый напитокъ. Экономъ влилъ ему водку въ открытый ротъ, смѣясь надъ этимъ младенцамъ, котораго ему приходилось пить.

Дыдасъ между тѣмъ писалъ, писалъ быстро, кратко, прочитывая каждую строчку. Наконецъ онъ подписалъ свое имя и фамилію, пригласилъ Ходзибуя, потомъ писаря и сталъ развязывать правую руку Фрейера.

Нѣмецъ не защищался и не протестовалъ, глубоко задумавшись, вѣроятно надъ тѣмъ, какъ бы ему выпутаться. Все это было незаконно, насильственно и считалось за «Erpressung...» Потому Фрейеръ имѣлъ основаніе думать, что законъ долженъ былъ защитить его...

Но когда Дыданъ будетъ наказанъ на совершенное имъ насиліе, пришлось бы и ему отвѣтить за контрабанду, главныхъ виновниковъ которой давно уже розыскивали.

Дрожащей, затекшей отъ веревокъ рукой Фрейеръ подписаль протоколъ, уже ни слова не говоря.

— По моему, герръ Фрейеръ,—проговорилъ Дыданъ,—слѣдовало бы повѣсить васъ на первой осинѣ,—никто бы даже

и не полюбопытствовалъ узнать, кто оказалъ вамъ эту услугу; но пани экономка заступилась за васъ, ей вы обязаны жизнью.

Изумленнымъ взоромъ Фрейеръ искалъ около себя ту, которая спасла ему жизнь. Дыданъ разсмѣялся.

— У насъ все было такъ хорошо и такъ вѣрно обдуманно, что мы уже заранѣе рѣшили, что съ вами дѣлать. Экономка, наша добрая экономка не позволила васъ повѣсить. Вы должны навѣки сохранить къ ней чувство благодарности.

Фрейеръ сверкнулъ глазами, и въ нихъ отразилось чувство, совершенно непохожее на благодарность.

— Пустите же меня!—проворчалъ онъ.

— Волки съѣдятъ васъ въ лѣсу,—разсмѣялся Ходзибуй,—я готовъ проводить васъ до самого дома.

Фрейеръ молчалъ; ему развязали руки и распутали веревки. Дыданъ старательно спряталъ бумагу въ карманъ. Всѣ выпили по рюмочкѣ водки, а освобожденный нѣмецъ, хотя и могъ уже возвращаться домой, не двигался съ мѣста, помня о волкахъ, ночи и лѣсѣ.

Потомъ всѣ вмѣстѣ вышли изъ пустой избы въ лѣсъ, вѣтвями котораго шевелилъ вѣтеръ, страшивая съ нихъ капли дождя.

На фолъваркѣ всѣ спали, огни были погашены, только въ спальнѣ Ходзибуйевъ горѣла еще свѣча, и Крестя полусидѣла, полулежала на своей постели, прислушиваясь къ шуму вѣтра, прерываемому паденіемъ дождевыхъ капель на оконныя стекла. Она не могла спать, но была уже до такой степени изнурена нѣсколькими бессонными ночами, что каждую минуту глаза ея смыкались и голова падала на грудь. Но тотчасъ же пробуждаясь, испуганная, она стряхивала съ себя этотъ сонъ и начинала молиться.

На дворѣ тихо заворчала собака, чьи-то тихіе шаги приближались. Крестя встала, открыла окно и сдержаннымъ голосомъ, быстро, умоляющимъ тономъ, вскричала:

— Это вы? Это вы?

Издаലെка отвѣтили на это тихимъ хлопаньемъ въ ладоши, и Крестя, оставивъ окно открытымъ, выбѣжала.

Ходзибуй, по старшинству, пустилъ впередъ Дыдана, въ

разорванной одеждѣ, съ исцарапаннымъ лицомъ, съ растрепанными волосами, но смѣющагося съ триумфомъ.

На ладони онъ держалъ полъ-листа бумаги, которую онъ съ почтеніемъ отдалъ красавицѣ.

— А что? Развѣ не молодецъ? — вмѣшался Ходзибуй. — Блянусь Богомъ, если-бы не онъ велъ насъ, не онъ командовалъ нами и направлялъ насъ, контрабандисты похоронили бы насъ въ лѣсу, а такъ — ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ даже и выстрѣлить.

Любопытнымъ взоромъ пробѣжала Кристина протоколъ и затѣмъ взглядомъ поблагодарила Дыдаса.

— Вотъ видите, мы все исполнили по вашей инструкціи, точь-въ-точь какъ вы приказали; но какъ это поможетъ съ такимъ человѣкомъ?

— Это ужъ мое дѣло, — прервала эконома, — я буду знать, какъ съ нимъ поступить. И онъ долженъ быть мнѣ послушнымъ.

Ходзибуй зѣвнулъ и осмотрѣлся кругомъ.

— Все это хорошо, — проговорилъ онъ, — но у меня почти весь день ничего во рту не было, такъ что — дай-ка поѣсть, а политику отложимъ до завтра.

Съ сіяющимъ лицомъ явилась на другой день эконома въ комнаты пана. Дождь лилъ все время, а старый Любаховскій, сидя у окна, читалъ хронику. Это было его любимое занятіе. Въ немъ сказывалась ораторская жилка прадѣдовъ, и когда ему попадалась красивая рѣчь, онъ начиналъ произносить ее вслухъ, думая, быть можетъ, что призванъ произносить ее передъ цѣлымъ сеймомъ.

Эконома, ничего не зная объ этомъ, какъ разъ подоспѣла на рѣчь Яна Казимира, послѣ отреченія, которая уже вызвала у старика слезы на глазахъ. Отеревъ ихъ, онъ обратился къ ней съ привѣтствіемъ.

— Что же ты приносишь мнѣ, ранняя птичка?

Кристина поцѣловала у него руку.

— Надѣюсь, что ничего дурного, — съ нѣкоторой гордостью произнесла она. — У насъ однимъ врагомъ меньше стало. Мой мужъ и Дыданъ поймали вчера Фрейера на мѣстѣ преступленія, на границѣ, съ контрабандистами. Все было заранѣе

подготовлено. Фрейеръ принужденъ былъ подписать протоколъ, и теперь онъ у насъ въ рукахъ. Если онъ пожелаетъ повредить намъ хоть въ малѣйшихъ пустякахъ...

Любаховскій горько улыбнулся.

— И что же? Да вѣдь это самый вѣрный способъ сдѣлать его неумолимымъ врагомъ нашимъ. Теперь сообрази: онъ воръ, потому что онъ обкрадываетъ казну, а мы, не донося на него, становимся его сообщниками. Нечистое это дѣло, моя Крестя!.. Нечистое. Я знать ничего не хочу объ этомъ и ты не должна ни сама вмѣшиваться въ это дѣло, ни впутывать въ такія грязныя спекуляціи своего мужа или Дыдана.

Старикъ вздохнулъ. Крестя слушала его, слегка пристыженная и смущенная.

— Пусть будетъ такъ, какъ вы рѣшите, — сказала она. — А все-таки хорошо, если Фрейеръ будетъ бояться насъ, хотя бы мы ничего не собирались ему сдѣлать. Развѣ нужно выбирать средства для защиты, борясь съ такими подлыми, негодными людьми?

— Нужно, — возразилъ Любаховскій, — такъ какъ чужіе грѣхи не даютъ намъ права грѣшить.

Кристина уже не хотѣла далѣе ни оправдываться, ни спорить. Смѣлая женщина должна была выхлопотать у старика еще болѣе важную вещь; поэтому она снова поцѣловала ему руку, ласкаясь.

— Какъ же, дорогой панъ, не возмущаться, когда насъ такъ преслѣдуютъ ложью и клеветою.

— Про какую же это ложь ты говоришь? — спросилъ старикъ.

— Да какъ же, когда они называютъ васъ нездѣшнимъ, недавно сюда переселившимся?

— Что же ты хочешь? Я дѣйствительно переселился сюда только послѣ смерти Яна Непомуцена, — сказалъ старикъ, глядя ей въ глаза, которые она боязливо опустила.

— Но вѣдь вы здѣсь родились? — подхватила Кристина.

— Я не знаю, гдѣ я родился, — спокойно отвѣчалъ Любаховскій.

— Какъ же это возможно?

— Потому что прежде мы не очень заботились о бумагах и метриках, а я рано остался сиротой. Почему же ты знаешь, что я навѣрное здѣсь родился?

— Ахъ, Боже мой!—въ смущеніи проговорила она,— это всѣ говорятъ, всѣ знаютъ, и я увѣрена, что если-бы поискать, то и метрика нашлась бы.

На это смѣлое утвержденіе Любаховскій отвѣчалъ только знакомъ св. креста, не говоря ни слова.

— Ты бредишь, дитя мое, хотя и отъ добраго сердца, — сказалъ онъ хлодно.

Крестя, хотя покраснѣвшая и смущенная, не дала себя сбить, зная его снисходительность и расположеніе къ ней.

— Простите меня,—сказала она, все цѣлуя у него руку, которую тотъ отнималъ. — Всѣ говорятъ, что вы здѣсь родились, что родители ваши жили здѣсь. Вы говорите, что не знаете, гдѣ родились: отчего же бы это и не могло быть такъ, хотя вы и не знаете этого?

— Оттого, дитя мое, что я болѣе всѣхъ заинтересованъ въ томъ, чтобы знать, гдѣ я родился,—тихо проговорилъ старикъ,—и все-таки не добился достовѣрныхъ свѣдѣній.

— Потому что вы... право... честное слово,—быстро заговорила Крестя, — никогда и не старались отыскать свою метрику.

Любаховскій посмотрѣлъ на нее съ улыбкой, повелъ плечами и подалъ знакъ, что разговоръ объ этомъ долженъ считаться оконченнымъ.

Крестина еще разъ поцѣловала у него на прощанье руку и вышла изъ комнаты.

Что дѣлалось съ Фрейеромъ, пойманнымъ такъ ловко въ ловушку и вынужденнымъ подписать свой приговоръ,—трудно себѣ представить. Такимъ людямъ, какъ онъ, въ минуты отчаянія приходятъ въ голову самыя странныя мысли. Отчаяніе хватается за средства, не обсуждая ихъ, не взвѣсивая—тутъ уже нечего терять.

Вернувшись домой, онъ ни въ чемъ не признался своей женѣ; онъ далъ ей только понять то, что она сама уже очень давно знала, что онъ ненавидитъ Любаховскаго и его служащихъ, и что онъ не остановился бы ни-передъ какими жерт-

вами, чтобы отплатить имъ за все то, что онъ изъ-за нихъ вытерпѣлъ.

Фрейеру уже не разъ приходило въ голову употребить противъ Дыдасы то средство, которое ему недавно посоветовалъ Браузе—привлечь Дыдасы на свою сторону и завладѣть имъ при помощи женщины, которая сумѣла бы завлечь его въ свои сѣти.

Племянница его жены, Мина, которая жила у родныхъ въ Берлинѣ и иногда пріѣзжала въ деревню къ Фрейерамъ, пришла ему теперь на мысль. Авось она сумѣетъ забрать въ свои руки Дыдана и вырвать изъ его рукъ этотъ документъ, а самого его привлечь на свою сторону!

Мина казалась ему совершенно подходящей. Она была очень красива. Фрейеру она казалась гораздо прекраснѣе экономки, славившейся здѣсь своей красотой, она была молода, по крайней мѣрѣ, казалась такой ему и многимъ другимъ; наконецъ, это было испорченное созданіе, привыкшее къ городскимъ интригамъ, жадное до такихъ интригъ и старающаяся непремѣнно выйти замужъ.

Разъ, будучи у Фрейеровъ, Мина вслухъ высказала мнѣніе, которое показалось ему тогда чудовищнымъ: что она готова выйти замужъ хоть за поляка, лишь бы только надѣть чепецъ.

Въ отчаяніи, Фрейеръ, котораго Дыдасъ предупредилъ о своемъ скоромъ пріѣздѣ по извѣстному дѣлу, рѣшилъ выписать къ тому времени Мину, дать ей нужныя инструкции и даже удержать ее у себя, лишь бы только была надежда съ ея помощью прибрать къ рукамъ Дыдана. Онъ казался ему душой всей Любахувки.

— Не будетъ его, — говорилъ онъ, — Любоховскій падетъ, а я восторжествую.

Немедленно, не жалѣя даже денегъ, Фрейеръ телеграфировалъ Минѣ, чтобы она пріѣзжала ухаживать за его больной женой. Что Мина охотно покинетъ Берлинъ, чтобы поважничать въ деревнѣ, разыгрывая роль наслѣдницы бездѣтнаго дяди, — въ этомъ Фрейеръ не сомнѣвался.

Съ лихорадочной поспѣшностью отправилъ онъ телеграмму и получилъ отвѣтъ, что она сейчасъ же выѣзжаетъ. Надо

было подъ какимъ-нибудь предлогомъ отложить свое свиданіе и разговоръ съ Дыдапомъ до пріѣзда Мины.

Фрейеръ въ такихъ мелкихъ вывертываніяхъ былъ очень ловокъ. Дыдасю тоже нечего было особенно торопиться, потому что онъ держалъ въ рукахъ нѣмца. Мина, племянница Фрейера, на красоту и способности которой возлагались такія надежды, не представляла изъ себя ничего особеннаго, какъ воображалъ Фрейеръ.

Сирота, воспитанная въ большомъ городѣ... скорѣе самимъ городомъ, даже улицей, чѣмъ людьми, слишкомъ распущенная, очень рано наученная искусству кокетствомъ ловко кружить головы и опораживать карманы поклонниковъ, Мина отличалась тѣмъ, что вела свои дѣла всегда очень смѣло, доходила до самой крайней дозволенной границы, но перейти ее не позволяла никогда.

Будучи еще очень молодой дѣвушкой, она имѣла передъ глазами грустный примѣръ своей подруги, соблазненной и лишившей себя поэтому жизни.

Оплакивая ее, Мина поклялась, что никогда не допустить себя такъ погибнуть. Поэтому она дурила, бѣсновалась, но въ концѣ концовъ всегда представляла влюбленнымъ въ нее такой ультиматумъ:

— Женись на мнѣ.

А такъ какъ она не имѣла никакого приданаго, кромѣ хорошенькаго личика, много ловкости, но очень плохое воспитаніе и, наконецъ, весьма сомнительное наслѣдство по смерти Фрейеровъ,—то никто не хотѣлъ жениться.

Съ каждымъ годомъ Мина все болѣе нападала на весь мужской полъ, но это нисколько не помогало ей выйти замужъ.

Больше всего ее раздражало то обстоятельство, что другія дѣвушки, гораздо менѣе ея красивыя, менѣе ловкія, находили себѣ мужей, а она — нѣтъ! Такой ужъ у нея былъ... Ресъ.

Влетѣвъ къ Фрейерамъ какъ буря, Мина все перевернула вверхъ дномъ. Ее призвали къ больной, а старая тетка была здоровехонька. Наконецъ, дядюшка объяснилъ ей наединѣ въ чемъ тутъ дѣло: надо было вскружить голову полячку и заковать его въ неволю.

Мина бросилась цѣловать дядю въ знакъ благодарности, что онъ далъ ей порученіе, такое согласное съ ея призваніемъ. Ей казалось, что ничего не могло быть легче этого.

Не подозрѣвая, что его здѣсь ожидало, Дыдасъ, съ гордостью побѣдителя, явился наконецъ къ Фрейеру, заранѣе условившись, что застанетъ его дома. Но вмѣсто того, онъ нашелъ въ Gute Stube пестро наряженную, улыбающуюся незнакомую ему племянницу.

Послѣдняя, взглянувъ на Дыдана, вовсе не отличавшагося красивой наружностью, сейчасъ же сказала самой себѣ, что непременно завладѣетъ имъ. Одно только обстоятельство, повидимому, стояло на дорогѣ и, быть можетъ, дѣйствительное, спасло Дыдаса. Она ни слова не понимала по-польски; а онъ очень смѣшно и очень плохо говорилъ по-нѣмецки. Бойкая, смѣлая, миленькая дѣвушка, съ открытымъ ротикомъ, жгучимъ взоромъ, подсаживающаяся такъ близко, что онъ даже отодвигался въ смущеніи, — въ первую минуту сбила его съ пути. Онъ собирался предъявить Фрейеру свои требованія и... вдругъ попалъ на такое искушеніе. Просидѣвъ съ ней полчаса, такъ какъ Фрейеръ нарочно не приходилъ, — Дыдасъ хотѣлъ было уже дать тягу, потому что онъ не на шутку испугался Мины. Сильная тревога овладѣла имъ: что бы это могло значить?

Въ эту минуту вошелъ Фрейеръ, наблюдавшій за всѣмъ этимъ издали.

Однако, Мина не ушла, но, заступая мѣсто будто бы больной хозяйки, стала готовить закуску, не сводя глазъ съ Дыдаса, все время забавляя его и улыбаясь ему.

Дыдасъ, неловкій, тяжеловѣсный, загорѣлый, просто одѣтый, вовсе ей не нравился. Но у Мины было много родныхъ и знакомыхъ среди театральной прислуги, благодаря которымъ она часто посѣщала драмы и трагедіи и изучила искусство обольщенія по самымъ лучшимъ образцамъ. Подсмѣиваясь въ глубинѣ души надъ этимъ неотесаннымъ мужикомъ, она вела противъ него правильную атаку.

Дыдасъ былъ несомнѣнно честный, добрый малый и въ сердцѣ своемъ, крамѣ почтенія и уваженія къ экономкѣ, доходящихъ до страсти, не имѣлъ ничего болѣе, что могло бы

превратиться въ опасную для него страсть. Но онъ былъ чело-
вѣкъ и притомъ молодой, и желаніе понравиться ему пріятно
льстило. Поэтому онъ не очень сильно противился взорамъ и
улыбкамъ Мины, какъ это слѣдовало бы.

Она возбуждала его любопытство. Никогда еще онъ не
видалъ ни одной нѣмки въ такомъ родѣ.

Фрейеръ такъ ловко маневрировалъ, что Дыдасъ долженъ
былъ просидѣть у него гораздо больше, чѣмъ онъ того же-
лалъ, а Мина имѣла довольно времени, чтобы заинтересовать его.

Какъ онъ ей своей неотесанностью, такъ и она ему своей
смѣшной элегантностью вовсе не понравилась. Однако, онъ
долженъ былъ признать за ней большую долю живости, смѣ-
лости, не лишенной нѣкоторой прелести.

— Недаромъ она выросла на берлинскомъ хлѣбѣ,— гово-
рилъ онъ, возвращаясь упоенный, припоминая всѣ ея слова,
улыбки.—Вотъ такъ мѣщаночка! Вотъ такъ молодецъ!... Ахъ,
чтобъ ее!..

Въ планы Фрейера входило также познакомить Мину съ
экономкой, ввести ее на фольварокъ и такимъ образомъ облег-
чить ей сближеніе съ Дыдасемъ.

Экономка между прочимъ занималась лѣченіемъ больныхъ
крестьянъ домашними средствами. Мина, подъ предлогомъ
болѣзни тетки, отпиралась на фольварокъ. Она слыхала о
немъ и о Кристѣ, но представляла ее себѣ совершенно не
такой, какою нашла въ дѣйствительности.

Кристина произвела на нея подавляющее впечатлѣніе: она
почувствовала въ ней существо высшее, лишавшее ее смѣ-
лости. вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, пробудилась зависть и... и
ненависть. Невозможно было увлечь челоѣка, который каж-
дый день смотрѣлъ на такую красивую и гордую женщину.
Онъ, навѣрное, уже былъ влюбленъ въ нее. Воевать съ ней—
Мина не имѣла смѣлости.

Завязавшаяся уже интрига готова была порваться. Услы-
шавъ объ этомъ, Фрейеръ разсердился.

— А ты думала взять его, какъ грибокъ при дорогѣ?—про-
говорилъ онъ. — Что тебѣ такъ скучно у насъ? Хочешь бѣ-
жать въ Берлинъ?.. Потрудишься немножко. Здѣсь ты можешь
поискать себѣ мужа.

Кристя, при видѣ этой столичной барышни, которая привезла съ собою въ деревню глупыя моды, возмущенная, прямо объявила мужу, что хоть бы пришлось устроить сцену, она избавится отъ этой нѣмки.

Нѣмка и сама не имѣла никакого желанія напрашиваться на ея дружбу. Дыдана ловили другимъ способомъ. Его ловили въ полѣ, приглашали, возбуждая въ немъ несбыточные надежды, что это изгнаніе поляковъ, о которомъ столько говорили, окончится ничѣмъ и кто найдетъ хоть какое-нибудь пустяшное доказательство, что онъ давно живетъ здѣсь, тотъ останется.

Дыдасъ былъ слишкомъ простодушенъ и правдивъ, чтобы противиться кажущейся откровенности и, повидимому, доброжелательству Фрейера. Добротой его легко было подкупить.

— Они не такіе дурные люди, — говорилъ онъ себѣ, — какъ это мнѣ казалось. Всегда такъ!.. Своя рубашка ближе къ тѣлу.

Предупредительность и вѣжливость со стороны Фрейера; — хотя онъ легко могъ объяснить ихъ, мало - по - малу смягчали его сердце. Наконецъ, и эта Мина, которая сначала показала ему такимъ страннымъ хищнымъ созданіемъ, снискала его симпатію. Между прочимъ, она подкупила его и тѣмъ еще, что все расхваливала его успѣхи въ нѣмецкомъ языкѣ и высказала ему желаніе испробовать свой талантъ — въ польскомъ языкѣ.

Это была геніальная мысль.

Ничѣмъ не могла она такъ привлечь къ себѣ Дыдаса, какъ этимъ желаніемъ узнать его любимый языкъ. Онъ взялся давать ей уроки.

Минѣ никогда бы и въ голову не пришло учиться по-польски, но это было единственное средство сблизиться съ Дыданомъ. Побѣда склонялась на сторону негоднаго Фрейера. Дыдасъ, недовольный самимъ собой, не смѣлъ поднять глазъ, все больше и больше, самъ того не замѣчая, льнулъ къ ловкой нѣмкѣ. Онъ не узнавалъ себя. Между тѣмъ она, не давая ему понять, что она собирается его онѣмечить, на самомъ дѣлѣ дѣлала его гораздо снисходительнѣе къ всему, что происходило вокругъ.

Мало есть людей, которые могли бы противиться чувству, порожденному удовлетвореннымъ самолюбіемъ. Дыдась, въ котораго была влюблена красивая нѣмочка (потому что онъ такъ объяснялъ завязавшіяся между ними отношенія), самъ уже начиналъ чувствовать къ ней что-то. Мина умѣла выпытывать отъ него и собирать всѣ свѣдѣнія, необходимыя Фрейеру, которому, конечно, сейчасъ же все доносила.

Перемѣны, какая произошла въ немъ, никто бы пожалуй и не замѣтилъ такъ скоро, если бы не Крестя. Она строго обращалась съ Дыданомъ, когда онъ выказывалъ ей свою любовь, но когда она стала остывать, — первая замѣтила это.

— Дыданъ что-то перестаетъ мнѣ нравиться, — замѣтила она разъ мужу. — Я очень любила его прежде, когда онъ обнаруживалъ такую привязанность къ барину; я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что бы эта привязанность остыла, но онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ совсѣмъ другимъ, и, подъ предлогомъ наблюденій за Фрейеромъ, что-то слишкомъ часто заглядываетъ къ нему. Что его можетъ привлекать туда? Что это значитъ?

Ходзибуй улыбнулся и приложилъ палецъ ко рту.

— Оставь его! — это пройдетъ. Обыкновенная скарлатина, которую каждый долженъ перенести. Племянница Фрейера, ловкая дѣвка... поймала его на удочку. Однако мнѣ кажется, что это слишкомъ крупная рыба для нея — не удержитъ, сорвется.

Крестина даже вскрикнула.

— Что? Нѣмка? Нѣмка? Та, которую мы разъ встрѣтили въ полѣ съ Фрейеромъ, съ зелеными лентами?

— Ну да, — она самая!

— Хорошо, что ты мнѣ это сказалъ, — отвѣчала жена, — я должна его допросить! Нашелъ себѣ время для романа съ нѣмкой, какъ разъ когда они насъ, какъ дикихъ звѣрей, преслѣдуютъ. Съ ума сошелъ!..

При первой же встрѣчѣ Крестя не выдержала.

— Что это съ вами сдѣлалось? — спросила она Дыдана... Вы больше сидите у Фрейера, чѣмъ дома. Говорять, что вамъ припала по вкусу его племянница? Не хотѣлось бы мнѣ этому вѣрить.

— Кто же это вамъ наговорилъ про меня? — спросилъ онъ.

— Всѣ объ этомъ говорятъ, даже дѣвки, когда доятъ коровъ, — разсмѣялась экономка.

Юноша покраснѣлъ отъ стыда и призадумался; потомъ повелъ плечами. Крестя не спускала съ него глазъ.

— Не вѣрьте этому, — отвѣчалъ онъ. — Я караулю Фрейера, чтобы онъ не могъ повредить намъ, я слѣжу за нимъ, а людямъ кажется, что я ѣзжу изъза какой-то нѣмки.

— Что же? Вы находите ее красивой? — ехидно спросила она.

Онъ не захотѣлъ пускаться въ дальнѣйшій разговоръ объ этомъ предметѣ и, не отвѣтивъ даже на ея вопросъ, отдавъ ей хозяйственное распоряженіе Любоховскаго, удалился.

— Я готова поклясться, что тамъ дѣйствительно что-то есть, — въ раздумьи проговорила экономка. — Онъ имѣлъ видъ преступника: вратъ онъ еще не научился.

Вокругъ все уже начинало волноваться, приходитъ въ движеніе, хотя законъ еще не начали примѣнять. Это должно было подогрѣть уже начинавшій было остывать нѣмецкій патріотизмъ, а ничто не могло произвести такого сильнаго дѣйствія, какъ эти дрожжи, сфабрикованныя изъ польской крови и слезъ.

Нанятый для этого философъ Гартманъ одобрялъ это средство, какъ якорь спасенія для всей будущности нѣмцевъ; и въ самомъ дѣлѣ, чего только нельзя доказать продажными софизмами? Опасность, указанная имъ, относилась ко всему славянскому міру, но съ другими славянскими народами не такъ легко было продѣлать подобную штуку, какъ съ поляками. Надъ кѣмъ-же ее продѣлать?

Само собой разумѣется, что надъ слабыми и беззащитными! Отнять у нихъ землю, ни до чего и никуда ихъ не допускать, не давать имъ даже никакого мѣста, которое могло бы доставить вліяніе, силу и власть!..

Такъ какъ очень легко было придумать какую-нибудь от-

личную формулу закона, которая позволила бы изгнать цѣлыя тысячи поляковъ и очистить мѣсто для нѣмецкихъ колоній,— то мысль эта крѣпко засѣла въ головы нѣмцевъ.

Поводы этого движенія были различны. Самое движеніе чрезвычайно быстро и неожиданно. Однихъ подстрекала ихъ собственный интересъ, другіе хотѣли подслужиться, какъ патриоты, и создать себѣ такимъ путемъ честь и славу. Нѣкоторые наконецъ просто обрадовались, что нашли себѣ какое-нибудь интересное занятіе. противъ этого застоя. Въ пивныхъ горячо обсуждали вопросъ о преслѣдованіи поляковъ, придавая этому очень большое значеніе. Болѣе смѣлые предлагали даже свои чудовищныя программы; всѣмъ извѣстно, что насколько нѣмецъ обыкновенно бываетъ сдержанъ, настолько же онъ бываетъ необузданъ, разъ его выбьютъ изъ колен: онъ тотчасъ прибѣгаетъ къ самымъ крайнимъ теоріямъ, не уважающимъ ничего на свѣтѣ.

Не разъ случалось, напримѣръ, на нѣмецкихъ дорогахъ, что военные пассажиры запрещали въ вагонѣ говорить по польски. Другіе предлагали закрыть польскія типографіи. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ вездѣ на водахъ меню объѣдовъ, обыкновенно писавшіяся по-французски, приказываютъ писать по-нѣмецки. Подобныхъ мелочей существуетъ множество. Извѣстіе о какомъ-то правительственномъ распоряженіи, объявлявшемъ войну полякамъ, должно было взволновать умы, Въ законѣ есть статья, наказывающая за возбужденіе взаимной ненависти среди подданныхъ одного и того же государства, — а тутъ ненависть эту поддерживали въ высшихъ слояхъ и старались узаконить ее.

Всѣ бросились въ эти вновь открытыя ворота.

Въ первую минуту, когда должна была начаться эта странная очистка, которая пока только еще носилась въ воздухѣ и нельзя еще было даже знать—приведется-ли она въ исполненіе,—безпокойство и волненіе умовъ было самое большое.

Одни старались защитить себя отъ преслѣдованія, другіе—извлечь изъ него какъ можно больше пользы для себя. Въ маленькомъ городѣ всякое такое столкновеніе интересовъ гораздо опаснѣе, чѣмъ въ большихъ центрахъ жизни, гдѣ оно имѣетъ столько выходовъ въ различныхъ направленіяхъ, что

никогда не течетъ такъ порывисто по одному руслу. Въ этихъ маленькихъ лужахъ обыкновенно господствуютъ покой, ствiе и усыпленiе, но лишь только попадетъ въ нее какая-нибудь возбуждающая капля, — сейчасъ поднимается страшная муть. Ни одно явленiе не проходитъ здѣсь, не оставляя за собой слѣдовъ.

Такъ было и здѣсь, у Губы, гдѣ чиновники собирались вокругъ пива и бильярда. Последнимъ, впрочемъ, были не особенно довольны, и Губа обѣщалъ поставить новый; но, какъ человекъ съ царькомъ въ головѣ, онъ хотѣлъ сначала избавиться отъ стараго инвалида, а потомъ уже какъ можно дешевле купить другой на его мѣсто.

Прежде бывало, что окрестная молодежь хоть проѣздомъ заѣзжала на часокъ къ Губѣ, чтобы поболтать хоть бы и по-нѣмецки съ Плеве, Бауромъ, Риделемъ и другими.

Теперь шляхта стала обѣзжать это мѣсто, гдѣ она часто бывала принуждена вести разговоръ о щекотливомъ предметѣ... Губа охалъ, но на это не было никакого лѣкарства. Раздѣлить гостиницу на два аппартаменты для двухъ націй, значить, признать обостренное положенiе, которое не могло же вѣдь продолжаться вѣчно.

Такимъ образомъ, Познанская гостиница стала посѣщаться исключительно нѣмецкими чиновниками и колонистами. Фрейеръ, Браузе и даже Золингеръ, показывались поодиночкѣ почти каждый день.

Ридель, въ первый разъ встрѣтившій здѣсь Кристину, о которой не могъ забыть, прибѣгалъ сюда и слѣдующiе дни, ища ее, разспрашивая про нее, и, повидимому, такъ былъ занятъ ею, что Бауръ, который въ особенности не одобрялъ этого, безжалостно смѣялся надъ нимъ.

Кристя, которая въ своей умной головкѣ рассчитала все, хотѣла забрать въ свои руки Риделя и черезъ него спасти Любоховскаго; но для этого надо было довести его до известной степени горячности чувствъ, раскалить его, какъ желѣзо передъ ковкой. Она только по книжкамъ знала, что такъ бываетъ, но не напла ни малѣйшей опасности. Она шла наобумъ.

Поэтому она рассчитала, что чѣмъ дольше она не пока-

жется, тѣмъ она будетъ болѣе желанной. И дѣйствительно, когда Ридель, послѣ недѣльнаго тщетнаго ожиданія, увидѣлъ ее, онъ совсѣмъ потерялъ рассудокъ.

Счастье еще, что встрѣча эта произошла въ комнатѣ дочери Губы и не имѣла ни одного свидѣтеля.

Хотя Кристина и защитила себя отъ нѣмца, садясь за Рузей, но не могла помѣшать ему подойти къ ней съ другой стороны.

Изъ устъ Риделя полились жалобы, признанія, вопросы, такіе спутанные, что на нихъ трудно было отвѣчать. Губа очень неловко вмѣшивался въ разговоръ, Рузя изъ простаго любопытства не оставляла подруги.

— Ахъ!—съ жаромъ восклицалъ ассессоръ,—вы не можете себѣ представить, какъ я скучалъ о васъ. Вы здѣсь единственный человѣкъ, съ которымъ можно поговорить, который выдѣляется изъ окружающей толпы. Не могу повѣрить, не могу надивиться, что вы не были ни въ Парижѣ, ни въ Берлинѣ или даже въ какомъ-нибудь большомъ городѣ,—и усвоили себѣ столько вещей, доступныхъ только немногимъ.

— Однако, какой вы льстецъ,—смѣясь возразила Крестя.— Я не знаю даже самыхъ простыхъ вещей, хотя и стараюсь разгадать ихъ; вы слишкомъ снисходительны... Я не получила блестящаго образованія и всѣмъ, что знаю, обязана исключительно самой себѣ.

— Тѣмъ удивительнѣе!—вскричалъ Ридель.—Представьте же себѣ такого человѣка, какъ я, осужденнаго, послѣ жизни въ совершенно иной сферѣ, дышать здѣшнимъ тяжелымъ воздухомъ. Какое это счастье, когда найдешь передъ кѣмъ излить свое горе! Вы должны хоть изъ жалости навѣщать здѣсь насъ, какъ больныхъ.

— А мы?—возразила Крестя,—мы гораздо бѣднѣе, несчастнѣе васъ. Намъ столько предстоитъ перенести... А вы еще хотите, чтобы мы васъ жалѣли...

Ридель прикусилъ губу, оглянулся вокругъ и пробормоталъ:

— Развѣ это васъ касается?

— Такъ, значить, вы не знаете, до какой степени это тяжело для меня?

Ассессоръ сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, такъ какъ ему не хотѣлось затрагивать щекотливый вопросъ.

— Что? — спросилъ онъ.

— Ну, ужъ какъ будто вы не знаете, что насъ здѣсь почти всѣхъ, не исключая меня съ мужемъ, моего стараго пана... всѣхъ, всѣхъ грозятъ выгнать вонъ, что всѣ мы стоимъ въ спискѣ.

Ридель сморщился.

— Что тамъ говорить объ этомъ? — сказалъ онъ. — Ничего еще нѣтъ, такъ только, пустая болтовня.

— И вы ручаетесь, что ничего изъ этого не будетъ! — на-
кинулась на него Кристия.

Ридель сразу остылъ, точно кто-нибудь холодной водой его облилъ.

Наступило неловкое молчаніе. Ассессоръ, видимо, искалъ ка-кого-нибудь для себя выхода изъ этой такъ рѣшительно по-ставленной дилеммы.

— Это не такія вещи, — сказалъ онъ, наконецъ, — о кото-рыхъ можно такъ легко говорить; могу вамъ только пору-читься, что законъ и все, что законъ требуетъ, должно быть точно исполнено. Правительство дѣлаетъ то, къ чему побу-ждаетъ его необходимость.

Кристина сидѣла съ опущенной головой, не поднимая на Риделя глазъ.

— Трудно намъ, бѣднымъ, понять эту необходимость, — отвѣчала она, — достовѣрно только одно: что мы падаемъ ея жертвой... А вы хотите, чтобы мы, осужденные на цыган-ское скитанье по свѣту, завтра ожидая декрета, сегодня еще веселились?

Услыхавъ, что Кристина заговорила такъ смѣло, Губа испугался и ушелъ, подавъ знакъ дочери, чтобы она держалась въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ разговаривающихъ, такъ что Кристия осталась одна съ ассессоромъ.

Желая вывернуться, Ридель отвѣтилъ нѣмецкой поговоркой:

— Никогда не ѣдятъ кушанье такимъ горячимъ, какъ оно приготовлено.

— Да, я это знаю, — прошептала Кристия, — только кому-то позволять остыть?

— Развѣ это можетъ васъ интересовать, кто именно? — спросилъ онъ.

— Разумѣется; прежде всего меня интересуеъ мой мужъ и моя судьба, потомъ мой добрый старый баринъ, котораго мнѣ хотѣлось бы спасти, хотя бы цѣной своей жизни, затѣмъ всѣ тѣ, съ которыми я жила... страдала... росла... Кажется, мы всѣ въ Любахувкѣ осуждены.

Ридель ломалъ и рвалъ на кусочки недокуренную сигару.

— Развѣ вы это знаете?—прервалъ онъ.

— А вы вовсе и не знали объ этомъ?—спросила экономка.

— Не зналъ, нѣтъ, — отвѣчалъ вышедшій изъ себя нѣмецъ. — Я чиновникъ только, пока сижу въ канцеляріи и имѣю передъ собой бумаги... Разъ вставъ изъ-за стола и заперевъ за собой дверь, я уже становлюсь свободнымъ человѣкомъ, приобрѣтаю человѣческія права.

Испуганная такимъ оборотомъ разговора, который угрожалъ ей тѣмъ, что всѣ ея планы могутъ рухнуть, Кристина старалась какъ-нибудь дать другое направленіе.

— Вы сегодня слишкомъ погружены въ какія-то грустныя мысли, — замѣтилъ ассессоръ.

— Правда, и я призналась вамъ въ нихъ, — отвѣчала Крестя.

— Но то, что я услыхалъ сейчасъ отъ васъ, — сказалъ Ридель, — объясняетъ мнѣ, почему изгнаніе неизбежно. Весь домъ, вся прислуга, всѣ не здѣшніе.

— Нѣтъ, это не совсѣмъ вѣрно, — отвѣчала Кристина, — но всѣ очень мало заботились о томъ, чтобы обезпечить себя на законномъ основаніи, — всѣ полагались на какія-то — я тамъ не знаю — трактаты, общанія. Такъ, напримѣръ, нашъ старый панъ, который здѣсь родился...

— Его, навѣрное, не выселятъ, — прибавилъ Ридель.

— Нѣтъ, — и его, потому что никакъ не могутъ найти метрики, — возразила Кристина.

Все это уже наскучило ассессору.

— Такъ зачѣмъ же онъ не берегъ ея?

— Могъ-ли онъ ожидать, что, послѣ двадцати лѣтъ спокойной жизни, кто-нибудь спроситъ ее у него?

— А! — вскричалъ Ридель, — а если онъ вмѣсто метрики представить свидѣтелей?

Крестя засмѣялась.

— Ему около восьмидесяти лѣтъ, — замѣтила она.

Ассессоръ едва могъ усидѣть на мѣстѣ.

— Сдѣлаемъ условіе, — начала Крестя, ободряясь. — Мы, съ панной Рузой, а пожалуй и еще съ двумя-тремя подружками, обязуемся развлекать и развеселять васъ въ вашей скукѣ, а вы за это — спасти нашихъ мужей, отцовъ и братьевъ!

Хотя просьба Крести была высказана въ формѣ шутки, однако Ридель наморщился, и по измѣнившемуся лицу его видно было, какъ это ему было непріятно.

Онъ призадумался на минуту.

— Мнѣ рассказывали здѣсь исторію одного старичка, — сказалъ онъ, — который выдалъ дочь за важнаго чиновника, а теперь этотъ зять не хочетъ заступаться за тестя... Какъ же вы хотите, чтобы человѣкъ посторонній сдѣлалъ что-либо подобное!

— Вы знаете, чья это исторія? — спросила Крестя.

— Не знаю, — сказалъ Ридель, — я этихъ польскихъ фамилій ни произнести, ни запомнить никакъ не могу.

— Это именно грустная исторія моего барина. Дочь его вышла за нѣкоего Треубернера.

Фамилія эта, повидимому, поразила ассессора.

— Какъ?.. Граф Треубернеръ!.. Ея превосходительство?

— Это дочь моего пана Любаховскаго, — подтвердила экономка.

— А что же она дѣлаетъ? — съ любопытствомъ разспрашивалъ Ридель, оправившись отъ изумленія.

— Мнѣ кажется, — холодно сказала Крестя, — что, когда выгонять ея отца, она пойдетъ за нимъ...

Ассессоръ задумался и долго сидѣлъ молча, наконецъ пробормоталъ:

— Curiose Geschichte!

— Да, — прервала его экономка, — для васъ она curiose, а для насъ — traurige.

— А все это оттого, что старикъ не берегъ метрики, — задумчиво произнесъ ассессоръ, — но если бы она нашлась...

— Ахъ! если бы она нашлась! — вскричала Крестя, какъ молніей сверкнувъ своими глазами.

Ридель, въ отвѣтъ на этотъ вызовъ хотѣлъ что-то сказать, но вдругъ умолкъ. Онъ не замѣтилъ, какъ къ концу разговора подошелъ Бауръ, который, услыхавъ, о чемъ идетъ рѣчь, сильно толкнулъ его, какъ бы давая ему знать, что онъ слишкомъ увлекся.

Ридель и самъ сообразилъ, что его могли иначе понять, а потому замолчалъ.

Кристя, между тѣмъ, щебеча и не выходя за предначертанныя рамки, пересчитывала всѣ жертвы этого несчастнаго закона.

Ридель между тѣмъ успѣлъ опомниться, нѣсколько остынуть и заставить себя выслушивать въ холодномъ молчаніи горячій рассказъ экономки, который она излагала ему не жалѣя красокъ. Бауръ, надѣявшійся вытащить товарища изъ этого опаснаго мѣста искушенія, увидѣвъ, что старанія его были бы напрасны, всталъ и потитоньку вышелъ.

Кристя была такъ оживлена, такъ прекрасна въ своемъ увлеченіи, что Ридель, забывъ обо всемъ въ мірѣ, и не думалъ вовсе бѣжать отъ нея.

Изъ громкаго ихъ разговоръ перешелъ въ тихій, болѣе спокойный... На лицѣ Кристины замѣтенъ былъ лучъ какой-то надежды. Ей необходимо было въ тотъ же день вернуться въ Любахувку и, погоривъ съ Риделемъ, она исчезла.

Теперь только Бауръ могъ его вытащить изъ этой комнаты черезъ бильярдную залу.

— Дорогой ассессоръ, — сказалъ онъ ему, — непристойно мнѣ, младшему по лѣтамъ и въ служебной іерархіи, дѣлать тебѣ замѣчанія, но я не могу понять твоего увлеченія женщиной...

Ридель сдѣлалъ почти гнѣвное движеніе.

— Женщиной! — воскликнулъ онъ, — совершенно необыкновенной, подобную которой трудно найти у насъ въ Германіи! У насъ есть теперь все, даже флотъ, котораго еще такъ недавно у насъ не было, но женщинъ у насъ нѣтъ. Новомодное воспитаніе и реалистическое направленіе нашего вѣка лишили ихъ остатка поэзій. Когда-то наши женщины гордились пониманіемъ поэтовъ и любовью къ идеалу; теперь онѣ добиваются названія хорошей хозяйки. Такого *esprit follet*, какъ это простое дитя природы, я не отыщу во всей великой

Германиі... Поэтому не удивляйся, что она вскружила мнѣ голову.

— Жаль головы!—прибавилъ Бауръ.

— Феноменальное существо! — пробормоталъ Ридель, уже не слушая его.

Они вошли въ бильярдную комнату, въ которой царствовало грустное, торжественное молчаніе, прерываемое шепотомъ.

Всѣ собрались въ кучку и о чемъ-то тихо и осторожно разговаривали.

Пивно-бильярдное общество было въ этотъ день въ полномъ комплектѣ. Всѣ оглядывались на двери и каждый разъ, какъ въ нихъ появлялся Губа, всѣ умолкали или оборачивались къ бильярду, на сукнѣ котораго еще лежали шары отъ послѣдней партіи.

— Я никакъ не ожидалъ этого, — говорилъ одинъ изъ чиновниковъ. — Когда-то еще этотъ уголокъ заселится, — а я не думаю, чтобы это скоро могло случиться, — здѣсь будетъ настоящая пустыня.

— Да, это все виновата неслыханная неосмотрительность, безпечность этихъ людей. Нѣкоторые, повидимому, легко могли бы спастись, если бы были нѣсколько предусмотрительнѣе.

— Кто же здѣсь останется? — прошепталъ другой. — Я не знаю ни одного, котораго бы нельзя было выселить, хотя сыновья нѣкоторыхъ служили въ войскѣ.

Всѣ поводили плечами.

— Исключенія и модификаціи должны быть, — сказалъ другой.

— Не думаю, — возразилъ молчавшій до сихъ поръ уже посѣдѣвшій чиновникъ, — законъ этотъ изданъ не столько ради своихъ послѣдствій, сколько изъ-за того нравственнаго впечатлѣнія, которое онъ долженъ произвести. Онъ закроетъ дорогу. Поэтому, онъ долженъ быть неумолимъ и не щадить никого. Объ этомъ лучше всѣхъ долженъ знать Треубернеръ и поэтому не смѣетъ спасти своего тестя, который долженъ подвергнуться изгнанію.

— А мы, — прибавилъ одинъ изъ молодежи, вытирая пальцы, вымазанные мѣломъ при бильярдѣ, — а мы, оставшись здѣсь одни, будемъ какъ бы первыми піонерами въ американской

пустынь. Хотя, по правдѣ сказать, государство, обладающее всѣмъ необходимымъ для цивилизованной жизни, я предпочитаю тому, которое мы еще сами должны созидать, прежде чѣмъ начать извлекать изъ него прибыль.

— Роль колонизатора завоеванной земли, положимъ, очень почетна, но она будетъ тяжела, охъ, какъ тяжела!

Никто ничего не возразилъ на это. Золингеръ, стоявшій сбоку и курившій плохенькую сигару, махнулъ рукой.

— Я здѣсь поселился уже очень давно, — сказалъ онъ, — для меня всѣ а и перемены, которыя должны произойти, гораздо чувствительнѣе, чѣмъ для васъ. Я помню еще здѣсь время, когда мы, нѣмцы и поляки жили въ такихъ дружескихъ отношеніяхъ, что можно было ожидать очень сноснаго *modus vivendi*. Я, который хорошо знаю Швейцарію, гдѣ три языка рядомъ живутъ въ такомъ согласіи, а протестантизмъ и католицизмъ взаимно помогаютъ другъ другу, чтобы религіозное чувство не ослабло, — я думалъ тогда, что и здѣсь можно устроить сносную жизнь. Между тѣмъ... между тѣмъ, — Золингеръ вздохнулъ, — гдѣ только полякъ столкнется съ нѣмцемъ, тамъ непременно вмѣшается фанатизмъ. Кто началъ, я не знаю: поляки или мы. Лишь только затронули чувствительную струнку, которая зовется у насъ націей, сейчасъ же началась война. Газеты подливали масла въ огонь. Вмѣсто того, чтобы смягчать взаимную ненависть, ее разжигали. Поляки хвастались своей настойчивостью, вызывая правительство на бой. Трудно, чтобы кто-нибудь позволилъ насмѣхаться надъ собой, чувствуя свою силу. Мы, нѣмцы, писали небывалыя вещи о полякахъ и полькахъ, не зная ихъ вовсе. Языкъ ихъ мы сдѣлали какимъ-то діалектомъ, литературы не признавали, отказали имъ въ культурѣ, оплевали ихъ прошлое, вмѣсто того, что бы пожалѣть ихъ. Не было человѣка, который принесъ бы малѣйшую жертву для мира и спокойствія. И та и другая сторона прибѣгали къ различнымъ оружіямъ въ этой борьбѣ. Поляки обязаны намъ тѣмъ, что теперь они стали гораздо выносливѣе, хитрѣе, умнѣе, чѣмъ были. Наши преслѣдованія вырвали ихъ изъ оцѣпенѣнія, дали имъ достоинства и качества, которыхъ они не имѣли.

— Ого! ого! — прервалъ старый чиновникъ. — Вы слыш-

жомъ увлекаетесь, господинъ Золигеръ, слишкомъ. Надо знать поляковъ.

— Да, — замѣтилъ Золигеръ, — если-бы вы знали ихъ такими, какими они были, и сравнили съ тѣми, какихъ мы видимъ теперь, вы должны были бы сознаться, что они выиграли отъ этой борьбы, а мы проиграли. Мы научили ихъ бороться, придали имъ силы.

Старикъ вздохнулъ и сѣлъ на диванъ.

— Надо признаться, — вскричалъ послѣ нѣкотораго молчанія Ридель, — что эти поляки имѣютъ много недостатковъ, исключительно имъ присущихъ, но нельзя имъ отказать и въ извѣстныхъ достоинствахъ. Быстрый, острый умъ, сообразительность, но при этомъ неслыханное легкомысліе. Какъ тутъ понять, чтобы старинный владѣтель клочка земли — не знаю, какъ тамъ его фамилія — этотъ тестъ Треубернера, жилъ и хозяйничалъ здѣсь нѣсколько десятковъ лѣтъ, не стараясь обезпечить себя, не хлопоча о помѣщичьихъ правахъ, которыя прежде онъ такъ легко могъ получить.

— Вы упомянули о Любаховскомъ, — сказалъ, нагибаясь, Золигеръ, — я его очень люблю. Золотой человекъ. Но что же вы съ нимъ будете дѣлать, если онъ твердо увѣренъ, что Господь долженъ покровительствовать его народу и ему самому! Поэтому, онъ во всемъ полагается на Бога, а если и падетъ жертвой своей излишней вѣры въ Провидѣніе, то скажетъ себѣ въ утѣшеніе, что такова Божья воля, что онъ терпѣлъ и страдалъ за свои грѣхи и за грѣхи праотцевъ.

Молодые чиновники иронически улыбались.

— Какое грустное положеніе женщины, — прибавилъ Ридель, — этой фрау Треубернеръ, между мужемъ, который ничего знать не хочетъ объ ея отцѣ, и отцомъ, осужденнымъ на изгнаніе.

— Миѣ говорили, что разрывъ уже произошелъ; бракъ почти уже нарушенъ, а дѣти... — Золигеръ не докончилъ.

— Миѣ кажется, — началъ Ридель, наморщивъ брови, — что старика можно было бы спасти, и что его превосходительство Треубернеръ былъ бы очень благодаренъ за это. Ему самому, конечно, неловко касаться этого дѣла, но если бы кто-нибудь за него постарался,.

— Извините, — важно произнесъ Плеве, съ неудовольствіемъ вмѣшиваясь въ разговоръ, — вы слишкомъ далеко зашли. Тутъ ничего нельзя подѣлать, развѣ путемъ помилованія.

— Извините, господинъ совѣтникъ, — возразилъ Ридель, — все дѣло въ затерявшейся метрикѣ. Этотъ старикъ, отецъ фрау Треубернеръ, родился здѣсь.

— Никогда ничего не слыхалъ объ этомъ, — вскричалъ Плеве. — Всѣмъ извѣстно, что онъ пріѣхалъ сюда изъ королевства *), чтобы вступить во владѣніе этимъ клочкомъ земли.

— Что нисколько не мѣшаетъ томъ, что онъ могъ здѣсь родиться, какъ всѣ это утверждаютъ, — возразилъ Ридель.

— Но кто же утверждаетъ? — воскликнулъ Плеве.

— Я слышалъ это сейчасъ отъ его экономки, — пробормоталъ Ридель.

Смѣхъ, раздавшійся въ толпѣ, смутилъ говорившаго — онъ вдругъ остановился, но, желая чѣмъ-нибудь закончить свою рѣчь, онъ прибавилъ:

— Прелестная тема для писателей драмъ и романовъ.

Разговоръ, исчерпавъ этотъ предметъ, понемножку сталъ утихать. Посматривали на часы, нѣкоторые удалялись незамѣтно — по-англійски, другіе прощались, бильярдная зала опустѣла и послѣдній посѣтитель — какой-то бѣдный канцелярскій чиновникъ, вздремнувшій было въ уголкѣ, неожиданно разбуженный, не допилъ своей кружки пива и быстро удался, сильно сконфуженный.

Губа остался одинъ съ своими думами, грустный и апатичный. Съ заботой на сердцѣ началъ онъ читать вечернія молитвы и, осмотрѣвъ лампу, которая должна была горѣть всю ночь, легъ въ постель, рассчитывая, сколько онъ понесетъ убытковъ, когда этотъ несчастный законъ будетъ приведенъ въ исполненіе.

То же, что и съ нимъ, происходило почти со всѣми въ мѣстечкѣ и его окрестностяхъ. Болѣе слабые, фамиліи которыхъ легко поддавались передѣлкѣ на нѣмецкій ладъ, готовы уже были отречься отъ матери, лишь бы только спасти себя. Губа тоже охотно принесъ бы въ жертву необходимости свое

*) Царства Польскаго.

польское происхожденіе, но вѣра, которую онъ исповѣдывалъ, служила слишкомъ яснымъ доказательствомъ его происхожденія, а отъ вѣры Губа не отрекся бы ни за какія сокровища этого свѣта.

Между прочими людьми, принимавшими сердечное участіе въ общемъ горѣ, былъ и пробощъ *) стариннаго костела въ мѣстечкѣ. Среднихъ лѣтъ, энергичнаго характера, пріученный жизнью къ спокойной и безстрастной борьбѣ, ксендзь готовъ былъ, хотя бы подвергая опасности самого себя, помогать несчастнымъ.

Онъ предвидѣлъ, что во многихъ случаяхъ метрики могли служить доказательствомъ мѣстнаго происхожденія. Костель и кладовая, въ которой хранился маленькій архивъ, — два раза горѣли за послѣднюю половину столѣтія; нѣкоторыя метрическія книги совсѣмъ пропали, другія обгорѣлыя, не шнурованныя, не имѣли законной силы.

Однако, они могли послужить нѣкоторымъ указаніемъ, и на всякій случай ксендзь Кростекъ всю эту кучу разорванныхъ, полуобгорѣлыхъ книгъ перетаскилъ къ себѣ въ домъ, тщательно ихъ перебирая, пересматривая и по возможности приводя въ порядокъ.

Какъ разъ этой работой онъ былъ занятъ, самъ заступая мѣсто переплетчика, когда въ пріемной его комнатѣ раздалось откашливаніе и послышались чьи-то шаги.

Это былъ обычный способъ доклада о себѣ. Ксендзь Романъ Кростекъ спросилъ: кто тамъ? получилъ въ отвѣтъ: почтовый слуга ксендза добродѣя.

Напрасно стараясь узнать по голосу одного изъ многочисленныхъ «покорныхъ слугъ» своихъ, ксендзь проговорилъ:

— Пожалуйте ко мнѣ сюда...

На порогѣ появился ксендзовскій любимецъ — Дыдасъ.

Любахувка и старый нанъ ея имѣли то счастье, что люди ихъ любили... Старикъ этотъ — олицетвореніе прошлаго — съ яснымъ, открытымъ челомъ, съ благородной репутацией, съ непоколебимымъ душевнымъ спокойствіемъ, пробуждалъ уваженіе даже въ противникахъ своего народа.

*) Ксендзь.

— Какъ поживаешь, дитя мое? Какъ поживаешь?—проговорилъ ксендзь, не вставая изъ-за столика, за которымъ онъ сидѣлъ безъ сутаны *), съ засученными рукавами и лицомъ раскраснѣвшимъ отъ непривычнаго труда.

— Какъ видишь, мнѣ пришлось превратиться въ ремесленника,—засмѣялся онъ,—добросовѣстнаго переплетчика нѣтъ, а тутъ каждый маленькій листокъ имѣетъ громадную важность. Такъ что клею самъ, какъ могу; но надо отдать справедливость, занятіе это далеко не изъ пріятныхъ — весь перемешается клейстеромъ.

Дыдась готовъ былъ бы помочь ксендзу, но время у него было точно разсчитано, онъ долженъ былъ скоро вернуться, ему было поручено пригласить ксендза въ воскресенье къ обѣду.

— Придется вамъ морить себя голодомъ изъ-за меня,—возразилъ онъ, выслушавъ порученіе,—потому что въ воскресенье,—какъ бы я ни торопился,—я не могу быть въ Любахувѣ къ часу.

— Баринъ приказалъ сказать, что будетъ васъ ждать хоть до трехъ,—сказалъ Дыдась.

Говоря это, онъ подошелъ къ столику, на которомъ были разложены бумаги, и съ любопытствомъ присматривался къ этимъ пожелтѣвшимъ листамъ.

— Что это за реестры?—спросилъ онъ черезъ минуту.

— Метрики, — отвѣчалъ ксендзь Романъ, — но нѣкоторые изъ нихъ попали въ огонь, такъ что остались только клочки бумаги. Кто знаетъ? въ такія времена и это можетъ пригодиться...

— Боже мой!—пробормоталъ Дыданъ, — если бы вамъ какъ-нибудь, по счастью, нашлась въ этихъ бумагахъ метрика стараго пана.

— Какимъ образомъ? — возразилъ ксендзь, не прерывая работы, — вѣдь онъ прибылъ изъ Царства Польскаго?

— Но говорятъ, что онъ родился въ Познанскомъ княжествѣ,—прибавилъ Дыданъ.—Наша экономка клянется, что она сто разъ слыхала, что родители барина жили въ княжествѣ и онъ здѣсь явился на свѣтъ. Но... метрики нѣтъ.

*) Верхнее облаченіе ксендзовъ.

— Нѣтъ? — спросилъ ксендзъ. — Это ты мнѣ очень интересную новость сообщилъ! Нѣтъ метрики? Какъ же это можетъ быть?

— Я слышалъ это изъ устъ барина, — отвѣчалъ Дыдась, — онъ не знаетъ даже хорошенько, гдѣ родился...

Ксендзъ задумался и бумаги, которыя онъ держалъ, выскользнули изъ рукъ. Онъ посмотрѣлъ на года, выставленные на поляхъ, устремилъ на нихъ свой взоръ и не скоро поднялъ его на Дыдана.

— Сколько же лѣтъ вашему барину? — спросилъ онъ.

— Я заключаю изъ того, что слышалъ, что должно быть около 80, — проговорилъ Дыданъ. — И въ такомъ-то возрастѣ, когда пора бы уже и отдохнуть, намъ съ нимъ придется отправиться странствовать Богъ знаетъ куда. Онъ терпѣливо переноситъ это, какъ и все, что встрѣчаетъ его на жизненномъ пути, покоряясь волѣ Божіей; но, несмотря на кажущееся спокойствіе, я боюсь, что тоска по дорогой Любахувѣ заѣстъ его.

— Полно! — воскликнулъ ксендзъ, — до изгнанія и гоненія дѣло еще не дошло, а Господь Богъ милостивъ къ рабамъ своимъ.

Дыдась замолчалъ, опечаленный; онъ боялся говорить больше, поклонился, повторяя, что ксендза будутъ ждать къ обѣду, и ушелъ.

Ксендзъ Романъ долго сидѣлъ потомъ, съ глазами устремленными въ книги, и уста его невольно повторили:

— Ахъ, если бы метрика нашлась!..
